SIAJAK

KTCBCE 18+ PACCKAKET

POMAH

Annotation

Одиннадцатый роман Чака Паланика.

Одиннадцатый «бестселлер для интеллектуалов», в котором он изощренно и зло иронизирует над темой «Пигмалиона и Галатеи», а заодно — и над реалиями Голливуда.

«Вечная неудачница» и вечный Пигмалион — престарелая Хейзи Куган, некрасивая и немыслимо одаренная актриса, чьим истинным призванием стало делать суперзвезд из бездарных старлеток.

Ее любимая подопечная — ослепительная красавица и столь же ослепительная дура Кэтрин Кентон, которую вечно награждают за ничем не примечательные роли, вечно обольщают и используют, вышучивают — и обожают.

И наконец — хваткий, циничный альфонс Уэбстер, у которого на Кэтрин Кентон — весьма далеко идущие планы...

• Чак Паланик

0

0

- Акт I, сцена первая
- Акт I, сцена вторая
- <u>Акт I, сцена третья</u>
- Акт І, сцена четвёртая
- <u>Акт I, сцена пятая</u>
- <u>Акт I, сцена шестая</u>
- Акт I, сцена седьмая
- Акт I, сцена восьмая
- <u>Акт I, сцена девятая</u>
- Акт I, сцена десятая
- Акт I, сцена одиннадцатая
- Акт I, сцена двенадцатая
- Акт I, сцена тринадцатая
- Акт I, сцена четырнадцатая
- <u>Акт II, сцена первая</u>
- <u>Акт II, сцена вторая</u>
- Акт II, сцена третья
- <u>Акт II, сцена четвёртая</u>

- <u>Акт II, сцена пятая</u>
- <u>Акт II, сцена шестая</u>
- <u>Акт II, сцена седьмая</u>
- <u>Акт II, сцена восьмая</u>
- <u>Акт II, сцена девятая</u>
- Акт II, сцена десятая
- Акт II, сцена одиннадцатая
- <u>Акт III, сцена первая</u>
- <u>Акт III, сцена вторая</u>
- <u>Акт III, сцена третья</u>
- <u>Акт III, сцена четвёртая</u>
- <u>Акт III, сцена пятая</u>
- <u>Акт III, сцена шестая</u>
- <u>Акт III, сцена седьмая</u>
- Акт III, сцена восьмая

• <u>notes</u>

- o <u>1</u>
- o <u>2</u>
- o <u>3</u>
- 0 4
- 0 5
- o <u>6</u>
- o <u>7</u>
- o <u>8</u>
- o <u>9</u>
- o <u>10</u>
- o <u>11</u>
- o <u>12</u>
- o <u>13</u>
- o <u>14</u>
- o <u>15</u>
- · 16
- o <u>17</u>
- o <u>18</u>
- o 19
- o 20
- o 21
- o 22
- o <u>23</u>

- 24
 25
 26
 27
 28

- 29
 30
 31
 32

Чак Паланик

Кто все расскажет

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives и Andrew Nurnberg.;

- © Chuck Palahniuk, 2010 © Перевод. Ю. Антонова, 2012
 - Школа перевода В. Баканова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Посвящается ТК

Парень встречает девушку. Добивается девушки. Убивает девушку?

Акт I, сцена первая

Первая сцена первого акта начинается так: Ночь. Лилиан Хеллман, спотыкаясь, продирается сквозь колючие кусты какого-нибудь немецкого schwarzwald, причём на каждой груди у неё висит по еврейскому младенцу, а на спине — ещё орава детишек. Лили с трудом прокладывает себе путь через ежевичные заросли. Сучки цепляют расшитую золотом ночную рубашку от «Кристобаля Баленсиаги», чёрный бархат мнут бесчисленные пальчики нежных херувимчиков, которых она хочет спасти от раскалённых печей нацистского лагеря смерти. К мускулистым бёдрам Лилиан привязано ещё несколько невинных младенцев — беспомощных малышей еврейского, цыганского и гомосексуального происхождения. разлетается в клочья от выстрелов нацистских гестаповцев. Пахнет порохом и еловыми иглами, но сильнее всего — «Шанель № 5». Ручные гранаты и пули неустанно свистят над безупречно завитым шиньоном от «Хэтти Карнеги», так близко, что серьги-подвески Картье взрываются радужной россыпью бесценных бриллиантов. Изумрудные и рубиновые осколки бросают отсветы на безукоризненные бледные щёки мисс Хеллман...

Наплывом — следующий кадр.

Интерьер великолепного особняка на Саттон-плейс, принадлежащего, например, Билли Бёрк и украшенного самим Билли Хейнсом. Торжественно разодетые гости сидят за длинным столом в озарённой свечами комнате. Ливрейные лакеи выстроились вдоль обшитых деревом стен. Место во главе огромного стола занимает сама мисс Хеллман, она как раз описывает отчаянную сцену побега, свидетелями которой мы только что стали.

Медленная панорамная съёмка: тиснёные таблички с именами гостей напоминают страницу из списка «Кто есть кто». За столом собралась добрая половина исторических личностей двадцатого века: румынский принц Николай, Пабло Пикассо, госсекретарь Корделл Халл и режиссёр, композитор, продюсер Джозеф фон Штернберг. Цепочка из знаменитостей протянулась от Самуэля Беккета до Джина Отри и Марджори Мэйн, а от них — пожалуй, за край горизонта.

Лилиан делает паузу, чтобы как следует затянуться сигаретой. Выдохнув струйку дыма над головами Адольфа Цукора и Полы Негри, она произносит:

— В эту душераздирающую минуту я так жалела, что не ответила Франклину Делано Рузвельту: «Нет уж, спасибо. — И, стряхнув сигаретный пепел на тарелочку с хлебом, покачав головой, прибавляет: — Секретные миссии — не для меня».

Пока лакеи подливают гостям вина и убирают десертные блюдца, руки Лилиан плавно порхают в воздухе, сигарета вычерчивает замысловатые дымные каракули, ногти впиваются в незримые виноградные лозы, ища опоры на склонах отвесных скал, высокие каблуки месят грязь на пути к свободе, а силы всё не убывают под бременем беспомощных крошек — детей евреев и гомосексуалистов. Все взоры за длинным столом прикованы к Лили. Под расстеленными на коленях камчатными салфетками на каждой руке скрещены пальцы. Из каждого рта к небесам возносится молчаливая молитва: хоть бы мисс Хеллман подавилась тушёным цыплёнком подемидовски, рухнула на ковёр столовой и с корчами задохнулась...

Ладно, *почти* все взоры. Исключение — пара фиалковых глаз... и пара карих очей... и конечно, мой собственный настороженный взгляд.

Возможность умереть раньше Лилиан Хеллман стала навязчивой фобией целого поколения. Скончаться — и неизбежно пойти на корм ненасытной Лили. Так, чтобы вся твоя жизнь и доброе имя тут же скукожились до размеров голема, франкенштейновского чудовища, которого оживит и заставить плясать под свою дудку мисс Хеллман.

С первых же слов её речи напоминают фоновый шум к сериалу «Тарзан» — невразумительный щебет тропических птиц, вопли обезьянревунов и Джонни Вайсмюллера. Гав, ряв, скрип... Эмералд Кунард. Гав, уууу, скрип... Сесил Битон.

Возможно, болтовня Лили представляет собой редкую разновидность синдрома Туретта^[1], при котором человек начинает сорить именами. Или бессвязный лепет осиротевшего рекламного агента, вскормленного стаей волков и учившегося читать по колонкам Уолтера Уинчелла^[2].

Во всяком случае, это маниакальное бормотание — настоящая патология.

Ко-ко-ко, хрю, гав... Джин Негулеско.

Лили с лёгкостью переплавляет чистейшее золото чужих непридуманных жизней на собственные звонкие медяки.

Только чур, уговор: это $HE \ \mathcal{A}$ вам сказала.

Сидя в опасной близости от летающих в воздухе героических локтей, моя мисс Кэти пристально смотрит сквозь клубы сигаретного дыма. Кэтрин Кентон, актриса с неподражаемой статью. Её фиалковые глаза много лет

приучались не вступать в прямой контакт ни с чем, кроме объектива камеры. Никогда не встречать напрямую взгляд незнакомца, а вместо этого сосредоточиваться на губах или мочке уха. И вот, несмотря на годы тренировок, моя мисс Кэти, подрагивая ресницами, пялится через весь стол. Длинные пальцы прославленной белой руки поигрывают золотисто-каштановой прядью её парика. Другая, увенчанная перстнями рука теребит шесть жемчужных ниток, прикрывающих дряблую кожу на шее.

В следующее мгновение, в то время как лакеи расставляют чаши для омовения пальцев, Лилиан начинает вертеться в кресле, вскинув на плечо невидимую снайперскую винтовку, и стреляет, стреляет до последнего патрона. Она до сих пор обвешана детьми евреев и коммунистов. Сиротки болтаются на ней тяжёлым грузом. Когда винтовка раскаляется добела, мисс Хеллман издаёт гортанный боевой клич и бросает дымящееся оружие в штурмовиков.

Рррр, гав, скрип... Петер Лорре. Хрю, гав, скрип... Аверелл Гарриман.

Что может быть хуже смерти? Только вечность на поводке у Лили Хеллман, в виде ручного зомби, которого оживляют на торжественных ужинах или во время очередного радиоинтервью. Между тем рассказчица успевает взвалить на себя ещё одну партию малышей, невидимых цыганят, и подбросить их так высоко, чуть не к самой люстре, будто надумала катапультировать живой груз за покрытую снегом вершину Маттерхорна, на безопасную землю Швейцарии.

Хррр, ууу, скрип... Сара Бернар.

Теперь уже Лилиан Хеллман обеими руками сжимает невидимую шею Адольфа Гитлера: только что она, притворившись немецкой актрисой и танцовщицей Лени Рифеншталь, с купленными на чёрном рынке блоками сигарет «Лаки Страйк» и «Парламент» в руках, пробралась в подземный берлинский бункер — и теперь душит спящего диктатора прямо в постели.

Иааа, гав, и-го-го... Бэзил Рэтбон.

Бросив воображаемого перепуганного до смерти Гитлера на середину обеденного стола, Лили клацает зубами, а её наманикюренные ногти тянутся выцарапать бессовестные нацистские глаза. Не разжимая стиснутых вокруг незримой шеи ладоней, она принимается колотить невидимой головой фюрера по столешнице, так что на скатерти подпрыгивают бокалы и позвякивает серебро.

Скрип, мяу, чирик... Уоллис Симпсон.

Ууу, иа, чив... Диана Вриланд.

За миг до убийства Гитлера Джордж Цукор поднимает глаза. Охлаждённая вода, благоухающая свежепорезанными лимонами, ещё

капает с его пальцев в чашу. И Джордж произносит:

— Прошу тебя, Лилиан.

Бедняга Джордж говорит:

— Кончай уже, а?

Мисс Кэти отвечает взглядом один молодой человек, усаженный дальше солонок, позади многочисленных профессиональных нахлебников, наркоторговцев, месмеристов, ссыльных белогвардейцев и бедного Лоренца Харта, почти что за горизонтом, у самого края обеденного стола. Его карие очи напоминают цветом бокал рутбира, просвеченный насквозь ярким солнцем, какое бывает Четвёртого июля. Прямо-таки образчик чистопородного американца. Такое классическое, симметрично очерченное лицо, растянувшееся в довольной ухмылке, так и грезишь увидеть однажды у себя между бёдрами.

Рискованное занятие — любоваться звёздами у горизонта. Эльза Максвелл^[3] сказала бы так: «Никогда не поймёшь, собирается ли эта блестящая точка взойти или сразу же закатиться».

Лилиан вдыхает наступившую тишину через кончик зажжённой сигареты, стряхивает пепел на тарелку для хлеба и произносит:

— Кстати, вы слышали? В это трудно поверить, — заявляет она, — однако Элеонора Рузвельт перецеловала все волосы на моём лобке...

Среди сигаретного дыма, лжи и Второй мировой войны ослепительный карий взгляд настоящего американца уставился через весь стол, поверх социальной лестницы, прямо в глубь знаменитых, прикрытых дрожащими ресницами фиалковых глаз моей работодательницы.

Акт I, сцена вторая

С вашего позволения, тут я сломаю четвёртую стену^[4] и представлюсь: Хэйзи Куган.

По роду занятий — не то чтобы платная компаньонка или профессиональная домработница. Да, на склоне лет мне предстоит чистить те же сковородки с кастрюлями, что и в юности, — я с этим вполне смирилась, ведь все они принадлежат великолепной, прославленной киноактрисе, мисс Кэтрин Кентон, хотя она к ним и пальцем не прикасается.

Я варю для неё яйца всмятку. Начищаю до блеска линолеум в кухне. Без конца полировать золотые побрякушки, врученные в дар мисс Кэти (их много, и каждая что-нибудь значит), тоже входит в мои обязанности. Но разве я прислуга? Можно подумать, мясник может быть прислугой нежных ягнят!

Моя цель — приводить в порядок творческий хаос мисс Кэти. Дисциплинировать её характер, известный своими капризами. Я из тех людей, кого Лолли Парсонс $^{[5]}$ называет «суррогатным позвоночником».

Да, мне приходится пылесосить ковры мисс Кэти и забирать заказы у зеленщика, но моя подлинная роль — не дворецкий и уж точно не горничная. В некотором смысле кому-то может показаться, будто мисс Кэти — моя хозяйка, учитывая, что в обмен на затраченное время и труд она обеспечивает моё существование, или что я тяжело работаю, пока она отдыхает и процветает, однако неужели брюква или несушка — хозяева фермера?

Элегантная Кэтрин Кентон повелевает мной не более, чем пианино способно приказывать Игнацию Яну Подеревски — перефразируя Джозефа Лео Манкевича, который однажды перефразировал меня, я первой произнесла и сделала изумительно умные вещи, которые позже помогли прославиться другим. В некотором смысле мы с вами знакомы. Если вы видели Линду Дарнелл в «Падшем ангеле» в роли официантки придорожной закусочной, с карандашом за ухом, — считайте, что видели и меня. Эту манеру Дарнелл без спроса присвоила. Как и Барбара Лоуренс с её ослиным хохотом в «Оклахоме». Столько великих актрис не постеснялись украсть мои самые заметные жесты или привычки, что вы могли видеть меня в работах Элис Фей, Маргарет Дюмон и Риз Стивенс. Во многих картинах прошлого мелькали мои фрагменты — поднятая бровь,

палец, нервно крутящий провод от телефонной трубки...

Забавно: Элеонор Пауэлл когда-то переняла мою фирменную манеру носить на одежде множество мелких бантов, — а я теперь щеголяю красными коленями уборщицы и распухшими руками посудомойки. И вовсе не той знаменитой походкой, за которую Дэррил Занук однажды сравнил меня с Клифтоном Уэббом в клетчатом килте. Мервин Лерой распускал слухи, будто бы я — тайное дитя любви Мари Дресслер от её постоянного партнёра по съёмкам — Уоллеса Берри.

В мои ежедневные обязанности входит размораживать холодильник мисс Кэти, а также утюжить её постельное бельё, однако я вовсе не нахожусь в положении прачки. Не стремлюсь сделать карьеру поварихи. И вообще, по призванию я не домашняя прислуга. Жизнь Кэтрин Кентон куда сильнее зависит от моей воли, нежели моя собственная жизнь — от её. Действительно, ежедневные требования и нужды мисс Кэти определяют мои действия, — но лишь в той мере, в какой ограниченные возможности гоночного автомобиля влияют на гонщика.

Я не просто женщина, что трудится на фабрике по производству восхитительной Кэтрин Кентон; я и есть фабрика. И, записывая эти слова, играю роль не кинооператора, а камеры, способной льстить, подчёркивать, искажать образ кокетливой мисс Кэти, который запечатлеется в памяти зрителей навсегда.

Я не колдунья. Я само колдовство.

Мисс Кэти тратит очень мало усилий на то, чтобы быть собой. Вся чёрная работа выполняется мною — в тандеме с армией постижёров [6], пластических хирургов и диетологов. С первых дней съемок мне приходилось расчёсывать и укладывать её зачастую белокурые, иногда чёрные, а время от времени рыжие волосы. Я забочусь о нежных обертонах её голоса, так чтобы каждая фраза звучала, словно часть сценария, созданного Торнтоном Уайлдером. У мисс Кэти давно не осталось ни единой прирождённой черты — за исключением почти сверхъестественного фиалкового оттенка глаз. Её высокий трон в ледяном пантеоне, рядом с престолами Греты Гарбо, Грейс Келли и Ланы Тёрнер, всей тяжестью держится на моих плечах.

И хотя задача хорошо вышколенной прислуги — максимально держаться в тени, ту же цель преследует и кукловод. Под моим руководством домашнее хозяйство мисс Кэти управляется словно само по себе, а её жизнь течёт сама по себе.

Нет, я не нахожусь на положении няньки, горничной или секретарши. То есть должность моя так не называется, однако я исполняю

вышеназванные обязанности. Каждый вечер задёргиваю на окнах шторы. Выгуливаю собаку. Запираю двери. Отключаю телефон, чтобы указать внешнему миру на его подлинное место. Впрочем, в последнее время моя работа всё чаще заключается в том, чтобы уберечь мисс Кэти от неё самой.

Резкая смена кадра: Ночь. Перед нами роскошный будуар, принадлежащий Кэтрин Кентон. Только что закончился ужин. Мисс Кэти заперлась в примыкающей ванной комнате. За кадром слышно, как шумит хлещущая из крана вода.

Вопреки широко распространившимся сплетням, меня и мисс Кэти совершенно не связывает то, что Уолтер Уинчелл назвал бы «женской дружбой на кончиках пальцев». Мы не позволяем себе ничего такого, за что «Конфидентал» мог бы окрестить нас «малышками с нежным баритоном», или того, что Хэдда Хоппер описывает как «посасывание розовых складочек». Сейчас, например, моё дело — положить в эмалевое блюдце на прикроватном столике по одной таблетке нембутала и люминала. А ещё — наполнить винтажный бокал кусочками льда и по капле влить в него виски, заполнив оставшееся пустое место содовой.

Прикроватный столик представляет собой не что иное, как шаткую стопку сценариев, присланных Рут Гордон и Гарсоном Канином вкупе с настойчивыми просьбами вернуться на сцену. Тут вам и состряпанные на скорую руку бродвейские мюзиклы, основанные на переодевании актёров в шкуры динозавров или Эммы Гольдман, и полнометражные мультипликационные версии шекспировского «Макбета», где все герои выведены в образах звериных детёнышей. Голосовая озвучка. На пожелтевших покоробившихся страницах темнеют пятна от виски и сигаретного дыма. Бумага покрыта коричневыми кольцами от кофейных чашек мисс Кэти.

Каждый вечер, после любого торжества, которое приходится открывать моей мисс Кэти, мы повторяем один и тот же ритуал. Я расстёгиваю молнию на её платье. Включаю телевизор. Меняю канал. Меняю канал ещё раз. Вытряхиваю на атласное покрывало кровати содержимое вечерней сумочки — помаду «Элен Рубинштейн», ключи, банковские карточки, — чтобы переложить это всё в дневную сумочку. Вставляю в туфли специальные распорки для обуви. Прикалываю золотисто-каштановый парик на голову-манекен. А потом зажигаю свечи с ароматом ванили, расставленные вдоль каминной полки.

Между тем моя мисс Кэти нежится в ванне. Сквозь шум воды слышно, как она бубнит за дверью: «Гав, мууу, мяу... Уильям Рэндольф Херст. Рррр, скрип, чирик... Анита Лус».

Посередине атласного покрывала растянулся пекинес по кличке Донжуан. Вокруг лежат смятые обёртки, а рядом — половинки шоколадной коробки, изготовленной в виде сердца; на крышке приколоты розовые парчово-шёлковые розы, углы отделаны сборками кружева. Пышное красное покрывало, беспорядок на нём, вощёные чашки-обёртки, а в середине — растянувшаяся собака.

Из вечерней сумочки мисс Кэти выпадает зажигалка, сигаретная пачка «Пэлл Мэлл», коробочка для пилюль, покрытая рубинами и турмалином, — там туинал и дексамил. *Гав*, ко-ко, скрип... Нембутал.

Гррр, уи-уи, хрю... Секонал.

Мяу, чирик, муу... Демерол.

А следом, плавно порхая в воздухе, на кровать опускается тиснёная карточка с именем гостя, стоявшая этим вечером на столе. На белоснежной бумаге чёрными буквами жирным шрифтом написано: «Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий».

Проходит отрезок времени, который Хэдда Хоппер окрестила бы «голливудским сроком хранения». На стоп-кадре мы видим, как маленькая карточка белеет посередине атласного покрывала рядом с неподвижной собакой.

По телевизору показывают мою мисс Кэти в роли испанской королевы Изабеллы, сбежавшей от монарших обязанностей в Альгамбре ради краткого отдыха на Майами-Бич, где она притворяется обыкновенной цирковой танцовщицей, чтобы завоевать сердце Христофора Колумба в исполнении Рамона Новарро. На экране эпизодически мелькает Люсиль Болл, позаимствованная у кинокомпании «Уорнер Бразерс», — она играет соперницу мисс Кэти, королеву Елизавету.

Вот вам и западная история, как выражается эта сволочь Уильям Уайлер.

Из ванной сквозь грохот потоков горячей воды доносится: «Гав, иа, хрю... Эдгар Гувер-младший». Я напрягаю слух, пытаясь разобрать, что там бормочет мисс Кэти. Края атласного покрывала, балдахина и штор окаймлены длинной бахромой. Всё подбито красным бархатом с разрезным ворсом. На обоях тиснёный орнамент. Бордовые стены с мягкой обивкой на пуговицах увешаны зеркалами эпохи Луи Четырнадцатого. Розовый камин высечен из оникса и кварца. В общем, здесь тихо и тесно, как внутри вагины Мэй Уэст.

Над кроватью на четырёх столбах высится балдахин. Все украшения залакированы и отполированы до того, что дерево кажется влажным. А на постели — обёртки от сладостей, пёс и карточка.

Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий, чистопородный американец с искристыми карими глазами. Глазами цвета рутбира. А ведь сегодня за ужином он сидел так далеко от нас... Написанный от руки телефонный номер: судя по коду, его обладатель проживает на отшибе Мидтауна.

По телевизору показывают, как Джоан Кроуфорд въезжает в Мадрид через городские ворота. На ней прозрачное платье гаремного вида, в руках — корзина из ивовых прутьев, заполненная картофелем и кубинскими сигарами. Голые лицо и руки намазаны чёрной краской. Это намек: перед нами захваченная в плен рабыня. Похоже, она либо заражена сифилисом, либо втайне питается человечиной. Грязная добыча Нового Света. Чьянибудь наложница. Вероятно, из племени ацтеков.

Вот Кроуфорд еле заметно поднимает нагое плечо; этот знак презрения она без спроса позаимствовала у меня.

Над каминной полкой висит портрет мисс Кэтрин, написанный Сальвадором Дали, а ниже — целый ворох из приглашений и серебряных рамок с лицами прежних или, как выразился бы Уолтер Уинчелл, «отбывших своё» мужей. На картине брови моей мисс Кэти удивлённо изогнуты, но густые ресницы опущены, ещё немного — и глаза от скуки закроются. Руки подняты к легендарным скулам, раздвинутые веером пальцы запущены в золотисто-каштановую причёску. Рот не то смеётся, не то зевает. Валиум против декседрина. Что-то среднее между Лилиан Гиш и Таллулой Бэнкхед. Портрет словно вырастает из вороха приглашений и фотографий, грядущих вечеринок и прошлых браков, из мерцающих свечек и полуистлевших сигарет в хрустальных пепельницах, над которыми замысловато вьются струйки белого дыма. Словно благовония над алтарём Кэтрин Кентон.

Я — его неизменная хранительница. То есть уже не служанка, а верховная жрица.

За отрезок времени, который Уинчелл назвал бы «нью-йоркской минутой», я отношу карточку к пылающему камину. Держу её над свечой, покуда не вспыхнет. Свободную руку сую в глубину зияющей пещеры из розового оникса и кварца, на ощупь нахожу в темноте и рывком открываю дымовую заслонку. Затем поворачиваю белую карточку в потоке воздуха, устремившегося в трубу, наблюдая, как пламя съедает имя и телефонный номер Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего. Пахнет ванилью. Хлопья пепла осыпаются в холодный очаг.

В телевизоре Престон Стерджес и Харпо Маркс изображают Тихо Браге с Коперником. Первый доказывает, что Земля вертится вокруг Солнца, второй настаивает на том, что в действительности весь мир

вращается вокруг Риты Хейворт. Фильм «Армада любви», снял его Дэвид Зельцник на студии «Юниверсал» — в те времена, когда по радио через раз передавали песню «Очарована, обеспокоена, обескуражена» в исполнении Хелен О'Коннелл и оркестра Джимми Дорси.

Дверь ванной распахивается, и голос мисс Кэти произносит:

— Гав, тяв, ко-ко-ко... Максвелл Андерсон.

Волосы Кэтрин Кентон убраны в белый тюрбан из махрового полотенца. На лице — маска из пюре авокадо и маточного молочка. Туго затягивая пояс купального халата, моя мисс Кэти бросает взгляд на помаду, лежащую на постели. На зажигалку, ключи и кредитные карточки. На пустую вечернюю сумочку. Потом её взгляд обращается и ко мне, застывшей перед камином, где язычки свечей под портретом освещают шеренгу «отбывших», ворох из приглашений повеселиться и — разумеется — свежие цветы.

На алтаре каминной полки всегда стоит море цветов, которых могло бы хватить на медовый месяц или на похороны. Сегодня вечером это белые лилии, игольчатые белые хризантемы и веточки жёлтых орхидей, напоминающих облако ярких бабочек.

Небрежно отодвинув рукой помаду, ключи, сигаретную пачку, мисс Кэти садится на атласное покрывало посреди мятых обёрток и произносит:

— Ты ничего только что не сжигала?

Кэтрин Кентон принадлежит к тому поколению женщин, которые считали мужскую эрекцию самым честным из видов лести. В наши дни мне приходится ей объяснять, что затвердевание пениса — уже не столько комплимент, сколько результат медицинского прогресса. И вызывают его пересаженные обезьяньи гланды или новейшие чудодейственные пилюли.

Можно подумать, человеческий род, а мужчины в особенности, не мог обойтись без нового вида лжи.

Я спрашиваю: разве что-нибудь не на месте?

Её фиалковые глаза пристально смотрят на мои ладони. Поглаживая пекинеса Донжуана по длинной шёрстке, мисс Кэти сетует:

— Как я устала сама себе покупать цветы...

Мои ладони запачканы копотью от прикосновения к дымовой заслонке. Сгоревшая карточка успела покрыть их пятнами сажи. Я вытираю их о складки твидовой юбки. И говорю, что всего лишь избавилась от ненужного мусора. Спалила ничего не стоящий клочок бумаги.

В телевизоре Лео Дж. Кэрролл преклонил колено перед Бетти Грейбл, которая коронует его, величая императором Наполеоном Бонапартом. Роберт Янг играет Павла Четвёртого, римского папу. Барбаре Стэнвик

досталась роль задумчиво пережёвывающей жвачку Жанны Д'Арк.

Моя мисс Кэти видит саму себя, только семь разводов («Рено-ваций», сказал бы Уинчелл) и три лицевых подтяжки тому назад, впивающуюся в губы Новарро. Уинчелл не преминул бы окрестить этого красавчика «уайлдмэном». Как Алана Кэмпбелла, мужа Дороти Паркер, которого Лилиан Хеллман обозвала «козлом, не лишённым изящности». Продолжая ласкать пекинеса длинными пальцами, мисс Кэти вслух вспоминает:

— У его слюны был вкус мокрых членов десяти тысяч одиноких дальнобойщиков.

На шатком столике из кипы сценариев дожидаются своей очереди барбитураты и двойной виски. Мисс Кэти вдруг прекращает почёсывать отчего-то потемневшую мордочку пса и резко отдёргивает руку. Полотенце падает у неё с головы, и седые мокрые волосы рассыпаются по плечам. Между корнями просвечивает розовая кожа. Зелёная маска из авокадо от изумления растрескивается.

Мисс Кэти глядит на свою ладонь: с пальцев у неё капает тёмнокрасная жижа.

Акт I, сцена третья

Кэтрин Кентон жила как Гудини — великий мастер исчезновений. Она ускользала откуда угодно — из брачных уз, из психиатрических лечебниц, из плотных рамок студийных контрактов с Пандро С. Берманом... Моя мисс Кэти позволяла запереть себя лишь потому, что ей нравилось в последний момент улизнуть. Отказаться от невыгодного гастрольного тура в обществе Реда Скелтона. Увернуться от урагана «Хейзел». На третьем триместре прервать беременность от Хью Лонга. Всякий раз, когда между ней и опасностью оставалось одно мановение секундной стрелки, мисс Кэти успевала упорхнуть.

А теперь — медленным наплывом — кадр из прошлого. Вернёмся в тот год, когда по радио чуть ли не через раз крутили песню «(Сколько стоил) тот пёс на витрине?» в исполнении Патти Пейдж. Интерьер полуподвальной кухни в элегантном городском особняке Кэтрин Кентон. В глубине сцены располагаются в ряд: электрическая печь, холодильник, дверь в переулок, и в ней — запылённое окошко.

На первом плане — я, сижу на крашеном белом стуле, закинув скрещенные в лодыжках ноги на покрытый такой же краской стол, и держу в руках увесистую бумажную стопку. На сквозняке дрожит записка, приколотая скрепкой к титульному листу. Текст выполнен от руки, наклонными буквами: «Наслаждайся сейчас же, пока эти строки пахнут моими потными чреслами». И ниже: «Лилиан Хеллман».

Лили никогда ничего не подписывает — она раздаёт автографы.

Ha первой странице сценария американский физик Роберт Оппенгеймер ломает голову над наилучшим способом ускорения диффузии частиц. Наконец Лилиан гасит сигарету «Лаки Страйк», опрокидывает в бокал шотландского виски «Дьюарз» И локтем отталкивает Оппенгеймера беспорядочно просторной доски, исписанной уравнениями. После чего, поплевав на стержень карандаша для бровей «Макс Фактор», под пристальным взглядом Альберта Эйнштейна изменяет скорость деления обогащённого урана. Хлопнув себя ладонью по лбу, Эйнштейн восклицает:

— Лили, meine Liebchen, du bist eine genious^[7]!

Доносится острое *тук-тук* по стеклу. Лучи восходящего солнца высвечивают за тусклым окошком зависший в воздухе силуэт. Какая-нибудь отбившаяся от стаи, замерзающая и голодная птичка.

А в сценарии Лилиан туго сворачивает номер «Нью Массез» и бьёт им, точно дубинкой, по лицу Кристиана Диора. Гарри Трумен созвал к себе лучших кутюрье мира: хочет создать узнаваемый бренд своего абсолютного оружия. Коко Шанель настаивает на блёстках. Систер Пэриш рисует бомбу, летящую по японскому небу, вслед за которой тянутся длинные нити стекляруса. Эльза Скиапарелли требует сшить простёганный атласный чехол. Кристобаль Баленсиага — наплечники. Мэйн Бохер высказывается в пользу твидового костюма. Диор осыпает конференц-зал образчиками шотландки. Размахивая импровизированной полицейской дубинкой, Лили восклицает:

- А если вдруг заест молнию?
- Лили, дорогая, отвечает Диор, это же чёртова атомная бомба!

Между тем острый клюв с невыносимым, зубодробительным скрежетом проводит длинную линию на стекле. Мгновение жуткой головной боли — и появляется вторая черта. Вместе с первой они образуют на окошке силуэт сердца. Потом острие со скрипом перемещается снова — и пронзает его стрелой.

А на бумаге Адриан предлагает покрыть атомную бомбу толстым слоем искусственных бриллиантов, дабы прибавить блеска союзнической победе. Эдит Хэд, постучав кулачком по столу в отеле «Уолд оф Астория», заявляет: дескать, если огненная смерть обрушится на Хирохито не в виде чего-нибудь связанного вручную, она сворачивает «Манхэттенский проект». Тем временем Юбер де Живанши совокупляется с Пьером Бальмейном.

Поднимаюсь и подхожу к двери. В проулке, зябко кутаясь в шубку на утреннем холоде, стоит моя мисс Кэти.

Я спрашиваю: разве она не должна была вернуться лишь несколько месяцев спустя?

Мисс Кэти отвечает:

— Я обнаружила кое-что получше трезвости... — И взмахивает левой ладонью, на указательном пальце которой вспыхивает большой бриллиант. — Это Пако Эспозито!

Так вот чем она вырезала своё сердце на кухонном окошке. Сердце, пронзённое стрелой Купидона. Ещё одно обручальное кольцо, купленное самой себе.

За спиной мисс Кэти стоит молодой человек, увешанный, словно рождественская ёлка, дамскими сумочками, чехлами с одеждой, чемоданами — всё марки «Луи Витон». Колени синих джинсов покрыты чёрными пятнами от моторного масла. Рукава хлопчатобумажной рубашки

закатаны по локоть, на руках — татуировки. С левой стороны на груди вышито имя: Пако. К вони одеколона примешивается убойная вонь первосортного бензина.

Фиалковые глаза мисс Кэти пробегают по моему лицу из стороны в сторону, потом сверху вниз; обычно так она проглатывает переписанные перед самой съёмкой диалоги.

Кэтрин Кентон позволяла себя запирать в больницах лишь потому, что любила из них сбегать. В промежутках между картинами ей не хватало острых ощущений, какие давало преодоление крепко закрытых дверей, решёток на окнах, пилюль и смирительных рубашек. И вот она входит с мороза, изо рта — пар, на ногах — картонные тапочки. Не «Мадлен Вионне». Под шубкой из чернобурой лисицы надето платье из папиросной бумаги. Не «Вера Максвелл». Щёки раскраснелись от солнца. Растрепанные ветром золотисто-каштановые волосы лежат на плечах тяжёлыми волнами. Посиневшие пальцы вцепились в ручки хозяйственной сумки, которую Кэтрин торопится водрузить на обеденный стол.

В третьем акте сценария Хеллман управляет стратегическим бомбардировщиком «Энола Гей». Задевая верхушки японских сосен, головы панд и вершину Фудзи, самолёт направляется к Хиросиме. А дальше — разгул фантазии: размахивая мачете, Хеллман кастрирует громко визжащего Джека Уорнера и заживо снимает кожу с Луиса Б. Майера, пока тот ревёт белугой и истекает кровью. И вот уже её пальцы уверенно сжимают рычаг, открывающий двери бомбового отсека. Смертоносный груз напоминает платье невесты: всюду мелкий жемчуг и трепет белого кружева.

Тем временем мисс Кэти запускает руки в сумку и достаёт оттуда клок своей шубки, чтобы опустить его на сценарий Хеллман. Такое впечатление, что мех дрожит от испуга. Две пуговицы моргают и оказываются глазами. Мокрый мохнатый клок шерсти съёживается, а потом разражается громким «апчхи». При этом посередине между глазами-пуговицами мех раздвигается, показывая два ряда зубов-иголок. И розовый длинный язык. Перед нами щенок.

Руки звезды, особенно та, на которой блестит кольцо, иссечены и покрыты коростой заживающих ран, перепачканы высохшей кровью. Мисс Кэти, раздвинув пальцы, показывает мне тыльные стороны ладоней.

— В госпитале была колючая проволока, — сообщает она.

Шрамы выглядят столь же жутко, как те, которыми любит бравировать Хеллман, рассказывая о сражениях в добровольной антифашистской бригаде имени Авраама Линкольна. Впрочем, у Авы Гарднер после

корриды с Эрнестом Хемингуэем были похуже. Или, например, у Гора Видала после ссоры с Труменом Капоте.

— Подобрала бродяжку, — произносит мисс Кэти.

Уточняю, кого она имеет в виду: парня или собаку?

— Это пекинес, — отвечает мисс Кэти. — Я окрестила его Донжуан.

Пако — новенький кандидат на роль «отбывшего». До него был сенатор, а до него — голубой хорист, а до него — сталелитейный магнат, а до него — актёр-неудачник, а до него — неопрятный папарацци, а до него — школьная любовь. Фотографии этих дворняжек выстроились в шеренгу на полке камина в её роскошном будуаре, этажом выше. «И не жили они долго и счастливо», — как сказал бы Уолтер Уинчелл.

Каждый из романов мисс Кэти — жест саморазрушения, то, что Хэдда Хоппер могла бы назвать «мужи-кири». Бывает: вместо того чтобы броситься грудью на меч, женщина кидается на самый неподходящий пенис.

Мужчины, которых она выбирает, напоминают не столько супругов, сколько соседей по киноафише. Каждый — всего лишь свидетель, способный лично подтвердить её участие в очередной безоглядной авантюре, вроде Фредерика Марча или Рэймонда Мэсси, любого из ведущих актёров, с кем бок о бок она могла сражаться в «Столетней войне». Сыграть Амелию Эрхарт, спрятанную среди запасов икры и шампанского в романтичной кабине Чарльза Линдберга во время его перелёта через Атлантику. Клеопатру, похищенную крестоносцами и отданную в жёны королю Генриху Восьмому.

Каждый свадебный снимок — не сувенир, а глубокий шрам. Напоминание об очередном сценарии в стиле хоррор, придуманном и пережитом самой Кэтрин Кентон.

Мисс Кэти сажает щенка на бумаги Хеллман, прямо туда, где описывается, как Лили вместе с Джоном Уэйном поднимают американский флаг над островом Иводзима. А потом, запустив оцарапанную руку в карман лисьей шубки, достаёт блокнотик, на каждой странице которого в самом верху отпечатано: «Больница и лечебно-исправительное учреждение "Уайт Маунтин"».

Мисс Кэти присвоила пачку рецептурных бланков.

Лизнув кончик карандаша для бровей «Эсте Лаудер», она пишет под заголовком несколько слов, потом запинается и поднимает глаза:

— Сколько «с» в слове дарвоцет?

Молодой человек, до сих пор обвешанный сумками, нетерпеливо бросает:

— Скоро уже мы будем в Голливуде?

Луэлла Парсонс определила бы город Лос-Анджелес как примерно три сотни квадратных миль и двенадцать миллионов человек, которые окружают Ирену Майер Сэлзник.

Камера берёт крупным планом Донжуана. Крошка пекинес сбрасывает прямо на генерала Дугласа Макартура горячую вонючую бомбочку собственного изготовления.

Акт I, сцена четвёртая

В карьере кинозвезды очень важно помочь остальным забыть о печалях и хлопотах. Обаяние, красота, бодрость духа призваны создавать видимость лёгкой и беззаботной жизни. «Вся беда в том, — обронила както актриса Глория Свенсон, — что, если не плакать на публике, публика может решить, будто вы вообще никогда не плачете».

Четвёртая сцена первого акта начинается с общего плана: Кэтрин Кентон с погребальной урной в руках. Декорации: тускло освещенный, подземной затянутый паутиной интерьер усыпальницы укрывшейся глубоко под каменными сводами собора Святого Патрика. бронзовая Богато украшенная дверь отворяется, впуская посетительниц. На дальней от нас стене тонет в сумраке длинная каменная полка с урнами из полированной бронзы, меди и никеля. На одной написано: «Казанова», на другой: «Милый друг», а ещё на одной — «Ромео».

Мисс Кэти на прощание обнимает сосуд с пеплом и поднимает его ко рту. Выпятив губы, оставляет помадный след поцелуя поверх гравировки «Донжуан» и помещает новую урну на запылённой полке, среди остальных.

Кэй Фрэнсис не появился. Хамфри Богарт не прислал соболезнований. Не сделали этого ни Дина Дурбин, ни Милдред Коулз. Где сейчас Джордж Бэнкрофт или Бонита Грэнвилл, или Фрэнк Морган? Ни один из них даже на цветы не стал раскошеливаться.

Камера показывает отдельные гравировки: «Золотко», «Сладкий», «Оливер "Ред" Дрейк, эск.» — «однополкане», как выразилась бы Хэдда Хоппер. Английская гончая Кэтрин Кентон, её чихуахуа и четвёртый муж — главный акционер и председатель правления «Международной сталелитейной мануфактуры». За урнами с надписями «Масюся» и «Лотарио», хранящими в себе останки карликового пуделя и миниатюрного пинчера, лежит закатившийся к стенке и притороченный к ней паутинными нитями оранжевый пузырёк валиума. Здесь же — бутылка бренди «Наполеон». Наклейка заплесневела и запылилась. И флакон люминала.

«Тормоза для души», — как сказала бы Луэлла Парсонс.

Подавшись вперёд, мисс Кэти сдувает пыль с пузырька. Марая чёрные перчатки, с усилием отвинчивает хитроумную крышку. Под холодными гулкими сводами перекатывание пилюль напоминает пулемётную очередь.

Моя мисс Кэти вытряхивает пару штук на ладонь, запускает их в рот, приподняв чёрную вуаль, и тянется к старой бутылке.

Между полированными урнами лежит опрокинутая серебряная рамка для фото, рядом — тюбик помады «Элен Рубинштейн». Камера медленно движется, и вот уже перед нами духи «Мицуко», мутный хрустальный флакон в отпечатках пальцев, и пыльная коробка с пожелтевшими салфетками «Клинекс».

В сумерках смутно проступают контуры и этикетки бутылок: «Шато Лафит» урожая тысяча восемьсот пятьдесят первого года. «Пьер Юе Кальвадос», тысяча восемьсот шестьдесят пятый. Разлитый в тысяча девятьсот шестом коньяк «Круазет». «Кэмпбелл Боуден и Тейлор порт» урожая тысяча восемьсот двадцать пятого года.

Вдоль каменных стен выстроились ящики с шампанским: «Болленже», «Дом Периньон», «Моэ и Шандон». Здесь можно увидеть сосуды самых разных размеров: Иеровоамы, получившие название в честь библейского царя, сына Навата и Церуа, куда помещается четыре обычных бутылки; Навуходоносоры, названные так в честь вавилонского правителя, — эти обычного; больше вмещают В двадцать раз есть И гигантские двадцатичетырёхкратные Мельхиоры, носящие имя одного из волхвов, возвестивших миру о рождении Иисуса Христа.

На каждую пустую бутыль приходится по одной запечатанной. В промозглом полумраке высится гора некогда выпитых и давно позабытых бокалов со следами губ Конрада Нагеля, Алана Хейла, шимпанзе Читы и Билла Демареста.

Траурная вуаль вновь опускается на лицо, и мисс Кэти пьёт через чёрное кружево — отхлёбывает из сосудов по очереди, покрывая каждое блестящее горлышко новым слоем помады. Теперь у бутылок такие же красные рты, как и у неё самой.

Кстати, Сидни Гринстрит тоже мог бы сегодня явиться. А Грета Гарбо — прислать соболезнования.

Говоря словами Уолтера Уинчелла, нас попросту «назойливо покинули».

Разумеется, мы здесь вдвоём, я и мисс Кэти, — вот уже в который раз.

Смахнув с полки тёмный рис мышиных фекалий, отчего происходящее ещё сильнее напоминает какую-то дикую пародию на свадьбу, моя мисс Кэти поднимает серебряную рамку и ставит её на каменной полке. Внутри оказывается не памятный снимок, а зеркало. Оно отражает мрачные стены, кружево паутин и застывшую Кэтрин Кентон в траурной шляпке с вуалью. Пощипав за кончики пальцев, мисс Кэти стягивает с левой руки перчатку, а

затем и кольцо с бриллиантом в шесть каратов — «Гарри Уинстон», огранка «маркиз».

— Думаю, эту минуту стоит сохранить в памяти, — произносит кинозвезда.

Поверхность зеркала исчерчена сетью шрамов. Стекло помогает не забывать страдания и обиды прошлого.

— Скажи, ты ведь ничего не путаешь? Ты точно звонила Кэри Гранту? — спрашивает мисс Кэти, отступив назад и застыв посередине полустёртого крестика, давным-давно нарисованного помадой на каменном полу.

В это мгновение царапины на поверхности зеркала аккуратно ложатся на лицо кинодивы. Именно в этом ракурсе и на таком расстоянии они превращаются в «мешки» под глазами, в морщины, которые покрывали его три, четыре, пять псов тому назад, пока их не исправила очередная подтяжка лица, инъекция сыворотки овечьего эмбриона, радикальная операция в одной из секретных швейцарских клиник, дорогостоящие кремы и мази. Чтобы напомнить мисс Кэти, как бы ей надлежало сегодня выглядеть, зеркало сохранило все оспины от угрей и печёночные пятна, которые она удаляет каждые несколько месяцев.

Вуаль поднимается, — и видны обязательные волоски и родинки; щёки и подбородок немедленно провисают.

Всё это боевые шрамы, полученные от каждого из «отбывших», от каждой бродячей собаки вроде Пако Эспозито или Ромео.

Лицо мисс Кэти принимает такое выражение, какое бывает, когда она не старается придавать ему никакого выражения. В эту минуту прославленные черты будят в памяти ночную рубашку Теды Бары, намотанную на мягкую вешалку в костюмном цехе «Монограмм Пикчерз» и обернутую тёмным целлофаном. Мускулы расслабляются и становятся дряблыми. Зрителей-то поблизости нет.

Между тем я берусь за дело — вычерчиваю бриллиантом очередные морщины, добавляю к памятному портрету новые печёночные пятна. Это вам не просто работа фотографа; мне нужно запечатлеть несчастье мисс Кэти прежде, чем пластические хирурги опять превратят её внешность в «чистую доску». Со скрипом скобля по стеклу, я отмечаю седые волосы. Подправляю топографию тайного лица знаменитости. Обвожу озабоченные морщины на лбу. Углубляю «гусиные лапки» у глаз, порождённые фальшивой улыбкой на публику, то есть, можно сказать, уродую отражение бриллиантом.

После долгих издевательств зеркало успело покоробиться,

скособочиться и покрыться такими глубокими шрамами, что стоит ещё чуть-чуть надавить — и оно рассыплется на кривые осколки. Поэтому мне приходится рассчитывать силу нажима. Совсем недавно в мои обязанности входило вытирать лужи, которые Пако оставлял у комода, и я же носила пса на кастрацию в клинику. Каждый день очередной исторический опус — вроде «Саги о Гайавате», переписанной Артуром Миллером в виде сценария для Деборы Керр, или истории Роберта Фултона как средства передвижения Дэнни Кея, — лишался страницы, которую я вырывала, чтобы убрать ещё тёплую кучку фекалий.

Теперь я веду бриллиантом сверху вниз, повторяя дорожки слёз на щеках мисс Кэти.

Стекло отзывается душераздирающим скрипом, от которого начинает трещать голова.

Зеркало Дориана Грея.

За кадром звучит эхо чьих-то шагов, отбивающих ритм сердцебиения. Из коридора к двери приближаются кожаные мужские туфли. Каждый шаг раздаётся громче предыдущего. Это Ван Хефлин или Лоуренс Оливье, Рэндольф Скотт, а может быть, Сидни Луфт.

В паузе между двумя шагами, в тишине между двумя ударами сердца я опускаю зеркало на полку и возвращаю мисс Кэти кольцо с бриллиантом.

В дверях усыпальницы возникает мужской силуэт — высокий, стройный, с прямыми плечами. Свет из коридора падает на него со спины.

Уже оборачиваясь, мисс Кэти одной рукой тянется взять помаду. Всматривается в гостя.

— Это ты, «Граучо»^[8]?

Из полутьмы появляется букет цветов: розовые розы, сорт «Нэнси Рейган», и жёлтые лилии с ярким, словно июльское солнце, ароматом.

— Я так сожалею о вашей потере... — доносится из-за букета, обхваченного молодыми мужскими руками. Кожа на них гладкая, чистая; ногти отполированы до блеска.

«Погребальный флирт», — шепнула бы в таком случае Хэдда Хоппер. «Жених на краю могилы», — согласилась бы Луэлла Парсонс. «Разрушитель гробниц», — поддакнул бы им обеим Уолтер Уинчелл.

На сцену выходит Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий — тот самый молодой человек со званого ужина. Его имя и телефонный номер сгорели в камине вместе с карточкой.

Очи сияют, словно рутбир под солнечными лучами.

Я чуть заметно покачиваю головой. Не надо. Не повторяй ошибок. Не доверяйся новому истязателю.

Однако мисс Кэти уже накладывает на губы свежий слой алой краски. И выбрасывает тюбик. Тот с грохотом катится по полке между урнами с прахом прошлых привязанностей. Между пустыми бутылками, которые иногда называют «шеренгой павших солдат». Опустив на лицо чёрную сетку вуали, моя мисс Кэти протягивает руку в перчатке, чтобы взять один запылившийся, давно позабытый предмет. Поднимает его и шепчет свеженакрашенными губами:

— «Guten Essen» [9]. В переводе с французского, — прибавляет она, — «никогда не говори никогда».

Фиалковые глаза успела затянуть томная поволока: таблетки и бренди сделали своё дело. Мисс Кэти наконец поворачивается, чтобы принять цветы, в тот же самый миг опуская пыльную вещицу — свою диафрагму — в обвисшую щёлку кармана поношенного норкового манто.

Акт I, сцена пятая

Однажды проницательная Клэр Бут Льюс сказала о Кэтрин Кентон: «Когда она влюблена, её невозможно расстроить; зато когда не влюблена, её не развеселишь».

Действие следующей сцены разыгрывается в ванной комнате, смежной с будуаром мисс Кэти. Хозяйка дома сидит возле туалетного столика. Перед ней — три зеркала, показывающих сразу оба профиля и анфас. Розы «Нэнси Рейган» и жёлтые лилии, подношение Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего, отражаются в створках до бесконечности. Жидкий букетик превратился в пышную витрину флористки. В целый сад. И это вместо того, чтобы сгнить на полу усыпальницы.

К букету привязана карточка из тисненого пергамента: «Неразделенная любовь — бесполезная трата времени. Прошу тебя, позволь миру поделиться с тобой своей бесконечной любовью». Какая-то бессвязная тарабарщина, сворованная не то у Джона Мильтона, не то у Мохандаса Ганди.

Моя мисс Кэти смотрится в зеркало и разминает-пощипывает кожу, провисшую под линией подбородка.

— С виски покончено, — заявляет кинозвезда. — И с проклятыми шоколадками тоже.

Да, отравление шоколадом, кто бы мог подумать!.. Надо же было мисс Кэти забыть целую коробку на кровати, где Донжуан был просто обязан унюхать сладкое. А ведь и в одной конфетке более чем достаточно кофеина, чтобы собаку такого размера хватил сердечный приступ.

На пергаментной карточке подпись: «Уэбб». Мальчик Уэстворд; колумнист Чолли Никербокер сказал бы о нём: «вкрадчивая инфекция». Рядом с розами на полированном столике покоится выпуклая резинка диафрагмы, вся в пятнах от пыли.

Отклеивая накладные ресницы, мисс Кэти глядит на наше с ней отражение, приумноженное до размеров толпы, словно весь мир состоял исключительно из наших двойников, и произносит:

— Ты уверена, что никто больше не прислал соболезнований?

Я неумолимо повожу головой из стороны в сторону. Ни одна живая душа.

Мисс Кэти снимает золотисто-каштановый парик, отдаёт его мне и снова спрашивает:

— Даже сенатор?

Это её «отбывший», предшественник Пако, сенатор Фелпс Рассел Уорнер. Я ещё раз качаю головой. Нет. Ни Терренс Терри, гомик-танцор; ни Пако Эспозито, занятый в новом радиошоу под названием «Направляющий свет» в роли знойного латиноамериканца, танцора фламенко и одновременно специалиста по хирургии головного мозга. Ни один из «отбывших» не удосужился черкнуть хотя бы слово.

Протирая лицо ватными шариками с кольдкремом, мисс Кэти срывает эластичную шапочку, стягивающую ее волосы. Знаменитые пальцы впиваются в длинные пряди седых волос. Кэтрин Кентон быстро крутит головой, чтобы рассыпать их по плечам розовой атласной сорочки, оттягивает в сторону парочку истончившихся локонов и спрашивает:

— Думаешь, моя шевелюра выдержит ещё одно перекрашивание?

Первый симптом того, что Уолтер Уинчелл зовёт «увлечением с оглупением», — желание перекрасить волосы в ярко-рыжий, кошачий цвет.

«При любом недуге, — сказал как-то журналист Генри Луис Менкен, — оптимизм говорит о том, что дело больного — труба».

Мисс Кэти подхватывает ладонями грудь и так высоко ее поднимает, что шея едва не тонет в ложбинке. Потом косится на свои отражения в боковых зеркалах.

— Почему наш талантливый доктор Йозеф Менгеле из Мюнхена ничего не может поделать с этими руками? Они же как у *старухи*!

В лучшем случае наш юный Уэстворд принадлежит к той породе бездельников, которых Лолли Парсонс окрестила «мемуарастами». Улыбаясь и пританцовывая, они без мыла втираются в душу к очередной увядающей, одинокой знаменитости. Такие вечно до безобразия прилизаны и прекрасно умеют выслушать исповедь. Они потакают раздутому эго и ускоряют дряхление разума, а сами тем временем собирают сливки будущих расхожих цитат и анекдотов. У таких всегда наготове рукопись, только и ждущая публикации после смерти кинозвезды. Вот тогда каждый вечер, проведённый в тиши у камина с бокалом бренди в руке, окупится сторицей, каждая ночь принесёт плоды в виде скандальных признаний и заявлений. Могу поспорить, мистер Ясные Карие Очи — один из профессиональных искусителей, в любую минуту готовых раззвонить по свету о самых грязных подробностях частной жизни моей мисс Кэти.

Чует сердце: у него так и чешутся руки написать интимное разоблачение в жанре, который Уинчелл зовёт «жизнеобсиранием в произвольной форме». Наш красавчик Уэбстер — что-то вроде литературной сороки-воровки, падкой на самые яркие и самые тёмные

переживания каждой встречной звезды.

Мисс Кэти выдавливает на палец жирную каплю вазелина и тщательно смазывает все зубы, от передних до коренных. Потом сально ухмыляется и спрашивает:

- Ложка есть?
- На кухне, бросаю я.

Мы перестали хранить ложку в ванной с того самого года, когда по радио через раз крутили песню «Не отнимай у меня любовь» в исполнении Кристины, Дороти и Фили Магуайр.

Мисс Кэти задалась целью — усохнуть и превратиться в «загар да кости», по выражению Лолли Парсонс; в «мощи с накрашенными губами», по словам Хэдды Хоппер; в «красиво причёсанный скелет», как Эльза Максвелл величает Кэтрин Хепберн.

Мисс Кэти уходит на поиски пресловутой ложки, а мои руки спешат открыть коробку с морской солью. Раздавив между пальцами несколько жёстких крупинок, я крошу их между стеблями роз и покачиваю вазу по кругу, чтобы соль растворилась в воде. Потом выхватываю карточку из букета, складываю пергамент пополам и рву. Дважды. Потом ещё складываю и рву, так что предложения превращаются в слова, а слова — в отдельные буквы, которые уже можно скормить унитазу. Дёргаю за рычаг. Вода поднимается, подхватывает обрывки, крутит их и начинает уходить. Внезапно из глубины извергается уйма бумаги, забившая туалетное горло. открыток Размокшие клочья писем, И телеграмм лезут неудержимым потоком.

В фаянсовой чаше клокочет водоворот выражений заботы и нежности, подписанных именами Эдны Фербер, Арти Шоу, Бесс Труман. «Если я в силах чем-то помочь...», «Звони мне в любое время...». Лоскуты сантиментов, кружась, поднимаются выше и выше, к самому краю, за которым ждёт катастрофа, готовятся выплеснуться из белой чаши на розовый мраморный пол. Проникновенные слова... Я порвала их на куски, а потом — на крохотные кусочки. За несколько дней уничтожила все соболезнования. И вот результат моих потаенных трудов вознамерился выйти на свет.

Из дамской комнаты, расположенной этажом ниже, по пустому особняку отчётливым эхом разносятся звуки, с которыми бефстроганов, груши «Королева Шарлотта», а также телятина «Орлов» извергаются из утробы мисс Кэти по зову серебряной ложки, прижатой к основанию языка, повинуясь необратимому рвотному рефлексу.

— Ну и пошли они... — выдыхает мисс Кэти в паузах между

оглушительными всплесками; её звездный голос хрипит из-за нахлынувшей желчи и желудочной кислоты. — Им на меня плевать, — бурчит она, вызывая у себя новый спазм.

Вы, наверное, слышали печально известный совет, который Джуди Гарленд получила однажды от Бусби Беркелей: «Если кишечник ещё работает, значит, ты ешь недостаточно мало».

А на моем этаже растерзанные соболезнования норовят замарать собой мраморный пол ванной комнаты. Водоворот поднимается, угрожая страшными бедствиями. В самый последний, отчаянный миг я падаю на колени. Засовываю руку в бурлящую ледяную воду. Сначала по локоть, затем по плечо — туда, в глубину унитаза, сквозь плотные залежи мокрой бумаги. Разобщенные, изувеченные слова любви перемешались между собой и образовали засор. Голыми пальцами копаю тоннель в мягкой массе чужих сантиментов.

Мисс Кэти внизу изрыгает остатки десерта: печенье «Пьер Ротшильд», мороженое со сливками «Луиза Гримальди», сироп «Тётка Джемима», торт «Леди Балтимор». Непереваренная колбаса «Джимми Дин» покидает измученный организм с особенно громкими, булькающими криками.

Водопровод старинного особняка содрогается, трубы с грохотом проталкивают через себя новое бремя из растерзанных секретов и выблеванной изысканной пищи.

Спустя один «срок хранения в Голливуде» в чаше унитаза начинается отлив.

сочувствия, чужой Обрывки любви И проявлений погружаются вниз, постепенно исчезая из виду. Я вновь дёргаю за рычаг, и последние клочки утешения устремляются в канализационную трубу. Туалет проглатывает их скопом — кружевные, тиснёные, выпуклые, надушенные. Холодные струи уносят все до единого слова сострадания Джинн Грейн, велеречивую писанину её королевского высочества принцессы Маргарет Роз, Джона Гилберта, Лайнуса Полинга и Кристиана Барнарда. Поток изъявлений дружбы от знаменитостей вроде Брукса Аткинсона, Арлисса или Джилл Эсмонд стремительно Джорджа завихряется и уходит, уходит прочь; уровень воды понижается, и вот уже не осталось ни имени, ни клочка записки. Всё смыто.

В дамской комнате этажом ниже моя мисс Кэти откашливается и сплёвывает, силясь избавиться от привкуса желчи. Слышится шум воды, спускаемой в унитаз, а следом — шипение дезодоранта для воздуха.

Проходит отрезок времени, равный «одной нью-йоркской секунде», а я продолжаю стоять. Потом шагаю к раковине и невозмутимо намыливаю

мокрые руки, тщательно вычищая из-под ногтей каждую буковку чьейнибудь «скорби» или «трагедии», которая могла там застрять. Прелестный букет из розовых роз и жёлтых лилий уже начинает никнуть и вянуть; ещё бы — вода-то отравлена солью.

Акт I, сцена шестая

Далее нас ожидает целая серия кадров, изображающих, как в особняк доставляют цветы. Молодые люди в кричащих широкополых шляпах и полированных туфлях один за другим нажимают кнопку звонка у парадной двери. У кого-то под мышкой зажата длинная коробка с розами, пышно перевязанная бархатной лентой. Другой, словно маленького ребёнка, держит прозрачный кулёк — опять же с розами, свободной рукой протягивая перо и блокнот-планшет с квитанцией на подпись. Охапки лилий напоминают белоснежные волны. А служба доставки не унимается. Звонок то и дело поёт, возвещая о том, что прибыли жёлтые гладиолусы и пурпурные стрелиции. Трепетные розоватые ветви кизила в полном цвету. Продрогшие тепличные орхидеи мясного оттенка. Камелии. Каждый пришедший старается вытянуть шею и заглянуть за моё плечо, мечтая хотя бы мельком увидеть прославленную Кэтрин Кентон.

С запозданием на секунду за кадром звучит вопрос мисс Кэти:

— Кто там?

Именно в то мгновение, когда дверь успела захлопнуться.

И я всякий раз отвечаю:

- Торговец щётками.
- Свидетели Иеговы.
- Девочки-скауты продают печенье.

Снова «дин-дон», и в кадре — очередной букет жимолости. Ну, или длинные розовые копья цветущего имбиря.

- В кадре я. Окликаю мисс Кэти, интересуюсь, уж не ждёт ли она сегодня визита.
- Heт! кричит издалека она. И уже тише прибавляет: Heт, никого конкретно.

В кухне, в фойе и столовой воздух буквально качается от густого запаха призрачных цветов. Искрится от сладкого и тяжёлого аромата жасмина. Мы словно в заколдованном саду. Вокруг царит сочное благоухание незримых гардений. В воздухе резко тянет эвкалиптом, ветви которого я несу прямо к чёрному выходу. Урны для мусора в переулке уже заполнены: оттуда торчит наружу тёмно-красная бугенвиллея и побеги сладко пахнущей вербы.

Короткие планы-детали сменяют друг друга: карточка из букета, за ней вторая, следом — ещё и ещё. На каждой из них стоит имя Уэбстера

Карлтона Уэстворда Третьего. А потом — запечатанный бумажный конверт, на котором написано от руки: «Передать мисс Кэтрин». Камера отъезжает; в кадре — я. Держу этот самый конверт над паром, идущим из чайника на плите. Декорации кухни мало чем отличаются от тех, что мы видели целую пёсью жизнь тому назад, когда мисс Кэти нацарапала на дверном окошке своё пронзённое сердце. Правда, на холодильнике теперь установлен переносной телевизор. На экране мерцают кадры: больница, хирургическое отделение, операционная. Актёр берётся руками, затянутыми в резиновые перчатки, за край белой маски и стягивает её с лица. Это Пако Эспозито, наш «отбывший». Седьмой и пока что последний мистер Кэтрин Кентон. У него седеют виски. Над верхней губой — усы цвета «перец с солью».

Чайник сердито шипит на плите, над голубым пауком огня. Из носика валит пар и клубится вокруг уголков белого конверта. Бумага темнеет от сырости. Наконец наклеенный клапан отходит, и я двумя пальцами достаю письмо.

По телевизору показывают, как Пако склоняется над операционным столом, проводит скальпелем по неподвижному телу (пациента сыграл Стивен Бойд, ассистента — Хоуп Лэнг, анестезиолога — Сьюзи Паркер) и, задержав свой взгляд на дежурной сиделке (Натали Вуд), восклицает:

— В жизни не видел ничего хуже! Надо срочно извлечь этот мозг!

На следующем канале целый батальон танцоров носится по киносъёмочному павильону, изображая битву при Энтитеме в мюзикле о Гражданской войне (продюсер — Фрэнк Пауэлл, режиссёр — Дэвид Уорк Гриффит). Армию конфедератов возглавляет, подпрыгивая и делая пируэты, популярный танцор Терренс Терри. В роли Таллулы Бэнкхед занята душераздирающе юная Джоан Лесли. Х. Б. Уорнер играет Джефферсона Дэвиса. Композитор — Макс Штайнер.

Из переулка за дверью доносится мужской голос:

— Тук-тук.

Окно затуманено паром. В кухне жарко и влажно, точно в сауне в апартаментах отеля «Сады Аллаха». Мой взмокший лоб облеплен гладкими волосами. «Словно корова языком облизала», — как выразилась бы Луиза Брукс.

С наружной стороны на окошко падает тень чьей-то головы.

— Кэтрин? — доносится из-за потного стекла, на котором мисс Кэти однажды вырезала своё пронзённое сердце. Постучав костяшками пальцев по двери, пришедший добавляет: — Это срочно.

Письмо развёрнуто. «Моя дражайшая Кэтрин, истинная любовь НЕ в дали, протяни лишь руку». Я прикладываю бумагу к мокрому стеклу, и она

прочно приклеивается каплями пара, как обои на стену. Из переулка просачиваются солнечные лучи. Письмо делается прозрачным и загорается белым светом. Выведенные от руки слова оказываются посередине сердца, будто в рамочке. Я отпираю засов, снимаю цепочку, поворачиваю ручку и открываю дверь.

На пороге стоит мужчина с трепещущим на ветру блокнотом. На страницах нацарапаны имена в окружении стрелок; похоже на схему футбольной игры. Кое-что можно разобрать: «Ив Арден... Марлен Дитрих... Сидни Блэкмор...». В другой руке у мужчины — бумажный пакет. За его спиной — урны для мусора, откуда на мостовую просыпался дождь из роз и гардений. Зловонные дождевые лужи в переулке стали последним ложем для гладиолусов. Пахнет жимолостью и гнилыми мясными объедками. Бледный жасмин валяется вперемешку с охапками розовых камелий и кроваво-алых пионов.

— Срочно, скорее, где леди Кэтрин? — торопит мужчина, размахивая блокнотом так, что страницы хлопают, будто армейские флаги.

На некоторых из них имена расходятся лучиками от большого прямоугольника в центре: Лена Хорн, потом Уильям Уэллман, потом Эстер Уильямс.

— К ужину ожидается двадцать четыре человека, — произносит мужчина, — и у нас тут возник вопрос по поводу их размещения.

Загадочные диаграммы оказываются схемами рассадки гостей. Прямоугольники — столами. Имена — списком приглашённых.

- Можешь передать её высочеству, прибавляет вошедший, что я нарочно купил её любимые сладости... «Иорданский миндаль».
 - Её высочество в этот раз не съест ни крошки, отвечаю я.

Мужчина, чьё лицо частенько мелькает по телевизору, — это Терренс Терри. В прошлом — мистер Кэтрин Кентон, в прошлом — танцор по найму в «Лэски Студиос», в прошлом — любовник Монтгомери Клифта, в прошлом — юный сожитель Уильяма Хайнса, в прошлом — сексуальный извращенец. Наш пятый «отбывший» теперь мучается из-за того, что не представляет себе, кого усадить напротив Селесты Холм во время званого ужина.

- Дело очень серьёзное, бубнит он. Нужно чтобы Кэтрин ответила: Джек Бьюкенен в самом деле на дух не переносит Мэй Уитти?
- Тебя должны были арестовать ещё на свадьбе с мисс Кэти, произношу я. Закон же не позволяет гомосексуалистам заключать браки.
 - Только друг с другом, уточняет он и заходит в кухню. Закрываю дверь, поворачиваю ручку, надеваю цепочку, запираю засов.

- Пусть так, но нельзя жениться исключительно ради лишней строки в резюме. С этими словами я достаю из ящика стола чистый лист и прикладываю его к влажному окну, поверх любовной записки.
- Её высочеству необязательно приходить, клянчит Терренс Терри. Пусть только ответит, кого мне пристроить рядом с Джейн Уайман.

Я принимаюсь обводить голубыми чернилами просвечивающие сквозь бумагу буквы.

— Леди Кэтрин могла бы сказать, — не отвязывается Терренс, — Джон Агар — правша или левша? И какого пола Рин Тин?

Продолжая отчитывать его и одновременно копировать письмооригинал на бумагу, я предлагаю начать всё заново. Рисуем пустой обеденный стол. Помещаем Розмари Клуни напротив Лекс Баркер. Усаживаем Дези Арназ по левую руку от Хейзел Корт. «Толстяк» Арбакл всегда плюётся во время беседы; пускай напротив сидит Билли Дав — она подслеповата и ничего не заметит. Отпихнув локтем Терри, лезу в его блокнот и собственными чернилами начинаю рисовать стрелки, соединяя Джин Харлоу, Лона Чейни-старшего и Дугласа Фэрбенкса-младшего. Подобно Кнуту Рокне в преддверии футбольного матча, обвожу в кружок имена Гилды Грэй и Хэтти Макдэниэл, а Джун Хэвер вычёркиваю.

— Значит, она опять голодает? — любопытствует Терренс Терри, наблюдая за моей работой. — Влюбилась, что ли?

А сам, развернув бумажный пакет, вынимает полную горсть миндаля в глазури пастельных тонов — розоватого, зеленоватого, голубого — и запускает их в рот.

— Голодовки — это полбеды, — отвечаю я. — Она ещё и гимнастикой занялась.

Иными словами, тренеры подсоединяют электрические провода к жалким остаткам мускулов на её теле и пропускают по ним разряды, имитируя участие жертвы-клиентки в скачках с препятствиями под ударами непрерывной грозы. Для фигуры — недурно, а вот причёска страдает.

После каждого подобного издевательства мисс Кэти велит побрить себе ноги, отбелить зубы и отодвинуть кутикулы.

— А кто её новое увлечение? — интересуется Терренс Терри с набитым ртом. — Ты его знаешь?

В это мгновение сбоку от электрической плиты звонит настенный телефон. Я поднимаю трубку, спрашиваю:

— Алло?

И жду.

Кто-то жмёт кнопку звонка у парадного входа.

Мужской голос произносит:

- Скажите, мисс Кэтрин Кентон дома?
- А кто на проводе? осведомляюсь я.

Дверной звонок поёт ещё раз.

Из трубки доносится:

- Это домработница, Хэйзи? Меня зовут Уэбб Уэстворд. Мы встречались несколько дней назад, в мавзолее.
- Простите, бросаю я. Боюсь, вы ошиблись номером. Это государственная резервация для криминально беспечных дам. И прошу вас больше сюда не звонить.

Разговор окончен, трубка повешена.

— А ты всё та же, — тянет пятый «отбывший». — Грудью стоишь на защите Её величества.

Обводя в воздухе линии, петли и точки просачивающихся слов: «Дражайшая Кэтрин, истинная любовь НЕ в дали, протяни лишь руку», моё перо составляет из них на чистом листе: «Заеду в субботу, в восемь. Нагрянем куда-нибудь пропустить по стаканчику?»

Потом чуть ниже: «Надень что-нибудь шикарное».

И подпись: «Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий».

Все мы в той или иной мере существуем в её тени. Как ни крутись, как ни бейся, в некрологе напишут лишь: «пожизненная компаньонка кинозвезды Кэтрин Кентон» или «пятый супруг легендарной актрисы Кэтрин Кентон...».

Набив руку, я безупречно копирую оригинал, только в конце — тем же почерком, под тем же наклоном — вывожу другую дату. Вместо субботы — пятницу. Складываю новое послание пополам, прячу в конверт с надписью «Передать мисс Кэтрин», облизываю клейкую полоску на клапане. Такое ощущение, словно язык попал в рот Уэбстеру. Отчётливый привкус кофе «Максвелл Хаус», аромат тонких сигар «Типарилло» и одеколона «Бэй рум». Неповторимый состав слюны. Рецепт его поцелуев.

Терренс Терри опускает бумажный пакет с миндалём на стол, переводит взгляд на экран телевизора и спрашивает с набитым ртом:

- А где тот противный щенок, которого она подобрала лет... восемь, что ли... тому назад?
- Стал актёром, киваю я на экран. И прошло не восемь, а десять лет.
 - Вообще-то, уточняет животное, я имел в виду пекинеса. Пожимаю плечами, отпираю засов, снимаю цепочку и отворяю дверь.

Говорю, что собака жива-здорова и дремлет где-нибудь наверху. Обещаю передать мисс Кэти пакет с миндалём. И, встав у распахнутой двери, прощаюсь.

На экране показывают, как Пако притворно чмокает в губы Вильму Банки. Вечерние новости: сенатор целует маленьких детей и жмёт избирателям руки. Другой канал: Терренс Терри хватается за грудь, пробитую выстрелом из мушкета, и умирает в «Осаде Атланты». Мы все — только призраки, временно задержавшиеся в мире мисс Кэти. Фантомы, подобно запаху жимолости или, например, миндаля. Пар исчезающий.

Кто-то снова жмёт кнопку звонка.

Взяв сладости, я опускаю фальшивую записку в бумажный пакет. Там её и найдёт мисс Кэти, когда вернётся домой — избитая ударами тока, начисто выбритая, умирающая от голода.

Акт I, сцена седьмая

Установочный кадр: Улица. Перед особняком мисс Кэти останавливается такси. Сквозь кроны деревьев бьет свет. Слышится пение птиц. Камера наезжает ближе на окно будуара мисс Кэти, плотно задёрнутое шторами от яркого послеполуденного солнца.

В спальне нам крупным планом показывают будильник. Отъезд: становится видно, как он балансирует на высокой стопке сценариев у кровати. Длинная стрелка стоит на двенадцати, маленькая — на трёх. Ресницы мисс Кэти дрожат, фиалковые глаза распахиваются навстречу своим отражениям в зеркалах под балдахином кровати. Рука знаменитости нащупывает стакан воды, неустойчиво замерший рядом с будильником. Затем пальцы тянутся к нембуталу и просовывают пилюлю между губами. Ресницы снова дрожат, и глаза закрываются. Рука безжизненно повисает над полом.

Письмо-фальшивка, плод моих трудов, выставлено в самом центре каминной полки, словно актёр-звезда под лучами прожекторов, посреди статистов — менее важных приглашений и свадебных фото, блестящих наград и трофеев. Настоящая дата, суббота, исправлена мною на пятницу, а это уже сегодня. Вот и вся хитрость. Романтическому свиданию не бывать. Нет, Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий не явится этим вечером. Кэтрин Кентон придётся долго сидеть и ждать. Наряд и причёска лишь подчеркнут её одиночество, как в том романе Чарльза Диккенса про мисс Хэвишем.

Резкая смена кадра: всё то же такси замирает напротив химчистки. Задняя дверь открывается, и моя нога ступает на тротуар. Я прошу водителя припарковаться вторым рядом, а сама отправляюсь на холодильный склад — забрать белых соболей мисс Кэти. Сквозь тонкую оболочку пакета чувствуется, как ёрзают и скользят у меня под мышкой невероятно мягкие, но тяжёлые шкурки. Мех раздулся и нежно мерцает от холода, в противоречии с тёплым солнечным днём и пузыристым чехлом сиденья из покрытого трещинками винила.

Следующая остановка — у мастерской портнихи. Таксист ожидает, пока я вынесу перешитое по приказу мисс Кентон платье. И вот уже мы заезжаем к флористке — купить букетик орхидей для корсажа. Сегодня вечером пальцы заказчицы в волнении растерзают эти цветы, когда кареглазый ухажёр даже не подумает позвонить в её дверь. Прежде чем стрелки будильника покажут половину девятого, мисс Кэти попросит у

меня выпивку. С девятым ударом часов — проглотит валиум. К десяти — от лепестков орхидей останутся мелкие клочья. К тому времени моя мисс Кэти впадёт в тоску и напьётся как чёрт, зато избежит опасности.

Резкая смена кадров: камера показывает нам то будильник возле кровати, то счётчик петляющего такси. Текут минуты и доллары. Своего рода обратный отсчёт перед надвигающейся бурей. Мы наведываемся к постижёру за вымытым и красиво уложенным париком. В магазин трикотажа — за новым утягивающим корсетом. К сапожнику — за туфлями, на шпильках которых мисс Кэти велела сменить набойки. От обилия вышивки с бисером лиф вечернего платья даже сквозь оболочку чехла напоминает на ощупь растрескавшийся кирпич или наждачную бумагу.

Камера едва успевает следить за моими передвижениями. Я почти задыхаюсь, я похожа на обезумевшего учёного или шеф-повара, спешащего подобрать необходимые составляющие для главного и единственного своего шедевра.

Представляя себе Марию, королеву шотландскую, или императрицу Евгению, или Флоренс Найтингейл, большинство американок вспоминают мисс Кэти, облачённую в соответствующий эпохе костюм, рядом с Джоном Гарфилдом или «Габби» Хэйесом в павильоне «Метро-Голдвин-Майер». Это её лицо и голос люди привыкли отождествлять с образами Девы Марии, Долли Мэдисон, прародительницы Евы, и я никому не позволю разрушить легенду. Возможно, Уильям Уайлер, Сесил Б. Демилль и Говард Хоукс и были её режиссёрами на одну-две картины, зато я направляла мисс Кэти в течение всей сознательной жизни. Именно мои усилия сделали из неё героиню, воплощение человеческой славы для трёх поколений женщин. Именно под моим руководством она сыграла великие роли — мисс Айвенго, мисс Король Артур, мисс Шериф Ноттингемский. Именно благодаря моему наставничеству её навсегда запомнят как мисс Аполлон, мисс Зевс, мисс Тор.

Сегодня мисс Кэти более чем когда-либо нужна человечеству как воплощение сокровенных идеалов и ценностей.

По словам Уолтера Уинчелла, женщина уровня Джоан Кроуфорд или Этель Берримор приобретает в определённом возрасте «менопозу» — осанку дамы, чей позвоночник никогда не прикасается к спинке стула. Вспомнить хотя бы Хелену Хейс, застывшую, словно военный курсант, навытяжку. Плечи расправлены так, будто на свете не существует ни силы тяжести, ни остеопороза. В эти критические годы стареющая звезда «заживо канонизируется», по выражению Хэдды Хоппер, то есть

превращается в ходячее воплощение хороших манер, дисциплины и самообладания. Так, Кэтрин Хепберн или Бетт Дэвис наглядно демонстрируют нам преимущество упорного труда и амбиций янки.

Я создала из мисс Кэти подлинный образец совершенства. Глядя на неё, понимаешь, что каждому из нас однажды приходится делать выбор — выглядеть как моложавый, хорошо сохранившийся человек в годах или же как опустившееся юное существо, из которого на ходу сыплется песок.

Разве я позволю пустить весь свой труд насмарку из-за какого-то кареглазого самца, только и умеющего, что часто дышать и крепко впиваться в жертву? Нет, не для того я старательно воздвигала монумент, чтобы уличные недоумки-мальчишки мочились на пьедестал и лапали статую своими грязными ручонками!

Такси тормозит у киоска — нужно ещё купить сигарет, аспирина и мятных таблеток, освежающих дыхание.

В ту же секунду прикроватный будильник показывает четыре часа и принимается громко трезвонить. Прославленная ладонь с холёными тонкими пальцами начинает его искать. На запястье звенят золотые браслеты и талисманы.

Я — возле особняка, протягиваю водителю двадцать долларов.

Между тем будильник звенит и звенит до тех пор, пока в кадре не возникает моя рука. Кнопка нажата, и шум обрывается. Кроме белых соболей и парика, я доставила платье, туфли, цветы для корсажа. А ещё принесла ведёрко со льдом, чистые полотенца и бутылку с денатурированным этиловым спиртом — всё стерильное, словно мне предстоит принимать роды.

Вот мои пальцы берут холодный прозрачный кубик и медленно проводят им под фиалковым глазом, убирая отёки. Лёд скользит по лбу мисс Кэти, разглаживая морщинки. Талая вода увлажняет кожу на скулах, возвращая давно пропавший румянец. От холода съёживаются складки на шее, и подбородок принимает более чёткие очертания.

Сегодня она так много отдыхает, а я так много тружусь, что можно подумать: вечером будет проба или прослушивание.

Промокнув остатки талой воды, я легко прикасаюсь к лицу мисс Кэти ватными шариками, смоченными в охлаждённом спирте, — это для сужения пор. Теперь её кожа на ощупь тверда, точно соболиный мех после холодильной камеры. Было время, когда любое животное, покрытое чемнибудь кроме голой кожи, дрожало при звуках грозного имени Кэтрин Кентон. Стоило мисс Кэти появиться на публике в шубке из рыжего горностая или покрасоваться в шляпке с перьями пеликана, и все морские

птицы, не говоря уже о горностаях, оказывались в смертельной опасности. Достаточно было снимка с премьеры или званого ужина, чтобы несчастное существо неминуемо угодило в список вымирающих.

Эта женщина — Покахонтас, Афина и Гера. На скомканной, неприбранной постели передо мной лежит Джульетта Капулетти. Бланш Дюбуа. Скарлетт О'Хара. С помощью помады и карандаша для глаз я рождаю Офелию. Марию-Антуанетту. Пока длинная стрелка описывает на циферблате будильника новый круг, я леплю Лукрецию Борджиа. Стоит нанести кончиками пальцев основу под макияж и румяна — и вот вам готовая Иокаста. В кровати лежит настоящая леди Уиндермир. Открывает глаза Клеопатра. Сверкает улыбкой и рывком опускает на пол точёные ножки Елена Троянская. Зевает и потягивается воплощение всех красавиц, известных в истории человечества.

Я не считаю себя ни художником, ни хирургом, ни скульптором, хотя делаю то же, что и они. Возможно, моя профессия — Пигмалион.

Когда на часах бьёт семь, я застёгиваю на своём создании утягивающие трусы и шнурую корсет. Мисс Кэти проскальзывает в платье и разглаживает юбки на бёдрах.

Орудуя ручкой длинного гребня, я подцепляю седые волосы и заталкиваю их под золотисто-каштановый парик.

— Погоди! — Фиалковые глаза мисс Кэти вдруг устремляются на будильник. — Кажется, в дверь позвонили?

Продолжая борьбу с волосами, я отрицательно качаю головой.

С восьмым ударом часов её ноги ныряют в туфли. Белые соболя ложатся на плечи. Мисс Кэти сжимает в руках орхидеи (только что изо льда), усаживается на верху лестницы и впивается взглядом в уличную дверь. Бриллиантовые серёжки подаются вперёд; голова вскинута в ожидании шагов на крыльце. Или приглушённого стука мужской руки в перчатке. Или песни дверного звонка.

Один бокал виски спустя мисс Кэти проходит к полке с наградами, внимательно перечитывает фальшивое послание и с конвертом в руках усаживается на прежнее место. Ещё один виски спустя она возвращается в будуар, складывает письмо и рвёт его пополам. А потом рвёт снова. И снова. Белые клочья бумаги, порхая, ложатся в камин. Пламя уже горит. Одно из моих творений уничтожает другое. Моя поддельная леди Макбет или Медея сжигает фиктивную записку.

«Истинная любовь НЕ в дали, протяни лишь руку». Но вместо субботы — пятница. Завтра, когда Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий явится точно в назначенный срок, будет слишком поздно склеивать разбитое сердце.

После третьего виски замученные, растерзанные орхидеи в тревожных руках мисс Кэти превращаются в однородный пахучий ком. На её лице сверкают дорожки от слёз.

Я предлагаю выпить ещё. Мисс Кэти глядит на меня с высоты, моргает, чтобы просохли ресницы, и произносит:

— В самом деле, разве юный красавец вроде Уэбба свяжется со старухой? — А потом улыбается, посмотрев на загубленные цветы у себя на коленях. — Ну, можно ли быть такой дурой?

Приходится объяснять, что она не дура. Она — Анна Болейн и Мария Кюри в одном лице.

Во время этой сцены её глаза мутно блестят, словно бриллианты или жемчужины, случайно запачканные спреем для волос. Мисс Кэти жёстко сминает остатки цветов в кулаке и роняет их в опустевший, слегка старомодный бокал с недопитым виски. Отдаёт его мне, а взамен я протягиваю другой, наполненный льдом и джином. Белые шкурки падают с плеч и лежат на лестничном ковре никому не нужным ворохом меха. Сегодня в постели мисс Кэти спала, как младенец. Одеваясь, она была юной девушкой. На ступенях сидела, как зрелая женщина в ожидании новой любви. А теперь, состарившись за один-единственный вечер, превратилась в каргу. Мисс Кэти глядит на свою морщинистую ладонь, поворачивает бриллиант разными гранями к свету и предлагает:

— Может, запечатлеем эту минуту на память?

Другими словами, она хочет поехать в собор, спуститься в подземную усыпальницу и вырезать новые морщинки на зеркале, принявшем на себя последствия всех её грехов и ошибок. Оставить запись в гравированном дневнике потайного лица.

Мисс Кэти подтягивает колени к груди, вся съёживается и становится похожа на скомканный в кулаке букет.

Осушив бокал джина, она произносит:

— Старая кошёлка, вот кто я такая. — И раскручивает ледяной кубик на дне. — Ну зачем каждый раз нужно так унижаться?

Её сердце разбито. Мой план идеально сработал.

Край бокала, успевший окраситься яркой помадой, оставляет у кончиков рта полукруглый след, похожий на жуткую клоунскую ухмылку. Тушь потекла, от глаз по щекам побежали две чёрные линии. Мисс Кэти вновь поднимает руку и читает на циферблате часов ужасную правду, выложенную розовыми сапфирами и бриллиантами. Ничего не скажешь, изысканная упаковка для горькой новости. Где-то в недрах особняка начинает бить полночь. За двенадцатым мелодичным звоном раздается

тринадцатый, а потом четырнадцатый. Таких долгих ночей не бывает. Пятнадцать. Моя мисс Кэти поднимает недоумённый взгляд, затуманенный после выпивки.

Невероятно. Шестнадцать, семнадцать и восемнадцать... Это поют не часы, а дверной звонок. Иду открывать. На парадном крыльце меня поджидает охапка из роз и лилий, из-за которой выглядывают ясные карие очи.

Акт I, сцена восьмая

Панорамная съёмка длинной каминной полки в будуаре мисс Кэти: шеренга наград и свадебных фотографий. Ещё одна панорама: камера скользит над пристенным столиком в кабинете хозяйки. Тут собрано ещё больше трофеев. И наплывом — новая панорама: длинные застеклённые полки в столовой. Награды так и теснят друг друга, загромождая пространство. В открытых выставочных коробочках, точно в колыбельках, устланных белым атласом, лежат медали на лентах и разные памятные таблички. Полки гнутся под бременем кубков из тусклого серебра с гравировками вроде: «Вручается Кэтрин Кентон за многочисленные заслуги от имени Балтиморского клуба критиков». Позолоченные статуэтки ассоциации театровладельцев Кливленда. Сильно уменьшенные изображения богов и богинь размером с младенцев. «За выдающийся прижизненный вклад...», «За долгие годы служения...». Взгляд с усилием пробирается сквозь нагромождение безделушек. Почётные степени колледжей. Девятикаратная золотая награда от Актёрского клуба города Финикс. От Печатной гильдии Сиэтла. От Объединённого общества лицедеев-трагиков Мемфиса. От Великого союза почитателей драматургии, г. Мизула. Сияющие, застывшие, молчаливые, словно давно отгремевшие аплодисменты. Последняя панорама завершается в то мгновение, когда на золочёную статую падает грязная тряпка. Камера отъезжает, чтобы показать общим планом, как я вытираю трофей от пыли, тщательно полирую его и ставлю обратно. Потом беру следующий, вытираю, ставлю. И поднимаю третий.

Таким образом, зритель получает обобщённое представление о природе моего бесконечного труда. К тому времени, когда заблестит последний трофей, первые вновь запылятся и потребуют полировки. И я хлопочу, сжимая в руке одноразовую пелёнку в пятнах, изготовленную из самого нежного материала, безукоризненно подходящего для вытирания пыли.

Каждый месяц какой-нибудь клуб или общество приглашает мисс Кэти почтить присутствием одно из своих собраний, а взамен одаривает её посеребрённой урной или гравированной табличкой с надписью: «Женщине года». И в особняке появляется очередной пылесборник. Вообразите, что все комплименты, которые вы получили за свою жизнь, вдруг обрели осязаемую форму, были выбиты на металле или на камне и

заполонили ваш дом. Что в комнатах ежедневно растёт гора ваших неисчислимых «Заслуг» и «Талантов», «Достижений» и «Вкладов», благополучно забытых всеми, за исключением вас одного. «Кэтрин Кентон, великой гуманистке...».

Каждая панорама сопровождается дружным закадровым смехом мужчины и женщины. Мисс Кэти и одного из её легендарных партнёров. Это может быть Грегори Пек или Дэн Дюрьи. Звонкие трели в сопровождении басистого гогота. Пока я полирую награды в библиотеке, смех доносится снизу, из будуара. Когда тружусь в столовой — эхо гуляет под сводами кабинета. Смех постоянно звучит за углом или за ближайшей дверью. Однако стоит мне переместиться туда, и комната непременно пустеет. Остаются лишь трофеи, темнеющие со временем. Неудивительно, ведь их делают из тяжёлого, но дешёвого свинца или чугуна, еле прикрытого позолотой. После каждой уборки они становятся всё тусклее, невзрачнее, неопрятнее.

По телевизору в будуаре показывают, как моя мисс Кэти и Роберт Стак едут в открытом экипаже по Центральному парку Нью-Йорка. Вслед за ними тянется гигантская связка белых воздушных шаров. Где-то нежно поют скрипки. Вот музыка уходит в недостижимую высь, и Стак бросается на мисс Кэти. Та разжимает руку; шары летят во все стороны, волоча за собой длинные хвосты белых ниток.

Кое-где на полках опасно балансируют ножницы, предназначенные, судя по их размерам, для Весёлого Зелёного Великана с овощных консервов. Медные лезвия, натёртые до почти драгоценного блеска, кажутся длинными, как ноги мисс Кэти. Одну пару она с огромным трудом подняла во время открытия шестиполосной внутренней автострады Очоаки. Другая пара перерезала красную ленточку на торжестве в честь регионального торгового пассажа «Спринг Уотер». Третья — позолоченная, величиной с ребёнка, участвовала в церемонии открытия супермаркета. Та поработала у моста, возведённого в память Льюиса Г. Редслоупа. Эта — у сборочного завода корпорации «Скайлайн микроцеллулар» в Теннесси.

По телевизору в кухне показывают, как мисс Кэти лежит поверх одеяла рядом с Корнелом Вильде. Вильде бросается на неё, и камера стыдливо обращает очи к потрескивающему камину.

Другие полки забиты символическими ключами, чересчур увесистыми, чтобы держать их в одной руке. Усердно отполированная латунь блестит, словно платина. «От отцов-основателей бизнеса в г. Омаха» и «От торговой палаты г. Топика». Ключи от города Спокан, штат Вашингтон, которые преподнёс мисс Кэти глубокоуважаемый мэр Нельсон

Реддинг. Ключи от Джексон-Хоул (Вайоминг) и Джексонвилля (Флорида). От Су-Фолс и Айова-Сити.

По телевизору в столовой показывают, как моя мисс Кэти едет в одном купе с Найджелом Брюсом. Когда тот набрасывается на неё, поезд въезжает в тёмный тоннель.

В кабинете Берт Ланкастер медленно ложится на мисс Кэти под рокот волн океана, ласково набегающих на песчаный пляж. В подсобке тоже стоит телевизор: там Ричард Тодд бросается на неё под оглушительные взрывы фейерверка в честь Дня независимости.

Во всех этих кадрах реальная мисс Кэти отсутствует. Время от времени камера задерживается на какой-нибудь выброшенной газете, показывая мутноватое фото хозяйки особняка: вот Кэтрин Кентон выходит из лимузина, опираясь на руку Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего. Вот они развлекаются в ночном клубе. Полужирные заголовки соединяют их имена в колонках светской хроники, подписанных Шейлой Грэхем или Эльзой Максвелл. А так — особняк пустует.

Моя рука поднимает новый трофей — статуэтку мускулистого героя, маленького и обнажённого, точно дитя, которого так и не родила мисс Кэти. Бережно глажу его лицо, чтобы еле мерцающий тонкий слой позолоты мог сохраниться подольше.

Акт I, сцена девятая

«Самые изощрённые комплименты, — заметил однажды драматург Уильям Инге, — пожалуй, более льстят своим сочинителям, нежели тем, кто их получает».

Очередной флешбэк. Вначале камера движется СЛИШКОМ стремительно, чтобы зритель хоть что-нибудь разобрал. Постепенно муть проясняется. Стрела операторского крана быстро скользит над круглыми столиками, за которыми сидят почётные гости. Все взгляды обращены к далёкой сцене; искры на бриллиантовых ожерельях и отворотах смокингов это крошечные отражения упавшего луча. Камера движется над необозримыми полями белых скатертей, усеянных серебряными столовыми Присутствующие вытягивают шеи, стараясь человека, который стоит на подиуме. Фокус уходит в глубину кадра, и мы отчётливо видим того, кто вещает у микрофона. Это сенатор Фелпс Рассел Уорнер.

За его спиной на огромном экране вспыхивают чёрно-белые кадры из фильма: Кэтрин Кентон в шёлковом бальном платье с корсетом изображает мисс Людвиг ван Бетховен. Пока её муж (Спенсер Трейси) похрапывает на заднем плане, она склоняется над пергаментным свитком, зажав посиневшими пальцами гусиное перо, и заканчивает партитуру «Лунной сонаты». Взятое крупным планом, во всю стену-экран, лицо горит ослепительным светом. Во всём виноват нитрат серебра, сохраняющийся на неэкспонированных участках плёнки. Глаза полыхают огнём, зубы сверкают белизной.

Лица зрителей тонут наполовину во тьме, наполовину — в нитратносеребряных отблесках. Публика самозабвенно внимает голосу выступающего, похожему на раскатистый гром, многократно усиленный при помощи микрофонов и репродукторов.

— Она послужила тем бриллиантовым светом, который вечно будет указывать путь нам, обыкновенным смертным...

Тем временем на экране-стене возникает моя мисс Кэти в роли жены Александра Грэма Белла. Подтолкнув своего супруга (Джеймс Митланд Стюарт) локтем, она украдкой слушает по параллельному телефону Микки Руни. Платье с высоким воротником подчёркивает осиную талию. Пышную причёску в стиле гибсоновской девушки [10] венчает широкополая шляпа с поникшими перьями белой цапли.

Помню, в тот год по радио целыми днями крутили песню «Счастье — это так просто: зовут его Джо…» в исполнении Дорис Дэй и оркестра под управлением Банни Беригана.

В зале нет ни одного лица, которое привлекло бы наше внимание. Жемчужные ожерелья и галстуки-бабочки ничего не меняют: перед нами всего лишь фон, бескрайнее море массовки, толпа статистов, довольных уже и тем, что им позволили неподвижно посидеть в кадре.

А сенатор у микрофона продолжает:

— Её благородная целеустремлённость и верность избранному пути подают нам пример, призывая двигаться навстречу наивысшим ценностям...

У него очень ровный гортанный голос — как у Франца Антона Месмера или Гарри Гудини.

Весь этот напыщенный бред представляет собой ещё один образчик того, что Уолтер Уинчелл имеет в виду под словами «тост-мастурбация». «Громкое бла-бла-бла», — сказала бы Хэдда Хоппер. А Луэлла Парсонс наверняка уловила бы «намёк на золочение».

Поворачивая голову вправо, сенатор торжественно произносит:

— Она снизошла в наш грубый мир, словно ангел из будущего, из той прекрасной эпохи, когда на земле не останется даже тени страха или невежества...

Камера следует за его взглядом: я и моя мисс Кэти стоим за кулисами. Её фиалковые глаза прикованы к фигуре в ярком луче. На сенаторе чёрный смокинг. На ней — белоснежное платье. Локоток отведён в сторону, бледная ладонь судорожно прижата к сердцу. Выступающий слишком похож на жениха, дающего брачный обет перед паствой и готового вручить Кэтрин Кентон если не обручальное кольцо, то хотя бы латунную безделушку.

Неудивительно, что вокруг ярких лампочек неизбежно скапливаются обгорелые трупики насекомых-самоубийц.

— Как женщина, она излучает очарование и сострадание, — разносится над огромным залом, — а как человек — являет собой пример извечного чуда.

С каждым словом этот чужак, которого мисс Кэти видит впервые в жизни, всё дальше взбирается по крутому утесу её высокого статуса. Примазывается к её популярности. Прибирает к рукам её колоссальное приданое в виде славы: оно будет очень кстати, когда настанет время напрашиваться на переизбрание.

А на экране сияет гигантское лицо моей мисс Кэти, на сей раз

играющей роль супруги Клода Моне, которая дорисовывает знаменитые «Кувшинки». Безупречный цвет лица — заслуга модистки Лили Даше. Губы — Пьер Филипп.

— Она словно мать, которую хотел бы иметь любой из нас. Жена, о которой можно только грезить. Женщина-эталон, по которому оценивают себя остальные, — провозглашает сенатор, полируя до блеска образ мисс Кэти за миг до её появления перед поклонниками, распаляя волнение и нетерпение зрителей: ну когда же она возникнет с ним рядом в луче прожектора?

В подобных случаях Чолли Никербокер говорит об «артобстреле любезностями», «нахрапистом раболепии» либо «недержании комплиментов».

Почему-то многие фразы звучат куда лучше, когда слетают из уст мужчины.

Я держу скрученный в трубку сценарий — единственное предложение поработать, которое Кэтрин Кентон получила за последние месяцы. Это фильм ужасов о жрице Вуду, создавшей армию зомби, чтобы захватить власть над миром. В финальных кадрах на жрицу нападают дикие обезьяны и, с визгом разорвав на куски, съедают. Линн Фонтэнн и Айрин Данн уже отказались от съёмок.

Награде в руках сенатора никогда больше не придётся так ярко сверкать, как теперь, пока она вне досягаемости для моей мисс Кэти. Со стороны кажется: вот идеальная пара, эти двое чудесно дополнят друг друга! Очень скоро сенатор Фелпс Рассел Уорнер станет шестым «отбывшим». А сейчас он и сам похож на трофей, который хочется вытирать и полировать до скончания жизни.

В любой коронации есть привкус фарса. Лев должен по-настоящему одряхлеть и лишиться последних зубов, чтобы столько людей отважились его приласкать. Все эти жестяные копии Кеннета Тайнена, мечтающие о том, чтобы их мнение уважал хоть кто-нибудь; эти заводные подделки под Джорджа Бернарда Шоу и Александра Вуллкотта; неудавшиеся актёры и писатели, не сотворившие ничего достойного человеческой памяти, — сегодня они готовы нести шлейф мисс Кэти в надежде вскочить на подножку поезда, уходящего в бессмертие.

Камера дает наплыв на её лицо, а голос за кадром изрекает:

— Эта женщина подарила нам лучшее от целой эпохи. Она проторила тропы, которыми прежде никто не осмеливался ходить. Ей одной принадлежат столь выдающиеся роли, как мисс граф Дракула и мисс президент Эндрю Джексон...

За спиной выступающего разыгрываются короткие сцены из «Истории Юджина Крупа» и «Легенды о Чингисхане». Чёрно-белую Кэтрин Кентон целует Гарри «Бинг» Кросби на террасе пентхауса, откуда открывается вид на хорошо прорисованные горизонты Манхэттена.

Под лучом прожектора голый порозовевший лоб сенатора блестит не меньше самой награды. Мужчина стоит во весь рост, фигура постепенно сужается от широких расправленных плеч к лакированным кожаным туфлям. Ну просто копия «Оскара» во плоти. Уцелевшие волосы над ушами и позади них вроде бы съёжились и отползают прочь, желая укрыться от пристального внимания толпы. Обидно и жалко смотреть, как яркий прожектор ворует у человека все признаки возраста или характера.

Между тем наш розовый манекен вещает:

— Она есть сама красота, образ которой вовек не изгладится из коллективной памяти, покуда существует человечество; она — воплощение храбрости и ума, отражение всего наилучшего, чего только могут добиться люди...

Прославляя хрупкость «этой женщины», сенатор сам начинает выглядеть и сильнее, и благороднее, щедрее, заботливее, великодушнее, даже выше ростом. Смотрите-ка, этакий великан — и безропотно склоняется перед крошечной дамой. Его цветистые, дутые комплименты похожи на вопли усталой супруги, имитирующей оргазм. Разница только в том, что первые нужны, чтобы скорее затащить женщину в постель, а вторые — чтобы скорее спровадить мужчину из постели. Произнося слова, которые втайне жаждет услышать любая дочь Евы, сенатор на глазах преображается. Широкие плечи и толстая шея принадлежат уже не пещерному человеку, но любящему супругу и заботливому отцу. Кроткому служителю. Дикий неандерталец плавится и меняет формы. Оскал начинает напоминать улыбку. В этих волосатых руках представляешь не дубинку, а какое-нибудь орудие труда.

— И сегодня мы смиренно просим её принять наше восхищение, — произносит сенатор, с нежностью прижимая награду к своей груди. — Ведь она и сама — желанный приз для любого мужчины. Драгоценный венец американской театральной традиции. Приготовьтесь же искупать её в горячих лучах обожания. Дамы и господа, позвольте представить вам... Кэтрин Кентон!

Бывает, актриса срывает аплодисменты не за какую-то из ролей, а просто за то, что ещё жива.

Сегодняшний вечер — ещё одна познавательная вылазка в обширную выжженную пустыню, имя которой — кризис среднего возраста.

Думаю, когда тебя терзает мир, можно найти определённое утешение в ещё более страшных самоистязаниях. По крайней мере так обретаешь чувство контроля над событиями.

Услышав собственное имя, мисс Кэти выходит на сцену под оглушительный шквал рукоплесканий. Пожалуй, по ним она изголодалась куда сильнее, чем по жареной курице, под каким бы соусом её сегодня ни подали за торжественным ужином. Здание содрогается от бесчисленных фотовспышек. С широкой улыбкой, раскинув руки, моя мисс Кэти принимает объятия сенатора, а потом и безвкусную золочёную безделушку.

На этом флешбэк заканчивается, и в кадре медленным наплывом возникает вышеупомянутая награда с гравированной надписью: «От величайших почитателей драматургии округа Западный Шуйлер». За те десять лет, что она простояла на полке, позолота изрядно помутнела. Мгновение — и затянутый паутиной трофей накрывает белая тряпка. Камера отъезжает, показывая меня в кабинете особняка. Я полирую приз. Над головой вьётся нимб из пылинок. За окном царит тьма. Мой взгляд устремлён в неведомую даль.

За кадром слышно, как отпирают ключом замок парадного входа. Мои волосы подхватывает короткий порыв сквозняка. Судя по звуку, тяжёлая дверь открывается и затворяется. По главной лестнице на второй этаж раздаются шаги. Ещё одна дверь тихонько скрипит и захлопывается.

Оставив награду, я с пыльной тряпкой в руке тоже спешу туда, наверх. И останавливаюсь у двери в будуар мисс Кэти. В глубине дома дважды бьют часы. Я стучусь и спрашиваю, не нужно ли помочь расстегнуть молнию. Достать таблетки. Налить воды в ванну и зажечь ароматные свечи на каминной полке. Вернее, на алтаре.

Ни слова в ответ. Я берусь за круглую ручку, но та не поворачивается. Ни в одну, ни в другую сторону. Заперто. Мисс Кэти ещё ни разу так не поступала. Приложившись к дереву пыльной щекой, я вновь стучу и прислушиваюсь. Из-за двери доносится только слабый вздох. Потом другой, чуть погромче, потом ещё громче, и вот уже заскрипели пружины кровати. Вместо ответа — пронзительный частый скрип, напоминающий смех.

Акт I, сцена десятая

Сцена открывается кадрами рукопашной схватки между Лилиан Хеллман и Ли Харви Освальдом. Эти двое дубасят и колошматят друг друга на седьмом этаже Техасского склада учебных пособий в окружении непомерно высоких стопок из книжек «Лисички», «Детский час» и «Осенний сад» за открытым окном по Дили Плаза проезжает кортеж автомобилей. Ветер треплет флаги, зрители радостно машут руками. Хеллман и Освальд яростно дерутся за карабин, вырывая его друг у друга с переменным успехом. Наконец Лилиан изо всех сил бодает противника белокурой головой, лоб в лоб, и, когда тот с остекленевшими глазами на мгновение отключается, громко кричит ему:

— Думать надо, идиот-коммуняка! Ты что, правда хочешь Линдона Джонсона в президенты?

Тут раздаётся выстрел, и Хеллман отшатывается, схватившись за плечо. Между пальцами выбиваются пульсирующие кровавые струи. Тем временем розовая шляпка-таблетка от «Холстон», знак стиля Жаклин Кеннеди, благополучно удаляется на недосягаемое для пуль расстояние. А до нас доносится ещё один выстрел. Третий. Четвёртый...

Выстрелы продолжают греметь, пока на экране наплывом не возникает следующий кадр. Декорации: кухня Кэтрин Кентон. Я сижу за столом и читаю сценарий Лили под названием «Спасая двадцатый век». Солнечный свет падает сквозь окошко в двери под крутым углом: очевидно, на улице либо позднее утро, либо полдень. На заднем плане видна лестница для прислуги, ведущая на второй этаж. Грохот оказывается звуком шагов на ступенях, и таким образом словно перекидывается мостик между фантастическим произведением и реальностью.

Итак, пока я читаю, на верхней ступени появляется пара ножек, обутых в розовые шлёпанцы с тяжёлыми толстыми каблуками, издающими оглушительный стук. Над ними колышется край полупрозрачного розового пеньюара, отороченного перьями белой цапли. Вот из переднего разреза показывается правая нога, гладковыбритая от самого бедра. Потом она исчезает, и нашим взглядам предстаёт левая. С каждым шагом подол халатика покачивается V тонких лодыжек. Каблуки продолжают отстукивать пулемётную очередь, и наконец в дверном проёме полностью возникает моя мисс Кэти. Остановившись, она обессиленно прислоняется к косяку. Фиалковые глаза наполовину прикрыты; губы раздулись; красная

помада размазана от щеки до щеки, от носа до подбородка; на лице, утопающем в облаке розовых перьев, застыло выражение беспамятства. Замерев на месте, мисс Кэти ждёт, когда я оторвусь от сценария Хеллман и подниму на неё глаза, чтобы мгновением позже обратить на меня свой взгляд и произнести:

— Я так счастлива, что избавилась от одиночества!

Кухонный стол завален позолоченными и посеребрёнными наградами, демонстрирующими разные степени мутности и запылённости. Между ними можно разглядеть открытую банку с политурой и запачканную тряпку.

Держа обе руки за спиной, мисс Кэти сообщает:

— А я тебе купила подарок...

И предъявляет завёрнутую в фольгу коробку, перевязанную лентой из красного бархата с тёмно-алым, как роза, бантом размером с кочан капусты.

Глаза мисс Кэти скользят по расставленным на столе трофеям.

— Выкинь ты этот мусор, *пожалуйста*. Собери всё в коробки, — продолжает она, — и задвинь в кладовку. Не нужна мне больше любовь незнакомых людей. Теперь я нашла любовь одного, зато совершенного мужчины...

Выставив перед собой коробку, обёрнутую фольгой, красным бархатным бантом вперёд, мисс Кэти заходит в кухню.

На новой странице сценария Лили Хеллман применяет к Освальду травмоопасный захват «двойной нельсон» — просовывает обе руки сзади через подмышки противника и нажимает сведенными кистями на шею и затылок. Потом одним быстрым пинком с размаха валит с ног, и тот валится на пол, где парочка продолжает бороться, одновременно царапая пальцами пыльный бетон в попытках дотянуться до заряженного карабина.

Мисс Кэти опускает коробку на стол и подталкивает её к моему локтю со словами:

— Поздравляю с днём рождения. Открывай.

На следующей странице Лили всё ещё сражается, прилагая нечеловеческие усилия. Тишину книжного склада нарушают хрип и резкие вздохи. Зловещие звуки борьбы насмешливо контрастируют с помпезным рёвом фанфар и рукоплесканиями; где-то там, вдали, величавые мажоретки в парадной форме крутят блестящие хромом жезлы под беспощадно ярким солнцем Техаса.

Не отрываясь от текста, я вслух замечаю, что у меня сегодня не день рождения.

Мисс Кэти задумчиво переводит глаза с одной из своих наград на

другую и говорит:

— Ох уж эти «Долгие годы служения»...

Её рука опускается в невидимый карман пеньюара и достаёт гребешок. Проводя им по длинным распущенным прядям золотисто-каштановых волос (отросшие за два дня седые корни ещё почти не заметны), мисс Кэти заканчивает:

— От этих «выдающихся прижизненных вкладов» начинаешь чувствовать себя какой-то... мёртвой. — И, не дожидаясь меня, предлагает: — Дай помогу.

А потом дёргает за ленточку. Красивый бант немедленно распадается; моя мисс Кэти срывает и мнёт серебряную фольгу. В коробке темнеют складки грубой материи. Кэтрин Кентон разворачивает чёрное платье с юбкой до колена. На дне обнаруживаются накрахмаленный белый передник и маленький кружевной чепец, весь утыканный шпильками.

От её кожи, от её волос тянет одеколоном Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего — «Бэй рум». Пако предпочитал «Роман Брио». Сенатор любил «Олд Лайм». А его предшественник, Терренс Терри, «отбывший» номер пять — исключительно «Инглиш лезер». Сталелитейный магнат брызгался «Книже».

Оставив платье на столе и не прекращая причёсываться, мисс Кэти проходит в правую часть сцены, где встаёт на цыпочки в своих розовых шлёпанцах, чтобы дотянуться до телевизора на холодильнике. Щелчок выключателя — и на экране медленно, словно рыба, всплывшая на поверхность мутного пруда, проявляется лицо Пако Эспозито. На его шее висит стетоскоп — мужской заменитель бриллиантового колье. Хирургическая маска скомкана под подбородком. Ещё сжимая в руке окровавленный скальпель, Пако суёт извивающийся язык прямо в глотку инженю Джинн Иглс, одетой в белую форму с красными разводами.

— Не хочу, чтобы люди из агентства подумали, будто бы ты в этом доме — больше, чем просто прислуга, — объясняет мисс Кэти.

И переключается на другой канал, где Терренс Терри в танце ведёт Люнебургский батальон на битву при Мон-Сен-Жан, сражаться с Наполеоном. Мисс Кэти снова проводит гребнем по волосам, ещё раз переключается, видит саму себя, только чёрно-белую, в роли матери Грир Гарсон, играющей Луизу Мэй Олкотт в паре с Лесли Говардом в биографическом фильме о Кларе Бартон, и произносит:

— *Гав, хрю, ко-ко-ко...* Кристина и Кристофер Кроуфорд. Ничто, — говорит мисс Кэти, — не молодит женщину сильнее, чем вид новорождённого малыша у неё на руках. *Ко-ко-ко, жжж, иа...* Марго

Мерил.

Следующий канал. Кэтрин Кентон, разукрашенная под древнюю мумию, вся в морщинах из латекса, восстаёт из картонного саркофага, пугая визжащую простодушную девушку (Оливия Мэри де Хэвилленд).

- Кого-кого у неё на руках? переспрашиваю я.
- Ух, чирик, му... Жозефина Бейкер и «Семья-радуга».

Короткий кадр-вставка: на столе так и лежит подарок-платье, усыпанное длинными золотисто-каштановыми завитками того насыщенного оттенка красного дерева, какой бывает лишь у насквозь промокшего волоса. Разорванная подарочная бумага, лента и гребень брошены здесь же: разве мне трудно убрать? Чёрное платье — форма для горничной.

Но в этом доме я — не простая горничная, повариха или фрейлина. Никто и не думал меня нанимать как помощницу по хозяйству.

Подарок ко дню рождения, вот ещё.

— Если спросят из агентства, я думаю, мы назовём тебя *au pair* [13], — сообщает мисс Кэти, почти уткнувшись носом в своё изображение на экране. — Красивое слово: *au pair*. Звучит почти... почти как французское.

А в сценарии Лилиан Хеллман с ужасом наблюдает, как президент Джон Кеннеди вместе с губернатором Джоном Конналли взрываются фонтанами бурой крови. Она прижимает руки к бокам, собирает ладони в кулаки, запрокидывает голову и опустошает свой рот, горло, лёгкие одним протяжным воплем:

— Heeeeeeeeeeeeт!..

Её застывший страдальческий силуэт хорошо вырисовывается на фоне однообразного лазурного неба над просторами Далласа.

Я смотрю на помятую форму, на обрывки фольги, на упавшие волоски, на сценарий у себя на коленях.

— Сделай нам кофе, — бросает мисс Кэти, небрежным жестом выключив телевизор. Затем подхватывает полы халатика и проходит вправо, к кухонному столу. Достаёт из открытой коробки чепец. — Кстати, на будущее: мистер Уэстворд любит кофе не с молоком, а со сливками. — С этими словами она водружает белое кружево мне на затылок. — Тебе очень идёт. Вуаля! В переводе с итальянского: «prego» [14].

Острые шпильки жалят мне голову, словно терновый венец.

Кадр постепенно уходит в затемнение. Слышно, как кто-то звонит в парадную дверь.

Акт I, сцена одиннадцатая

Тут я, с вашего позволения, прерву свой рассказ и предамся несколько иным рассуждениям. Хотелось бы поговорить о природе равновесия. Баланса, если угодно. С точки зрения современных медицинских исследований, человек есть существо, стремящееся к равновесию. Соотношение между весом и ростом, женскими и мужскими свойствами — понятие очень тонкое, и с ним шутки плохи. К примеру, стоило «РКО радио пикчерс», «Монограм» и «Репаблик пикчерс» прибегнуть к инъекциям мужских гормонов, чтобы придать бравый вид наиболее изнеженным из своих самцов-наёмников, как те обзавелись грудями потяжелее, чем у Клодетт Колбер и Нэнси Келли. Похоже, при дополнительных вливаниях тестостерона человеческое тело неизбежно принимается вырабатывать эстроген, стремясь вернуться к первоначальному балансу мужских и женских гормонов.

Соответственно, если актриса морит себя голодом, добиваясь невероятной худобы, однажды она раздуется до сверхъестественных размеров.

Многолетние наблюдения натолкнули меня на мысль: что, если внезапно высокий уровень похвал, поступающих в организм извне, приводит к выбросу в кровь особого вещества, отвечающего за лютую ненависть к себе? Большинство киноманов наслышаны о психических отклонениях Фрэнсис Фармер, о сексуальных излишествах Чарли Чаплина или Эррола Флинна и о химических пристрастиях Джуди Гарленд. Причём все это выставлялось напоказ, так чтобы даже на верхних балконах публика ничего не пропустила. Позволю себе предположить, что каждая из вышеназванных знаменитостей попросту стремилась восстановить природное равновесие, утраченное по причине чрезмерного зрительского обожания.

По профессии я не сиделка и не тюремщица, не нянька и не горничная, однако в периоды наивысшего подъёма публичной славы к моим обязанностям прибавлялась ещё одна — охранять мисс Кэти от неё же самой. Боже, сколько раз я не давала ей «перебрать» лекарств, от скольких необдуманных капиталовложений отговорила, скольким особенно неподходящим самцам указала на дверь — и всё по одной причине: тот, кого мир объявил бессмертным, любой ценой норовит опровергнуть подобное мнение. Благосклонные статьи и броские заголовки в журналах

вынуждают разрекламированную «звезду» извести себя голодом, полоснуть по венам, напиться яду. Ну, или отыскать мужчину, который охотно сделает это за них.

Итак, сцена начинается абсолютно чёрным кадром. В качестве соединительного элемента мы снова слышим звонок. Постепенно экран светлеет. Перед нами парадная дверь. Рядом — окошко, за которым вырисовывается чей-то силуэт, остановившийся на ступенях. Сквозь щель над порогом, залитую ярким солнцем, хорошо видна пара переминающихся ног. Звонок раздаётся ещё раз, и в кадре возникаю я. На мне чёрное платье, передник и кружевной чепец. С третьим звонком я наконец открываю дверь.

В прихожей воняет краской. Впрочем, как и во всём особняке.

В дверном проёме стоит фигура, чересчур тёмная на фоне дневного сияния. Снятая с низкого ракурса, она похожа на величественного ангела с крыльями, сложенными по бокам, и нимбом вокруг головы. Один шаг вперёд — и освещение резко меняется. В рамке дверного проёма стоит женщина в белом платье, в короткой белой накидке на плечах и белых ортопедических туфлях. На её голове чудом держится накрахмаленная шапочка с большим красным крестом. На руках спит розовощёкий младенец, завёрнутый в белое одеяло.

Между нами явно прослеживается ироническое сходство. Эта гостья — мой зазеркальный двойник. Смотрите: стою вся в чёрном, прижимая к груди бронзовую статуэтку, да ещё и обёрнутую запачканной тряпкой.

Ниже на крыльце стоит ещё одна женщина. Монашка в тёмном облачении. Качает на руках девочку — белокурую, словно Ингрид Бергман в юные годы, светлокожую, точно Дороти Макгуайр в миниатюре. «Гойкрошка», — улыбнулся бы Уолтер Уинчелл.

На тротуаре дожидается своей очереди посетительница в костюме из твида. Руки в перчатках покачивают коляску, в которой мирно дремлет ещё пара младенцев.

- Могу я поговорить с Кэтрин Кентон? интересуется медсестра.
- Я из приюта Святой Елизаветы, сообщает монашка на лестнице. Женщина с тротуара подхватывает:
- А я из агентства по усыновлению.

Из подъехавшего такси выходит ещё одна медсестра с малышом на руках. Одновременно из-за угла появляется вторая, тоже с малюткой, а в самой глубине кадра мы различаем и вторую монашку, спешащую к особняку с новым свёртком.

Звучит голос моей мисс Кэти:

— А, вы уже приехали...

Камера разворачивается на сто восемьдесят градусов: со второго этажа с малярной кистью в руке спускается хозяйка дома. С жёстких ворсинок кисти падают длинные розовые капли. Мисс Кэти одета в белую мужскую рубашку, какие обычно носят под вечерний костюм. Рукава деловито закатаны, нагрудный карман щеголяет вышитой монограммой «О.Д.» (инициалы четвёртого из «отбывших», Оливера Дрейка), ткань безнадёжно измазана розовой краской. Одна из прославленных скул тоже слегка запачкалась. Волосы убраны под бандану.

В особняке легко задохнуться от едкого запаха лака. Весь дом — словно один гигантский наманикюренный ноготь. Между тем у залитого солнечным светом порога начинает пахнуть детской присыпкой.

Мисс Кэти проворно сбегает по лестнице, оставляя за собой след из розовых капель. Рабочие синие джинсы закатаны по колено. Ноги в коротких белых носках засунуты в поношенные дешёвые мокасины. Хозяйка дома переводит фиалковые глаза со своей кисти на розового лепечущего младенца.

— Вот, вы не подержите?.. — и суёт запачканный инструмент прямо в лицо медсестре.

Женщины близко склоняются друг к дружке, словно хотят поцеловаться, и между ними происходит обмен. Теперь и на белом платье медсестры видны розовые разводы.

А моя мисс Кэти делает шаг назад и поворачивается к большому зеркалу в прихожей. Её отражение напоминает Сьюзен Хейворд или Дженнифер Джонс в фильме «Святая Иоанна» или «Песня Бернадетт», лучезарную Мадонну с Младенцем с полотен Караваджо или Рубенса. Мисс Кэти одной рукой тянется к затылку и поддевает пальцем узел банданы, чтобы сорвать её с головы и бросить на пол. А потом встряхивает головой и поводит ей из стороны в сторону. Золотисто-каштановые волосы рассыпаются по плечам пышной мягкой вуалью, обрамляя плечи белой рубашки, на фоне которой розовеет прижатый к груди крошечный сирота.

— Надо же, какой *pièce de résistance* $^{[15]}$, — произносит мисс Кэти, потёршись с ним носами. — В переводе с итальянского это значит *«gemütlichkeit»* $^{[16]}$.

Её фиалковые глаза широко распахиваются и затягиваются поволокой, как у Руби Килер, играющей девственницу в паре с Диком Пауэллом в картине Басби Беркли. Длинные, тонкие руки звезды, безупречно чистые,

не считая единственного розового стигмата, щёки. Не отрывая взгляда от зеркала, мисс Кэти поворачивается в три четверти — сначала налево, потом направо, всякий раз полуопуская ресницы и кротко склоняя голову. Затем кланяется своему отражению ещё раз. Лишённое морщинок лицо растягивается в улыбке, а фиалковые глаза наполняются влагой. Словом, она ведёт себя точь-в-точь как в прошлом месяце, когда получала награду «За прижизненный вклад» от Независимого денверского кружка киноманов. Те же самые жесты, то же самое выражение.

Секунду спустя Кэтрин Кентон вручает свёрток обратно, качает головой и, наморщив свой звёздный нос, говорит:

— Я подумаю...

Когда на пороге возникает монашка, мисс Кэти двумя пальцами выуживает из кармана джинсов небольшую карточку... и прикладывает образец оттенка «Медовый закат» к румяной щёчке младенца. Сравнивает. Покачав головой, кисло улыбается:

— Нет, не подходит. — И прибавляет со вздохом: — Мы уже покрасили плинтус. В три слоя. — И пожимает прославленными плечами. — В общем, вы понимаете...

Нагнувшись над следующим новорождённым, Кэтрин Кентон принюхивается. Достаёт распылитель, сбрызгивает сонное личико духами «Лэр дю Там». Невинная кроха поднимает ужасный рёв. Мисс Кэти отшатывается и качает головой в знак отказа.

Новый малыш. Мисс Кэти наклоняется так близко, что с кончика её сигареты на розовую щёчку падает обжигающий пепел. Поднимается визг вперемешку с оглушительным плачем. Пахнет мочой и прожжённым хлопком. Так, словно включённый утюг слишком долго стоял на подушке, вымоченной в растворе аммиака.

Очередной найдёныш оказывается чуть бледноват по сравнению с новыми занавесками. Прикладывая лоскут материи к извивающемуся свёртку, мисс Кэти вздыхает:

— Это почти «Идеальная хурма», но всё же не «Красный фейерверк»...

Звонок надрывается до самого вечера. Меня изнуряет эта «ярмарка цветов жизни», как говорит в подобных случаях Хэдда Хоппер, или «смотр молодняка», если выражаться словами Луэллы Парсонс. Бесконечный перебор малышей «секонд-хенд». Неубывающий поток медсестёр, монахинь и работниц агентств по усыновлению, каждая из которых считает своим долгом покраснеть и выпучить глаза, пожимая розовую, липкую от краски ладонь мисс Кэти. Каждая принимается лепетать:

— Чирик, ко-ко-ко, у-ху... Рэймонд Мэсси.

Кадры быстро сменяют друг друга.

— Иа, гав, жжж... Джеймс Мэйсон.

Вот очередная медсестра удирает по улице, услышав от Кэтрин Кентон предложение перекрасить ребёнку волосы, а ещё лучше — посадить его на диету, чтобы не был таким уж пузанчиком.

Вот соцработница отчаянно машет проезжающему такси, выскочив из дому после того, как моя мисс Кэти размазала по коже грудничка кремоснову под макияж «Макс Фактор», вариант номер шесть.

А кинозвезда, надувая губки, уже воркует над новой крохой:

— $Wunderbar^{[17]}$... — и, выдохнув сигаретный дым, поясняет: — Это латинский эквивалент выражения $que\ bueno^{[18]}$.

Каждого малыша-сиротку мисс Кэти качает перед огромным зеркалом, присматриваясь: подходит он ей или нет, словно речь идёт о сумочке или театральном реквизите.

— *Мяу, уа, пип...* Дженис Пейдж.

Ещё одного младенца она возвращает, перепачкав своей помадой. Над другим — наклоняется слишком быстро и низко, так что умудряется окатить его из бокала струёй ледяного мартини. На третьего — долго хмурится, пытаясь отколупнуть длинным отполированным ногтем родинку на безупречном розовом лобике.

— Как говорят испанцы, — заключает хозяйка дома, — « $qu\acute{e}$ $ser\acute{a}$ » $^{[19]}$.

Эти пробы, это прослушивание, этот «киндер-кастинг», как сказал бы Чолли Никбокер, тянется всю вторую половину дня. Коляски самых разных расцветок и типов выстроились в длинную очередь, которая разве что не сворачивает за угол. Перед нами — богатый ассортимент оставленных малышей: продукты незапланированных беременностей; дети, над которыми девять месяцев билось чьё-то разбитое сердце; круглолицые розовощёкие сувениры на память об изнасиловании, распущенности, инцесте. О внезапном порыве чувств. Не из тёплой груди, а из казённых бутылочек сосут молоко эти пережитки разводов, семейной жестокости, неизлечимых болезней. У меня в руках засыхает малярная кисть, розовые щетинки твердеют, а к дому всё так же подвозят свёртки с нежеланными плодами. С обломками, с выброшенным балластом того, что когда-то казалось единственной настоящей любовью.

С каждым ребёнком моя мисс Кэти красуется перед зеркалом в полный рост, проигрывая одну и ту же сцену. Поворачивается направо, затем

налево и, наконец, анфас. Улыбается, томно приопускает ресницы, наклоняет прославленный подбородок, изображает на лице самые разные чувства, обращается к своему отражению:

- О ∂a , она просто прелесть. Позвольте вам представить мою дочь, Кэтрин-младшую. — Или же произносит: — Позвольте представить вам моего сына, Уэбстера Карлтона Уэстворда Четвёртого.

Эту строчку сценария она отыгрывает снова и снова, прежде чем сунуть ребёнка ожидающей медсестре, монашке или соцработнице. Приложить к нему образец ткани или краски. Поднять шум из-за какогонибудь изъяна или царапинки. На место каждого забракованного младенца на кастинг являются двое новых.

Мисс Кэти до позднего вечера повторяет, как заведённая:

- Гав, ко-ко-ко, иа... Кэтрин Кентон-младшая.
- Хрю, ква, му... Уэбстер Карлтон Уэстворд Четвёртый.

Звезда играет дубль за дублем, час за часом. Уличные фонари начинают мерцать, а потом загораются в полную силу. Со временем затихает гул, доносящийся с автотрассы. В окнах особняков напротив скользят и задёргиваются шторы. Наконец парадное крыльцо пустеет — сверху и донизу. Больше ни одного сироты.

В прихожей я наклоняюсь поднять упавшую на пол бандану. Размазанные и высохшие капли краски образуют бледно-розовую дорожку, ручеёк из розовых пятен, сбегающий вниз по ступенькам и на дорогу. Следы отвергнутых.

У обочины останавливается такси. Водитель выходит и отпирает багажник. Ставит на тротуар два больших чемодана, потом открывает заднюю дверцу. Мы видим мужской ботинок и отворот на брючине. Наружу высовывается рука, на мизинце которой блестит золотая печатка. Из-под показавшейся шевелюры сияют очи цвета рутбира. Вспыхивает улыбка — яркая, как фейерверк на Четвёртое июля.

И вот появляется особь мужского пола, которая может похвастать широкими плечами Дэна О'Херлихи, узкой талией Марлона Брандо, длинными ногами Стивена Бойда и дерзкой улыбкой Джозефа Шильдкраута в роли Робина Гуда.

Камера разворачивается на сто восемьдесят градусов, и моя мисс Кэти бросается к двери с криком:

— O, любимый...

Её широко раскинутые руки и выпяченная грудь напоминают о Пенелопе (Джули Ньюмар), встречающей Одиссея; о Джиневре (Джейн Расселл), воссоединившейся с Ланселотом. О Кэрол Ломбард, спешащей в

объятия Гордона Макрея.

Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий взывает к ней снизу вверх с благородством Уильяма Фроули в роли Ромео Монтекки:

— Кэт, милая... У тебя не найдётся трёх долларов заплатить за такси? Застывший у чемоданов таксист терпелив, словно Льюис Стоун. А ещё небрит, как Фесс Паркер. Машина у него жёлтая.

Распустив по плечам золотисто-каштановые волосы, мисс Кэти зовёт меня:

— Хэйзи! Хэйзи! Отнеси вещи мистера Уэствуда в мою комнату! Бессовестные любовники сливаются в поцелуе. Камера кружит и кружит над ними. Наплывом — погребальная церемония.

Акт I, сцена двенадцатая

Двенадцатая сцена первого акта начинается очередным флешбэком. Кэтрин Кентон снова держит в руках урну с прахом. Уже знакомые декорации: тусклые внутренности усыпальницы Кентонов. Кругом паутина. Тяжёлая бронзовая дверь открывается и впускает нас. Каменная полка на заднем плане тонет в сумраке, она заставлена медными, бронзовыми, никелированными сосудами. На урне в руках у мисс Кэти выгравирована надпись: «Оливер "Ред" Дрейк, эск.». Пятый «отбывший».

Действие происходит в те времена, когда по радио целыми днями крутили Фрэнка Синатру — песню «Приговор» в переложении Уильяма «Каунта» Бэйси.

Моя мисс Кэти прижимает урну к груди, затем поднимает её к лицу под вуалью из чёрного кружева. За вуалью — губы. Отпечатав смачный след от помады на гравированном имени, Кэтрин Кентон ставит новую урну к остальным, на пыльную полку, между бутылками бренди и пузырьками с люминалом.

«Одноплечане», — сказала бы Луэлла Парсонс, увидев, как я и Терренс Терри поддерживаем мисс Кэти с двух сторон.

Коллекция урн перемежается пыльными бутылками шампанского. Сосуды живые и мёртвые хранятся бок о бок в сухом промозглом полумраке погреба-усыпальницы. Только вторые стоят, а первые лежат на боку, затянутые вуалями паутин.

Гав, хрю, пип... «Дом Периньон», 1925.

Гав, мяу, иа... «Болленже», 1917.

Терренс Терри снимает позолоченную фольгу и, покрутив петлю, ослабляет проволочную сеть, что удерживает пробку. Затем, приподняв бутылку и направив её в пустой угол, вращает пластмассовый гриб большими пальцами. Наконец раздаётся хлопок, слишком громкий в каменном погребе, и пенная струя вырывается из бутылки, забрызгав пол.

Ррр, ко-ко-ко, и-го-го... «Перрье-Жуэ».

Чирик, ква, уууу... «Вдова Клико».

Ох уж этот синдром Туретта, одержимость торговыми марками.

Терри снимает с каменной полки фужер, подносит его к лицу и, выпятив губы, сдувает пыль. Затем наполняет его для мисс Кэти. Над откупоренной бутылкой вьётся холодный пар и окутывает её со всех сторон.

Когда каждый из нас получает по запылившемуся фужеру с шампанским, Терри вызывается сказать тост.

— За Оливера, — произносит он.

Мы поднимаем фужеры.

— За Оливера.

И выпиваем сладкое грязное игристое вино.

Погребённое в пыльной паутине, на полке лежит опрокинутое зеркало в серебряной рамке. После нескольких мгновений молчания я поднимаю его, чтобы поставить у стенки. Даже полумрак усыпальницы не в силах угасить блеск от чёрточек на стекле — памятных отметин о каждой морщине, которую мисс Кэти за эти годы успела разгладить, подтянуть либо сжечь кислотой.

Она поднимает вуаль И становится середину крестика, нарисованного помадой на каменном полу. Прошлое поразительно точным образом накладывается на её лицо. Прорезанные на зеркале поседевшие волоски вписываются в нынешнюю причёску. Пощипав кончики пальцев, мисс Кэти стягивает с руки чёрную перчатку, а вслед за ней два золотых кольца: одно с бриллиантом (куплено в честь помолвки), другое — без (обручальное). Первое получаю я, второе отправляется на пыльную полку, за урны. За урны с почившими псами. К витающим душам лаков для ногтей, в своё время объявленных не по возрасту яркими для своей хозяйки.

Края вертикально стоящих и раскатившихся бокалов, мутных от пыли и капель когда-то недопитого вина, представляют собой музей оттенков помады, ушедших в историю. Точно так же окрашены фильтры окурков, которыми густо усеян пол. Вкупе с бутылками и фужерами, забытыми на полках, в холодных углах, под ногами, — всё это создаёт впечатление, будто мы присутствуем на вечеринке невидимых призраков.

Наблюдая за нашим ритуалом, Терри лезет в карман пальто, выуживает и щелчком открывает хромированный портсигар, чтобы сунуть в рот сразу две сигареты. Раскуривает обе: резкий взмах рукой — и над хромированным краем выбивается язычок пламени, ещё один взмах — и огонь исчезает, а Терри прячет блестящую тоненькую коробку обратно в карман. Потом вынимает одну зажжённую сигарету и, прочертив концом затейливый дымный след, вставляет её между красными губами мисс Кэти.

Действие происходит ещё до «гусиных лапок», причиной которых стал Пако Эспозито. Ещё до скорбных бороздок на лбу, появившихся благодаря сенатору и начертанных мной на зеркале Дориана Грея.

Орудуя бриллиантом, я приступаю к работе. Рисую на долгую память

новые морщины и россыпь печёночных пятен. Обвожу на стекле паутину из крошечных прожилок, вздувшихся вокруг фильтра горящей сигареты.

— Считаю своим долгом предупредить, леди Кэт... — начинает Терри. И, отхлебнув шампанского, продолжает: — Позвольте дать совет. Вам следует быть осторожнее...

По его словам, слишком многие знаменитые дамы открывали двери своих сердец если не молодому человеку, то юной женщине, который или которая будет подолгу просиживать рядом и слушать, и даже смеяться над шутками. Обычно такого пристального внимания хватает на месяц или на год, не важно; в конце концов обожатель(ница) исчезнет, вернётся к людям своего возраста. Девушка выскочит замуж, обзаведётся первенцем и быстро забудет покинутую актрису. Разве что как-нибудь на досуге черкнёт пару писем или звякнет по телефону. Ради приличия.

Так Труман Капоте поддерживал связь с Перри Смитом и Диком Хикоком, пока те дожидались казни в камере смертников. Ему нужен был яркий финал для «Хладнокровного убийства».

Если верить Терри, каждый серьёзный издатель в Америке якобы держит про запас книгу, аванс за которую давно выплачен юному дарованию с очаровательными манерами и отличным умением слушать, ухитрившемуся состряпать из пары-тройки ужинов со звездой биографиюразоблачение; книге недостаёт лишь причины смерти, описанной на последних страницах. Эти гиены так и бродят возле служебного входа, ожидая кончины Мэй Уэст. Названивают Лелии Гольдони в надежде услышать дурные вести. Просматривают газетные некрологи, выискивая имена Хью Марлоу, Эмлин Уильямс, Пегги Кастл и Бастера Китона. Точно стервятники, сужают круги. Большинство из них уже ищут подход к Рут Доннелли и Джеральдине Фицджеральд. В эту самую минуту кто-то из них посиживает у камина в гостиной у Лилиан Гиш или Кэрол Лэндис, подобно мощному пылесосу вытягивая из хозяйки откровенные рассказы, необходимые для оживления книжки на двести с лишним страниц; прямо сейчас кто-то хищно следит за жестами Баттерфлай Маккуин, откладывает в памяти любые причуды или манеры Текса Эйвери, — со временем сгодится на корм ненасытной публике.

И якобы все эти завтрашние бестселлеры уже сданы в набор; остаётся только дождаться смерти главного персонажа.

— Я тебя знаю, Кэт, — произносит Терри, отворачиваясь, чтобы выпустить изо рта струю дыма (затхлый воздух усыпальницы и без того пропах плесенью и сигаретами), и поднимает с полки обручальное кольцо. — Тебе не прожить без поклонников, хотя бы в лице одного

человека.

Какой-нибудь парень из службы доставки фруктов или девчонка, проводящая по домам анкетирование. Милое юное существо с широко распахнутыми глазами однажды явится, чтобы похитить историю жизни моей мисс Кэти. Её доброе имя. Её достоинство. А потом начнёт горячо молиться, чтобы она поскорей отдала концы.

Царапая стекло бриллиантом, я высекаю скорбные борозды на лбу Кэтрин Кентон. Так сказать, обновляю карту её биографии. Зеркало беспощадно исчерчено шрамами, появившимися за годы горестей и треволнений. Это настоящий документ, отображающий тайное лицо мисс Кэти.

Джуди Гарленд и Этель Мерман, продолжает Терри, больше не появлялись на публике — по крайней мере с прежним блеском и помпой, — после того как Жаклин Сюзанн вывела их в образе жирных и сквернословящих пьянчужек Нили О'Хара и Элен Лоусон в «Долине кукол».

В ответ раздаётся скрип бриллианта по стеклу. Высокий пронзительный звук погребального плача.

Опустившись одним коленом на стылый каменный пол, Терри смотрит на Кэтрин Кентон снизу вверх, спрашивая:

— Выйдёшь ли ты за меня? Просто ради собственной безопасности? — И тянется взять её за руку. — Пока тебе не подвернётся кто-то получше?

Эта поблекнувшая звезда, этот содомит предлагает себя на роль душеохранника, прослойки между настоящими браками.

— Подобно этому вот портрету, — Терри кивает на зеркало в серебряной рамке, — какой-нибудь юный друг с открытым и честным взглядом будет только рад выставить на обозрение все твои недостатки, лишь бы выстроить собственную карьеру.

Я как всегда провожу бриллиантом ровные вертикальные линии, повторяя дорожки слёз на щеках мисс Кэти.

А сама трясу головой. Не надо. Не повторяй эту пытку. Не доверяйся новому встречному.

Как обычно, моя задача — не нажимать слишком сильно, чтобы стекло не растрескалось.

Мисс Кэти запускает ладонь в щель одного из карманов шубки, выуживает оттуда нечто розовое и кладёт на пыльную полку. И заодно с сигаретным дымом выдыхает:

— Думаю, это мне уже не понадобится...

Много лет назад Кэтрин Кентон была уверена, что оставляет этот предмет — свою диафрагму — навечно.

Терри надевает ей на палец обручальное кольцо.

— Ещё тёплое, — улыбается мисс Кэти. И добавляет: — Кольцо, а не диафрагма.

И я наливаю всем нам шампанского.

Акт I, сцена тринадцатая

В самом начале сцены мы видим Джона Гленна внутри корабля «Френдшип-7», первого американского судна, совершившего орбитальный полёт. За маленьким иллюминатором сияет наша величественная голубая планета в завитках белых облаков, подвешенная среди мерцающих точекзвёзд в кромешно-чёрном космосе. Пока руки астронавта беспорядочно мечутся над широкой панелью, нажимая случайные кнопки и дёргая рычажки, Гленн склоняется к микрофону.

— Центр управления, похоже, тут проблема... Центр управления, как меня слышно? — взывает он. — Кажется, у нас утечка электричества...

При этих словах все лампочки дружно гаснут. Потом на мгновение загораются — и опять гаснут. И ещё немного померцав, затухают уже насовсем. Гленн сидит в полумраке, при тусклом сиянии далеких звёзд. Среди гробовой тишины он обхватывает микрофон ладонями в специальных перчатках, подносит его ко рту, так что зубы почти касаются проволочной решётки, и отчаянно визжит:

— Хьюстон, пожалуйста!.. Алан Шепард, козёл, ты же не дашь мне здесь помереть?!

Камера отъезжает, показывая внутренний люк за креслом астронавта. Ручка в центре люка медленно поворачивается — это единственное движение в кадре, — и на неё падает яркий луч света.

Гленн тихо всхлипывает в потёмках.

Короткая вставка: крупным планом — вращающаяся ручка. Затем — очень крупно — лицо Гленна, укрытое под прозрачным забралом шлема, затуманенным по причине горестных вздохов и слёз.

Раздаётся до боли знакомый голос:

— Не ной, а?

Люк за спиной астронавта распахивается, и мы видим взятую средним планом безбилетницу Лилиан Хеллман, выходящую из какой-то служебной кладовки. Она шагает через порог и направляется к написанным по трафарету словам: «ВНИМАНИЕ: ВОЗДУШНЫЙ ШЛЮЗ». Бросает через плечо:

— Пожелай мне удачи, младенец.

И, сделав глубокий вдох, резко хлопает по большой красной кнопке «СБРОСИТЬ ГРУЗ». Внутренняя дверь плавно закрывается, запечатывая воздушный шлюз. Порыв туманного ветра выбрасывает Лили наружу.

Вместо скафандра и шлема на ней элегантный спортивный ансамбль из слаксов и водолазки от Адриана.

Задержав дыхание, Лили невесомо парит среди чёрного мрака. Потом начинает плыть по открытому космосу кролем, медленно двигаясь вдоль находит коробочку латунного корабля, пока наконец не прикреплённую к внешнему корпусу. Коробочка, на которой при помощи трафарета написано: «СОЛНЕЧНЫЙ МОДУЛЬ», время от времени ярко искрит. Со сдувшимися без воздуха щеками, серьёзно наморщив лоб, Лили достаёт из кармана слаксов плотницкий молоток. Высокие шпильки от «Орри-Келли» очень идут к её элегантному наряду. Серьги-подвески, а также бирюзовый кулон в виде цветов тыквы свободно болтаются по сторонам ввиду полного отсутствия гравитации. На висках Лили набухают вены. Зажав молоток посиневшими пальцами, она бьёт им по коробочкемодулю. В вакууме не раздаётся ни звука. Среди мёртвой космической тишины слышно лишь, как всё быстрее стучит безразмерное сердце Лили. Молоток во второй раз обрушивается на модуль. Искры летят во все стороны. Металл прогибается; серая краска отваливается хлопьями, и те зависают поблизости.

Удары не прекращаются. Каждый новый звучит всё громче, и громче, и громче... В это время наплывом даётся кадр из особняка Кэтрин Кентон, где я сижу за столом и читаю сценарий Лилиан Хеллман под названием «На помощь космическим гонкам». На мне чёрное платье горничной, белый передник и накрахмаленный кружевной чепец. Стук молотка, послуживший в качестве звуковой перемычки, превращается во вполне реальный грохот внутри дома.

В следующем кадре мы видим, как изголовье кровати в спальне мисс Кэти бъётся о стену. Камера не показывает нам подробностей происходящего в постели. Слышно только тяжёлое дыхание, женское и мужское. Всё быстрее, всё громче. С каждым ударом на стенах подпрыгивают картины. Дрожат и приплясывают кисти на шторах. Прикроватная стопка сценариев сползает на пол.

На новой странице астронавтский пульс Лили ускоряется. Молоток бьёт по модулю снова и снова, тем временем изголовье кровати лихорадочно колотится о стену, и вот наконец-то, с последним героическим усилием, в космическом корабле начинают мерцать огоньки. Стук умолкает. Всевозможные шкалы и циферблаты вспыхивают в полную силу. В рамке маленького иллюминатора появляется зарёванное от испуга и облегчения лицо Джона Гленна под шлемом. Астронавт показывает спасительнице поднятые большие пальцы.

На заднем плане кухни, на самой верхней ступеньке лестницы возникает пара волосатых лодыжек. Заросших коленей. И краешек белого махрового халата. Ещё один шаг — и мы видим пояс, затянутый вокруг узкой талии, а по бокам — две мужских волосатых руки. Появляется широкая грудь с вышитой монограммой «О.Д.». Да, это халат покойного «отбывшего» номер четыре. Ещё один шаг: перед нами лицо Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего. Яркие очи цвета рутбира. Кончики губ поднимаются, лицо расплывается в улыбке, словно над сценой подняли занавес, и американская особь-самец произносит:

— Хэйзи, доброе утро.

А в сценарии Лилиан Хеллман упорно тащится сквозь холодную чёрную пустоту вдоль корпуса «Френдшип-7», возвращаясь к воздушному шлюзу.

Уэбстер достаёт из посудного шкафа кофеварку. Выдвигает ящик и вытаскивает оттуда шнур питания. Всё это, заметим, с первой удачной попытки, без долгих поисков. В холодильник, за металлической банкой с молотым кофе, он вообще потянулся не глядя. Повернувшись к другому шкафу, извлёк наш поднос для завтраков. Не тот серебряный, что для чая, и не вечерний, для ужинов. Очевидно, парень хорошо помнит, что где лежит в нашем доме, и наизусть знает здешний уклад.

Уж очень шустрый он, этот Уэбстер К. Уэстворд Третий. Явно один из тех юных улыбчивых умников, о которых Терренс Терри когда-то предупреждал мою мисс Кэти. Один из шакалов. Сорока-воровка.

Насыпая молотый кофе в кофеварку, особь по кличке Уэбстер подаёт голос:

— Если позволишь, Хэйзи... никак не пойму, кого же ты мне напоминаешь?

Не отрываясь от очередной страницы, где Лилиан мучительно задыхается в ледяной стратосфере, бросаю ему:

— Телму Риттер.

Ещё бы, ведь я была Телмой Риттер ещё до того, как она сама ею стала.

Хотите увидеть мою походку — взгляните на Энн Дворак, шагающую по улице в фильме «Домохозяйка». Желаете посмотреть, как я волнуюсь? Пожалуйста: Мириам Хопкинс очень похоже морщит лоб в «Старом знакомстве». Каждое мановение руки, каждое движение тела, отточенное мною и доведённое до совершенства, было украдено кем-нибудь из этих пустышек. Пьер Анджели смеётся моим раскатистым смехом. Гилда Грэй без спроса присвоила мою манеру танцевать румбу. Слушая меня, Мэрилин

Монро научилась петь.

Чёртовы подражательницы. Это ещё хуже, чем воровать по карманам деньги.

Допустим, у вас украли колье из жемчуга — всегда можно заказать новое. Но если похищена ваша причёска или, скажем, жест во время воздушного поцелуя, подобрать им замену куда сложнее.

Много лет тому назад я снималась в кино. Ещё до того как встретилась с моей мисс Кэти.

Сегодня я уже не смеюсь. Не пою, не танцую. И не целуюсь.

Всё так, как пытался предупредить Терренс Терри: мир состоит из гиен и стервятников, только и ждущих урвать чужой кусок — сердце, язык или фиалковые глаза, — чтобы скушать за завтраком чей-нибудь лучший кусок.

Не хотите ли увидеть Таллулу Бэнкхед, только настоящую, а не ту, что изображает Реджину Гидденс в «Лисичках» или Джули Мэрсден в «Иезавели»? Понаблюдайте за Бетт Дэвис в картине «Всё о Еве». Предположим, Джозеф Лео Манкевич и вправду списал образ Марго Ченнинг со своей бедной матери, актрисы Джоанны Блюменау, но Дэвис достаточно долго вертелась подле Таллулы, чтобы выучить каждую из её повадок. Произношение и походку. Манеру заходить в комнату. Разговаривать с хрипотцой после первого бурбона, а после четвёртого — полуопускать ресницы, так что глаза начинали напоминать отваренных на пару моллюсков.

Конечно, не все уловили шутку. Какой-нибудь Энди Девайн или Слим Пикенс из Су-Фоллз скорее всего не заметили, что Дэвис попросту корчит из себя балаганную копию Таллулы, но остальные-то не могли этого не видеть. Вообразите, что некий хороший актёр приглядывается к вам на сотне вечеринок, запоминает, как вы напиваетесь, как злитесь и брызжете слюной в лицо Уильяму Дитерле, — а затем отыгрывает ваш образ на сцене и выставляет вас на посмешище всему свету. Вспомнить хотя бы, как эта задница Орсон Уэллс повеселился за счёт Уилли Хёрста и бедной Мэрион Дэвис.

Особь по кличке Уэбстер держит кофеварку над мойкой и наполняет её водой из крана. Насыпает кофе. Присоединяет электрический шнур и втыкает его в розетку.

А ведь неотёсанные обитатели Боулдера, Литл-Рока и Будапешта в большинстве своем и не догадываются, что их провели. То есть целый мир свято верит, будто карикатура, созданная талантливой подражательницей, и есть вы.

Бетт Дэвис выстроила на этом свою карьеру.

В наши дни, стоит кому-то упомянуть бедолагу Уилли Хёрста, все представляют себе, как толстяк Уэллс орёт на Мону Даркфезер, заодно спуская по лестнице Пила Трентона. Вот и для тех, кто никогда не здоровался за руку с Таллулой, она — рыбоглазая гарпия с мерзкими бледными складками кожи, отвисшими под подбородком Дэвис. В определённом смысле все мы — шакалы, рвущие друг у друга куски послаще.

Кофеварка булькает и отключается. Хромированный носик выдаёт струйку белого ароматного пара.

Я объясняю самцу по кличке Уэбстер, что он всё перепутал. Это Телма Риттер старается смахивать на меня. Её походка, выговор, согласованность движений — всё ворованное. Поначалу Джо Манкевич постоянно маячил на горизонте. Сижу я, допустим, за ужином рядом с Фэй Бейнтер, напротив — Джесси Метьюз, никуда не ходившая без своего супруга Сони Хейла, подле него — Элисон Скипуорт, по другую сторону от меня — Пьер Уоткин, а Джо — где-нибудь в уголке, куда даже не ставят солонки, молча пожирает меня глазами.

В его картине Телма Риттер одевается в шерстяные кофты на пуговицах, наполовину расстёгнутые, и закатывает рукава чуть повыше локтя — так вот это я. Телма изображает меня, только в передёрнутом варианте. Так же разделяет волосы на прямой пробор посередине. Так же следит глазами одновременно за всем, что бы ни происходило вокруг. Моё имя — Хэйзи. Героиню же звали Берди.

Это всё равно что видеть, как Франклин Пэнгборн передразнивает своего педика-парикмахера, как шоумен Эл Джолсон выступает с зачернённым под негра лицом или Эверетт Слоун играет носатого еврея в «Гражданине Кейне».

Правда, в моём случае остаётся принять двухтонную шуточку на свои плечи и хохотать заодно со всеми. Попытаешься разделить с кем-нибудь своё бремя — прослывёшь занудой.

Вам нужны ещё примеры? Тогда скажите мне, кто позировал Леонардо да Винчи для «Моны Лизы»? И ещё: стоит людям подумать о бедной Мэрион Дэвис, как они представляют себе Дороти Комингор, пьяную, склонившуюся над гигантским пазлом Грегга Толанда в съёмочном павильоне «РКО».

А вы говорите: искусство имитирует жизнь!.. Случается и наоборот.

Между тем, согласно сценарию, Джон Гленн пробирается вниз по внешнему корпусу, обнимает Лилиан Хеллман и затаскивает её внутрь.

Сквозь иллюминатор видно, как они страстно целуются. Слышно жужжание сотни раздвигающихся застёжек-молний, и вот уже астронавты стаскивают одежду друг с друга, обнажая незащищённую розовую плоть. В невесомости голая грудь Лили стоит торчком, принимая безупречную форму; пурпурные соски твердеют, словно кремниевые наконечники стрел.

А в кухне самец по кличке Уэбстер пристраивает кофеварку на нашем подносе для завтраков. Потом ещё пару чашек с блюдцами, сахарницу и кувшин для сливок.

Когда мы познакомились, Кэтрин Кентон была никем. Юным дарованием из Голливуда. Официанткой в мясном ресторане, раздающей меню и вытирающей жирные тарелки. Моя профессия — не стилист и тем более не агент по связям с общественностью, но именно я вышколила её, сделав символом для миллионов женщин. А со временем и миллиардов. Пусть я не актриса, однако я сумела создать сильный образ, которому стремятся подражать. Живой пример неимоверно мощного потенциала, сокрытого в каждой из женщин.

Не вставая из-за стола, я тянусь взять серебряную ложечку. Дышу на неё. А потом натираю до блеска подолом белого кружевного передника.

В сценарии Хеллман мы видим её обнажённую шею и плечи, красиво изгибающиеся в иллюминаторе. Мускулы напрягаются и опадают, пока Гленн губами и языком ласкает ложбинку между парящими в невесомости грудями. Наконец исступлённые вздохи любовников совершенно замутняют иллюминатор.

А я вытираю ложечку и говорю:

— Пожалуйста, не обижай её... — Возвращаю прибор на блюдце. — Даже не думай обидеть мисс Кэти — убью.

С этими словами я срываю крахмальный чепец двумя пальцами, не обращая внимания на выдирающиеся заколки и выбившиеся пряди. Поднимаюсь с места.

— Юноша, вы не настолько умны, как вам кажется.

И напяливаю чепец прямо на миловидную макушку красавчика Уэбстера.

Акт I, сцена четырнадцатая

Резкая смена кадра: вот я бегу в длинном плаще, наброшенном поверх униформы горничной; полы то и дело распахиваются, открывая вид на чёрное платье и белый передник. Камера следует за мной вдоль парковой тропинки, где-то между молочным магазином и каруселью. Тяжело дыша через открытый рот, я из последних сил рвусь в направлении Киндерберга. С моей точки зрения видно, что цель — кирпичный павильон в форме знака «Стоп», притулившийся на вершине.

Вставка: крупным планом — телефон, застывший на столике в прихожей особняка мисс Кэти. Раздаётся звонок.

Резкая смена кадра: я продолжаю бежать. Голова не покрыта, волосы развеваются на ветру. От ударов моих коленей подол передника высоко взметается в воздух.

И ещё раз телефон. Звонит, звонит...

Я обгоняю группу людей, бегущих трусцой, расталкиваю собачатников и мамашек с колясками. Павильон на пике Киндерберга постепенно вырастает в размерах. Со стороны ближайшей карусели доносится до отвращения сладостная музыка.

Телефон в прихожей не унимается.

Я добегаю до павильона, где множество людей — почти поголовно пожилых мужчин — сидит попарно за столиками, сутулясь над чёрнобельми армиями фигур. Некоторые столики расположились внутри, другие — снаружи, под сенью навеса. Это шахматный павильон, построенный Бернардом Барухом.

И вновь крупным планом: прихожая, телефон. Звон обрывается, когда в кадре возникает чья-то рука и берёт трубку. Камера поднимается вместе с ней к лицу. К моему лицу. Чтобы вам было проще представить, вспомните Телму Риттер, отвечающую в кино на звонки. В этом коротком флешбэке мы слышим, как я говорю:

— Резиденция Кентон.

И наблюдаем за моей реакцией, когда из трубки доносится голос мисс Кэти:

— Пожалуйста, приезжай скорее. Поторопись, — раздаётся по телефону, — он собрался меня убить!

Между тем я лавирую между столиками шахматистов, расставленными в парке. Почти все игроки пользуются часами с двумя лицами-циферблатами. Сделав ход, игрок бьёт по кнопке: одна секундная стрелка немедленно замирает, зато другая тут же возобновляет движение. За очередным столиком мужчина, похожий на постаревшего Лекса Баркера, обращается к пожилому двойнику Питера Устинова:

— Шах.

И бьёт по двуличным часам.

Моя мисс Кэти сидит в отдалении от всех, в одиночестве, за столом, инкрустированном чёрно-белыми квадратами. Только вместо пешек, ладей и коней на нём — пачка бумаги. Увесистая, словно сценарий для Сесила Б. Демилля. Мисс Кэти судорожно сжимает страницы обеими руками. Её фиалковые глаза укрыты за солнечными очками. Завязанный под подбородком жёлтый шарф от «Гермес» прячет от любопытных прославленный профиль. Стёкла очков отражают моё приближение: Телма Риттер и сестра-близнец.

Присаживаясь за столик, я спрашиваю:

— Кто тебя хочет убить?

Где-то рядом дряхлый Слим Саммервилл ходит пешкой и произносит:

— Шах и мат.

Из отдаления смутно доносится шум экипажей, что с грохотом катятся по Шестьдесят Пятой улице. На Пятой авеню обмениваются гудками таксисты.

Мисс Кэти пододвигает ко мне пачку белых листов.

— Только не рассказывай никому. Это унизительно.

Гав, хрю, скрип... «Жиголо охмуряет звезду».

Му, мяу, жжж... «Одинокая стареющая кинолегенда соблазнена убийцей».

Она нашла эту пачку, разбирая один из чемоданов Уэбба. Он уже набросал мемуары об их романе. Подталкивая рукопись ко мне, мисс Кэти выдыхает:

— Взгляни только, что он там написал... — Потом отдёргивает стопку обратно, прикрывает её плечами от посторонних и, покосившись вокруг, быстро шепчет: — Насчёт отрывка, где я позволяю мистеру Уэстворду склонить меня к анальным сношениям... запомни, это вымысел чистой воды, от начала и до конца.

Энтони Куинн в преклонных годах ударом по кнопке заводит один из таймеров и останавливает другой.

Мисс Кэти снова пододвигает пачку ко мне, потом забирает её и чуть слышно бормочет:

— Да, просто чтобы ты знала: сцена, в которой я устраиваю мистеру

Уэстворду сеанс орального удовлетворения в туалете ресторана «У Сарди», — тоже грязная, наглая ложь...

И ещё раз украдкой оглядывается.

— Сама почитай... — Бумажная стопка опять ползёт в мою сторону — и резко возвращается в руки Кэтрин Кентон. — Только не вздумай поверить той части, где я, как он пишет, проделываю под столиком «Двадцать Одного» эти невообразимые манипуляции с зонтиком...

Терренс Терри будто бы в воду глядел: миловидный молодой человек появился в жизни мисс Кэти лишь для того, чтобы переписать её легенду для собственной корысти. Не важно даже, насколько невинны их отношения, он попросту ждёт её смерти, чтобы издать свою грязную сенсационную книжонку. Не удивлюсь, если издатель уже заключил с юношей контракт и выдал щедрый аванс за будущий бестселлер. Скорее всего эту дрянь успели сдать в набор, да и дизайн обложки готов. Стоит мисс Кэти в один прекрасный день умереть, как пошлые измышления обворожительного паразита затмят собой все ценное, чего Кэтрин Кентон успела достичь при жизни. Точно так же Кристина Кроуфорд навсегда запятнала легенду Джоан Кроуфорд. А Б. Д. Мэрилл угробила доброе имя Бетт Дэвис, любимой матери. Или Гарри Гросби опорочил жизнь своего отца, «Бинга» Гросби. Вот так и мисс Кэти погибнет в глазах миллионов поклонников.

«Бла-бла-графия», — выражается Хэдда Хоппер в подобных случаях.

Налетевший ветер колышет клёны вокруг павильона, и те принимаются рукоплескать миллиардами листьев. Покрытый морщинами Уилл Роджерс тянется старческой рукой в стиле Фила Силверса, чтобы передвинуть белого короля на новую клетку. По соседству от нас беззубый Джек Уиллис трогает чёрного коня и бросает:

- J'adoube^[20].
- Это по-французски, поясняет мисс Кэти. А по-нашему: *«tout de suite»* [21]. И, покачав головой над рукописью, оправдывается: Я не шпионила, просто хотела найти сигареты... Она пожимает плечами. Что нам делать?

До тех пор пока книга не издана, это не клевета. Но Уэбб и не собирается публиковать её до кончины мисс Кэти. Лишь тогда его слово будет решающим, ведь к тому времени предмет нападок упакуют в ящик и сожгут в крематории, пепел же спрячут под землёй, в усыпальнице, в обществе Казановы, Оливера Дрейка, эск., и так называемых «павших солдат» — опустевших бутылок из-под шампанского.

Я говорю, что ответ очевиден. Моей собеседнице всего лишь нужно жить долго-долго... Не умирать, и дело с концом.

Перемещая рукопись по шахматной доске, мисс Кэти вздыхает:

— Ой, Хэйзи, не всё так просто.

Посередине титульного листа напечатано:

Слуга любви:

Чрезвычайно интимные воспоминания о жизни с Кэтрин Кентон Автор и правообладатель: Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий.

История написана целиком, поясняет мисс Кэти. То есть вместе с последней главой. Тут она снова пододвигает к себе бумагу и, перелистав страницы, открывает рукопись ближе к концу. Сперва её губы едва шевелятся, а потом произносят вслух:

— «В тот роковой день Кэтрин Кентон оделась с особым старанием...» Старики по очереди бьют по кнопке часов.

Мисс Кэти шёпотом поверяет мне подробности своей скорой гибели.

Акт II, сцена первая

Голос Кэтрин Кентон читает за кадром. Поначалу до нас доносится гул из парка, однако со временем грохот конных экипажей и сладкая карусельная музыка утихают. Между тем нам наплывом показывают мисс Кэти вместе с Уэбстером Карлтоном Уэствордом Третьим в её постели. В качестве звуковой перемычки между сценами слышится:

- «В тот роковой день Кэтрин Кентон оделась с особым старанием...» Мисс Кэти читает из «бла-бла-графии» Уэбба:
- «Наша близость отличалась OT предыдущих каким-то пронзительным чувством. Казалось бы, без определённой причины мускулы её прелестной, многоопытной вагины льнули к мясному жезлу моей любви, выжимая последние страстные соки. Некий вакуум, словно навязчивая метафора, неодолимо соединял наши влажные, изнурённые тела, наши рты, наши кожи и половые органы, так что нам приходилось прикладывать дополнительные усилия, чтобы хоть на секунду расторгнуть объятия. Даже наши руки и ноги никак не желали распутать связавший их узел, выбираться из хватких щупалец влажных простыней. Мы лежали вместе, приклеенные друг к другу растраченными флюидами, будто бы сросшись в единый живой организм. Обильные излияния словно покрыли нас второй кожей, пока мы упивались сказочно затянувшимся отливом чувственных копуляций».

Сквозь толстые звёздные светофильтры сцена в будуаре выглядит всё более размытой. Комнату вдруг окутывает мгла или очень густой туман. Любовники движутся медленно, как при замедленной съёмке. Миг — и мы видим всё ту же спальню, однако мужчина и женщина представляют собой заметно помолодевших, идеализированных двойников Уэбстера и Кэтрин. Они поднимаются и начинают «чистить пёрышки»: она расчёсывает волосы, раскатывает по ногам чулки, а он расправляет манжеты, застёгивает их на все пуговицы и отряхивает плечи от пуха из подушек, при этом оба подчёркнуто жестикулируют, словно мы видим стилизацию под Агнесс Демилль или Марту Грэхем.

А голос мисс Кэти читает дальше:

— «И только манящая перспектива отужинать в "Куб Рум", насладиться трапезой из лобстера "Термидор" и стейка "Диана" в блестящем обществе Омара аш-Шарифа, Аллы Назимовой, Поля Робсона, Лилиан Хеллман и Ноя Бири заставила нас встать и нарядиться для

предстоящего восхитительного вечера».

Под неумолкающее чтение любовники продолжают наводить лоск. При этом они так и вьются друг около друга, то и дело сливаясь в объятиях и расставаясь вновь.

— «Облачаясь в двубортный смокинг "Брукс Бразерс", — вещает голос, — я представлял себе сотни подобных вечеров, бесконечная череда которых тянулась вдаль, в наше совместное будущее, исполненное любви.

Прильнув ко мне, чтобы завязать белый галстук-бабочку, Кэтрин промолвила:

— Твой пенис куда крупнее и одарённее, чем у любого из живущих на свете мужчин.

Это мгновение никогда не изгладится из моей памяти.

Вставляя белую орхидею в мою петлицу, Кэтрин сказала:

— Если бы ты прекратил проникать в мои недра, я бы в тот же день умерла...»

Тут закадровый голос мисс Кэти прибавляет:

— Что-то не припомню таких ощущений.

И пока придуманные Кэтрин и Уэбстер предаются ласкам, читает:

— «Я застегнул на её спине молнию соблазнительного вечернего платья от "Валентино" и предложил ей руку. Мы вместе покинули спальню, спустились по лестнице элегантного особняка и вышли на шумную улицу, где я собирался остановить проезжающий экипаж».

Вымышленная парочка рука об руку словно выплывает из будуара по воздуху, пересекает прихожую и оказывается на ступеньках парадного крыльца. В отличие от замедленных движений наших голубков, улица прямо-таки рычит и грозно грохочет от множества такси и автокаров.

— «В то время как мимо нас проносились с визгом потоки транспорта, почти невидимые в своей стремительности, — сообщает закадровый голос, — я вдруг преклонил колено прямо на тротуаре».

Засахаренный Уэбб опускается на колено перед засахаренной мисс Кэти.

— «Взяв её доверчиво-спокойную руку, я спросил, согласится ли величайшая из королев театральной культуры хотя бы помыслить о том, чтобы стать супругой простого, хотя и самонадеянного смертного...»

Замедленная картинка слегка размывается. Миндальный Уэбб подносит длинные гладкие пальцы миндальной Кэтрин к вытянутым губам и осыпает их поцелуями. Вместе с ладонью.

Закадровый голос:

— «В тот самый миг нашего неописуемого счастья моя дражайшая

Кэтрин — единственный великий идеал двадцатого века — поскользнулась на скользком тротуаре...»

Уже в режиме реального времени перед нами вспыхивает хромированный бампер и ограждающая решётка радиатора. Визжат тормоза и шины. Слышится вскрик.

Закадровый голос:

— «...и рухнула прямо под смертоносные колёса мчащегося омнибуса».

Дочитывая «Слугу любви», мисс Кэти произносит:

— «Конец».

Гав, мяу, му... Финальный занавес.

Ррр, ууу, хрю... Затемнение.

Акт II, сцена вторая

Уэбб надумал убить её этим же вечером. Как раз на сегодня они забронировали места в «Куб Рум», чтобы отужинать в обществе Аллы Назимовой, Омара аш-Шарифа, Поля Робсона и... Лилиан Хеллман. Думали провести вторую половину дня вдвоём, нарядиться в последнюю минуту и приехать в ресторан на такси. Кэтрин Кентон передаёт мне рукопись, просит запрятать её обратно, в чемодан Уэбба, под рубашками, но поверх туфель, запихать поплотнее в угол.

В начале сцены камера долго снимает шахматный павильон. Издалека мы с мисс Кэти тоже кажемся парой фигур, удаляющихся пешком по тропинке, почти потерявшихся на фоне громад-небоскрёбов, и лишь голоса наши звучат ясно и громко. А вот гомон большого города, наоборот, затихает.

Нас легко различить, потому что мы держимся вместе. И всегда — точно в центре длинного-предлинного кадра. Вокруг бегают трусцой, прогуливаются, катаются на роликовых коньках одиночки, но я и мисс Кэти идём одинаковым размеренным шагом, нога в ногу, будто сиамские близнецы. Две точки, ползущие по прямой линии. Нерасторжимый тандем.

Пока наши крошечные шахматные фигурки пересекают пространство, голос мисс Кэти отчётливо произносит:

- Мы не можем обратиться в полицию...
- Почему? задаю вопрос я.
- ...тем более заикаться об этом газетчикам. Я ни за что не унижусь до такого скандала.

На самом деле, поясняет она, написать о чужой кончине — ещё не преступление, в особенности если речь идёт о кинозвезде, персоне, которая у всех на виду. Конечно, мисс Кэти могла бы добиться, чтобы Уэббу в судебном порядке запретили к ней приближаться, — наплела бы что-нибудь про насилие или угрозы с его стороны, однако тогда эта «жареная» история стала бы достоянием гласности. Стареющая королева кино, как несмышлёная девчонка, сидит на диетах, красит волосы, скачет по ночным клубам... Наивная дряхлая дура из романов Томаса Манна.

Таблоиды растерзают её, даже если Уэбб не посмеет.

Мы уже почти неразличимы вдали, а кадр всё длится. На парк опускаются сумерки. Мы двое по-прежнему бредём размеренным шагом, не ускоряя и не замедляя одной на двоих походки. Бредём и бредём, а

камера движется следом, держа нашу пару точно по центру.

Слышится мелодичный бой часов на башне в парковом зоосаде. Семь ударов подряд.

Столик заказан на восемь.

— Уэбб написал целую книгу, это так ужасно, — произносит голос Кэтрин Кентон. — Даже если я стану сопротивляться, даже если разрушу его сегодняшний замысел, этим всё не окончится.

Сквозь фоновый шум пробивается рёв проезжающего автобуса — зловещее напоминание о том, как через час или два кровь моей мисс Кэти брызнет алыми бусинами. Как её знаменитые золотисто-каштановые волосы и безупречные зубы, белые и блестящие, точно протезы у Кларка Гейбла, застрянут в ячейках ухмыляющейся решётки радиатора. Как фиалковые глаза, разрисованные косметикой, покинут свои насиженные места и уже с мостовой уставятся на повергнутых в ужас поклонников.

Сумрак сгущается, когда наши крохотные фигурки выходят на окраину парка, неподалёку от Пятой авеню. В ту же секунду на улицах ярко загораются разом все фонари.

При этом одна из нас замирает на месте, а другая делает ещё несколько шагов вперёд.

— Погоди, — произносит голос мисс Кэти. — Надо же знать, что впереди. Надо будет непременно прочесть и второй вариант, и третий, и четвёртый, иначе не выяснить, как далеко Уэбб готов зайти со своей ужасной книгой.

По её словам, я должна спрятать первую рукопись в чемодан и ежедневно, после того как мисс Кэти сорвёт очередную попытку покушения, искать новый, исправленный вариант, так чтобы мы всегда на шаг опережали убийцу. До тех пор, пока не отыщется какое-нибудь решение.

Светофор вспыхивает зелёным, и мы пересекаем Пятую авеню.

Резкая смена кадра: мы подходим к особняку мисс Кэти. Поднимаемся по парадному крыльцу к двери (тут нужна съёмка средним планом). С улицы видно, как в окне будуара волосатая рука чуть отодвигает занавеску, и ясные карие очи следят за нашим приближением. Из дома доносится грохот шагов по ступеням. Дверь распахивается, и мистер Уэстворд встречает нас на пороге, в лучах света, льющегося из прихожей. На нём двубортный смокинг «Брукс Бразерс», точь-в-точь как из последней главы «Слуги любви». В петлице — орхидея. Концы белого галстука-бабочки ещё не завязаны.

— Давай поторопимся, — говорит Уэбстер Карлтон Уэстворд

Третий, — а то не уложимся в срок. — И, взявшись за концы галстука, наклоняется к нам: — Не поможешь? Ты же от этого не умрёшь, а мне будет проще.

Вот эти нежные руки скоро станут орудиями убийства. Эта улыбочка — лишь прикрытие для коварных мыслей предателя. За телесной смертью последуют новые оскорбления: домыслы молодого человека о постельных похождениях мисс Кэти жадно расхватают такие, как Фразьер Хант из «Фотоплей», Кэтерин Альберт из журнала «Модерн Скрин», Говард Барнс из «Нью-Йорк геральд трибьюн», Джек Грант из «Скрин Бук», Шейла Грэхем и разношерстная шайка жулья из «Конфидентал» и вся последующая череда биографов. Пошлые, недостоверные, омерзительные россказни затвердеют и окаменеют навеки. Вульгарная ложь всегда победит благородную правду.

Фиалковые глаза мисс Кэти встречаются с моими.

По улице с рёвом несётся автобус. Дорога под ним содрогается. Следом тянется хвост ядовитых выхлопов. Вокруг нас вихрится воздух, тяжёлый от пыли и близкой смертельной угрозы.

Мисс Кэти поднимается на ступеньку, где её ждёт особь по кличке Уэбстер. И, встав на цыпочки, начинает завязывать белый галстук. Её прославленное лицо приближается к его лицу на расстояние вздоха. В ближайшем обозримом будущем она решила держаться как можно дальше от беспрерывного убийственного потока омнибусов.

А Уэбб, этот злобный лживый ублюдок, глядит на неё сверху вниз и целует в лоб.

Акт II, сцена третья

Резкая смена кадра: мы внутри роскошного театра на Бродвее. Арка просцениума, занавес начинает двигаться. В оркестровой яме блестят причёсанные головы и медные музыкальные инструменты. Дирижёр, «Вуди» Герман, поднимает палочку, и начинается воодушевлённая увертюра Оскара Леванта в переложении Андре Превина. Дополнительные музыкальные номера — Зигмунд Ромберг и Виктор Херберт. За пианино — Владимир Горовиц. Когда занавес поднимается, мы видим кордебалет с участием Рут Доннелли, Барбары Мерилл, Альмы Рубенс, Закари Скотта и Кента Смита, выделывающий коленца на палубе военного корабля США «Аризона» (автор дизайна — Роман де Тиртофф), пришвартованного посередине сцены. Танцы японских адмиралов Исороку Ямамото и Хара Тадаичи исполняют соответственно Кинуё Танака и Тора Тейе. Энди Клайд отплясывает шальную чечётку в мундире Кацуо Сакамаки, официально первого японского военнопленного. Анна Мэй Вонг отбивает каблуками соло в роли капитана Мицуо Фучиды, между тем как Текс Риттер изображает генерала Дугласа Макартура. Среди младшего офицерского состава японцев главные танцоры — Эмико Якумо (капитан-лейтенант Сигэкадзу Шимазаки) и Тиа Ксео (капитан Минору Гэнда).

Хореография — му, ко-ко-ко, гав... Леонид Мясин.

Постановка — чирик, иа, мяу... У. Маккуин Поуп.

С правой стороны сцены под грохот оркестра военный корабль США «Оклахома» взрывается около ватерлинии и начинает тонуть. Горящий мазут перекидывается в глубину сцены и поджигает военный корабль США «Вэст Вирджиния». Тем временем на авансцене японская торпеда пробивает корпус военного корабля США «Калифорния».

Японские палубные истребители яростно решетят ряды кордебалета пулями. Пикирующие бомбардировщики «Айчи» атакуют Пирла Уайта и Тони Кёртиса, устроив маленький взрыв из красного кленового сиропа. За огнями рампы так и крейсируют взад-вперёд перископы японских миниподлодок.

«Аризона» кренится, и мы видим Кэтрин Кентон — она пробирается к орудию, чтобы с усилием оттащить от него убитого артиллериста. На её форме цвета хаки крупно вышито: «ХЕЛЛМАН, РЯДОВОЙ ПЕРВОГО КЛАССА». Моя мисс Кэти буксирует мёртвого героя из-под огня, а затем опускает раскрытые ладони ему на грудь. Под оглушительные разрывы

шрапнели её губы беззвучно возносят к небу молитву. Ресницы покойника (Джеки Куган) начинают дрожать. Мисс Кэти нежно держит его на руках. Молодой человек моргает, медленно поднимает взгляд, видит прославленные фиалковые глаза и произносит:

— Я что, в раю? A ты... Бог?

Под визг проносящихся палубных истребителей «Аризона» погружается в залитые мазутом пылающие волны Перл-Харбора. Мисс Кэти смеётся, целует юношу в губы и отвечает:

— Почти угадал... Я Лилиан Хеллман.

С этими словами, не дожидаясь следующей ноты, она вскакивает на ноги, чтобы затолкать артиллерийский снаряд в огромное орудие и, развернув его на колёсах, навести на пикирующий бомбардировщик «Аичи». Её матросская форма искусно продырявлена и запятнана Адрианом Адольфом Гринбергом; на кровавые раны зрителю намекают блестящие лоскуты, расшитые кусочками горного хрусталя и багровым бисером, возле каждого пулевого отверстия. Исполнив первые такты своей большой песни, мисс Кэти стреляет, и вражеское воздушное судно разлетается ослепительной вспышкой папье-маше.

— Стоп! — восклицает за кадром женский голос, перекрывая скрипки, валторны, разрывы снарядов и пулемётные очереди. — Стоп, чтоб вам всем!..

По центральному проходу громко топает некая дама, размахивая над головой туго свёрнутым сценарием, напоминающим полицейскую дубинку.

Оркестранты нестройно умолкают. За ними — певцы. Танцоры замирают на месте. Боевые самолёты беспомощно повисают в воздухе на невидимых лесках.

Камера поворачивается на сто восемьдесят градусов, и с авансцены мы видим, что кричала не кто иной, как Лилиан Хеллман.

— Нельзя же грешить против исторической правды! Клянусь любовью Анны К. Нильссон, я вообще-то *правша!*

Оказывается, театр почти безлюден. В пятом ряду перешёптываются, близко наклонившись друг к другу, Кинг Видор и Виктор Флеминг. Чуть поодаль сидим я и Терренс Терри. Качаем на руках младенцев. Вокруг нас целыми пачками лежат подкидыши, попискивая и пуская слюни в плетёных ивовых корзинах. Пухлые розовые ручки потрясают разнообразными погремушками.

— Думаю, вам лучше надеяться на провал, — подаёт голос Терренс Терри, подбрасывая лепечущего сиротку на коленке, точно в седле. — Между прочим, где наш Ромео-киллер?

Я сообщаю, что после случившегося вчера парень должен возненавидеть мисс Кэти всем сердцем.

Тем временем Лилиан Хеллман орёт на сцене:

— Слушайте все! Начинаем сначала. С того места, когда истребителикамикадзе императорской армии пикируют с неба на Гонолулу, чтобы пламенным ливнем обрушить смертельный огнеопасный груз на Констанс Талмадж.

В настоящее время самец по кличке Уэбстер находится на лечении в «Докторс хоспитал». Пока мисс Кэти, избегая возвращения в особняк, принимает участие во всех репетициях, Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий поправляется от неглубоких рваных ран, появившихся на его животе и руках.

— Царапины от ногтей? — предполагает Терри.

А я поясняю, что наш дом осаждают медсёстры, монашки и соцработницы. Кастинг подкидышей всё продолжается: мисс Кэти никак не определится с выбором. В последние дни каждый новый кроха напоминает мне уже не благословение, а прелестную атомную бомбочку. Сколько их ни люби, ни тискай, в конце концов всё равно получишь Мерседес Маккэмбридж. Сколько ни окружай малютку нежностью, в будущем он запросто может разбить вам сердце, превратившись в Сидни Скольски. Или окажется, что ваши бессонные ночи, забота и ласка были потрачены на очередного Ноэла Кауарда. Или вы обремените человечество новым Аланом Рене. Стоит лишь посмотреть на Уэбба: его уже не исправят никакие излияния любви со стороны мисс Кэти.

У малыша, что лежит у меня на руках, вокруг запястья завязан похожий на чётки браслетик с надписью: «НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ МЛАДЕНЕЦ НОМЕР ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ».

Странно даже представить, как я буду пестовать младенца в то время, когда нужно нянчить мою мисс Кэти. Младенец — это же чистый лист, его всему придётся учить, как дублёра, которому однажды предстоит играть оставленную вами роль. С одной стороны, вы искренне надеетесь, что роль не будет загублена, а с другой — втихомолку мечтаете, чтобы когда-нибудь критики написали: предыдущий исполнитель всё же был куда лучше.

— Не надо на меня так смотреть, — обращается Терри к подкидышу, которого только что качал на коленях. — Тут бы самому на ногах удержаться.

Несмотря на необходимость шарахаться от любого проезжающего автобуса и ужин в «Куб Рум» в компании Лилиан Хеллман, мисс Кэти всётаки пригласила Уэбба переселиться к ней в особняк — дескать, так будет

проще обшаривать его вещи в поисках нового экземпляра незаконченной книжки. Она призналась мне: теперь, когда стало известно, что Уэбстер — маньяк-убийца и коварный безжалостный душегуб, их интимные отношения стали даже более пылкими, нежели прежде.

Это Уэбб притащил ей сценарий и заманил мисс Кэти в этот проект, сказав, что из неё выйдёт идеальная Хеллман, непрошибаемая и напористая героиня, соблазнённая Сэмми Дэвисом-младшим, которую сбрасывают с десантом на Вайкики-Бич с одной лишь бутылочкой средства против загара и приказанием остановить продвижение императорской армии. По ходу событий она влюбляется в Джои Лэнсинг. По словам Уэбба, по этой роли так и плачет премия «Тони».

Если верить Терренсу Терри, особь по кличке Уэбстер попросту хочет навести на мисс Кэти лоск. За последние пару лет её слава несколько померкла. Во-первых, из-за упорных отказов сниматься и выступать на сцене. Во-вторых, из-за неухоженных седых волос и запущенной фигуры. Подрастающее поколение уже и не слышало имени Кэтрин Кентон, не представляло себе её грандиозного вклада в культуру.

Пожалуй, в такое время убийство себя не слишком окупит. Вот когда мисс Кэти с успехом вернётся к работе — это другое дело. И вот наш Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий для начала ухитряется убедить её похудеть. Будь его воля, он затащил бы её и к хирургу на удаление морщин и провисаний кожи.

Если шоу произведёт фурор, если мисс Кэти снова взойдёт на вершину славы и завоюет легионы новых поклонников, — тогда и пробьёт час дописать последнюю главу. Газетчики едва успеют сочинить некролог вдогонку к восхищённым рецензиям на свежий бродвейский мюзикл, как пресловутая «бла-бла-графия» уже оккупирует магазинные полки.

Но только не на этой неделе, говорю я, вытирая накрахмаленным подолом фартука потное лицо младенца у себя на руках.

Затем наклоняюсь почти до пола, чтобы вытащить из-под непромокаемой пелёнки ближайшего малыша стопку бумаги. И протягиваю Терренсу перепечатанные под копирку страницы. Второй вариант «Слуги любви». Не весь, а одну заключительную главу. Описание недавней встречи мисс Кэти со смертью.

— Ну и как же наш кровожадный громила угодил на больничную койку? — не отступает Терри.

Я швыряю к его ногам переиначенный отрывок из рукописи.

На сцене Лили демонстрирует Кэтрин Кентон, как надо исполнять tour $en\ l'air^{[22]}$, одновременно перерезая горло вражескому солдату.

Терри собирает страницы. И, не снимая ребёнка с колена, произносит: — Давным-давно...

Подсаживает его поудобнее, наклоняется прямо к лицу, словно перед ним радиомикрофон или объектив камеры, словом, некое записывающее устройство, и начинает заполнять пока ещё пустой ум найдёныша, его зрение и слух своим голосом:

— «Можно усмотреть здесь некую иронию судьбы, — читает он, — однако никто из киношных критиков — ни Джек Грант, ни Полин Каейл, ни Дэвид Огден Стюарт не сумел бы растерзать мою Кэтрин в кровавые клочья так быстро и ловко, как это сделали дикие гризли…»

Акт II, сцена четвёртая

Закадровый голос Терренса Терри продолжает читать исправленную финальную главу «Слуги любви». Хотя предыдущая сцена в театре уходит в затемнение, мы продолжаем слышать шум репетиции: стук молотков, которыми плотники сколачивают декорации, чечётку, автоматные очереди, предсмертные вопли сгорающих заживо моряков и громче всего — Лилиан Хеллман. Потом звуки постепенно гаснут, а на экране медленно проявляется интерьер будуара мисс Кэти. Перед нами Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий, снятый выше пояса. На его обнажённом торсе сверкают пота. Молодой человек капельки поднимает K HOCY зажмурившись, глубоко вдыхает запах собственных пальцев, с которых сочится влага. Затем опускает обе руки за границу кадра и вновь поднимает их до уровня своих плеч, крепко сжимая стройные женские лодыжки. Широко разводит их в стороны. Подаётся бёдрами далеко вперёд, отстраняется, вперёд, отстраняется... Закадровый голос читает:

— «В последний день жизни прославленной Кэтрин Кентон я самым нежнейшим образом страстно бороздил наконечником своего любовного стержня замысловатые складки её запретного коридора...»

И вновь нам показывают совокупляющихся приторных двойников Уэбба и мисс Кэти. Изображение даётся сквозь толстые фильтры; движения персонажей — замедленные, плавные, возможно, даже размытые.

За кадром звучит голос Терри:

— «Все мои чувства дразнил пьянящий аромат её самого сокровенного отверстия. Сгорая от желания выплеснуть кипящий во мне всевозрастающий восторг вкупе с профессиональным восхищением, я ещё глубже проник между податливыми, увлажненными лепестками её пышной мясистой розы…»

В год накануне Французской революции, по рассказам Терренса Терри, антироялисты искали способы подорвать уважение масс к монаршей чете. В том числе было создано множество рисунков, изображающих Луи Шестнадцатого и Марию-Антуанетту за грязными распутными делишками. Распечатанные в Швейцарии и Германии, тайно доставленные на территорию Франции карикатуры обвиняли королеву в беспрестанных совокуплениях с уличными собаками, слугами, священнослужителями. Ещё до падения Бастилии, ещё до «национальной бритвы» и Марата эти

грубые нераскрашенные картинки посеяли первые семена бунта в сердцах Насмешка оказалась лучшей формой французов. пропаганды. Непристойные анекдоты и рисунки прошли по стране победным маршем, подрывая доброе монархов, подготавливая имя дорогу ДЛЯ приближающейся кровавой резни.

Вот почему самец по кличке Уэбстер и написал эту грязь.

Между тем голос Терренса Терри за кадром читает последнюю главу из книги «Слуга любви»:

- «Погружая стальное достоинство в священные недра роскошной филейной части Кэтрин, я волей-неволей переживал наяву её лучшие роли. Подо мною рыдала со стонами Элеонора Аквитанская. Взвизгивала и впивалась ногтями в кожу Эдна Сент-Винсент Миллей. Когда мои звериные лапы неистово обхватили миниатюрную талию, сама Зельда Сейр Фицджеральд запрокинула голову и начала подвывать с каждым вздохом…»
- В чуть размытом изображении юные миндальные голубки перекатываются в кровати, путаясь в тонких полупрозрачных простынях. Терри читает дальше:
- «Прелестные ноги, приковавшие к себе моё исступлённое желание, когда-то с лёгкостью топтали подмостки "Карнеги-холл" и "Лондон Палладиум". Восхитительная плоть, размеренно качавшаяся внизу на волнах блаженства, сладостная симфония взаимного поглощения, нежный цветок, хлюпавший под натиском моих грубых проникновений... Во всём этом она походила на Елену Троянскую. Ребекку с фермы Саннибрук. Марию Стюарт».

Чирик, ко-ко-ко, гав... Леди Макбет.

Ууу, иа, nun... Мэри Тодд Линкольн.

— «Покидая влажное великолепие окружённого складочками укрытия, — не унимается Терри, — я извергнул ещё дымящуюся лаву страсти резкими струями; перламутровые капельки обожания и глубочайшего почтения оросили невыразимо прекрасный лик моей Кэтрин...»

Тут сладкая парочка немедленно поднимается, вытирается полотенцами и берет свою одежду. Не говоря ни слова, мисс Кэти подкрашивает губы. Самец начищает туфли щёткой из конского волоса. Каждый из них перед отдельным зеркалом проверят, как выглядят его зубы, любуется на себя в профиль, оскаливается и ногтем снимает с щеки случайно прилипший волосок. Всё происходит как бы в замедленном действии.

Закадровый голос Терри:

— «Возможно, некий глубинный инстинкт неодолимо увлекал мою Кэтрин навстречу року. Сейчас я припоминаю, что ей было хорошо и легко среди самых разумных существ, и именно эта склонность заставила нас искать общества прожорливых узников-обитателей зоосада в Центральном парке...»

Покинув особняк, любовники прогулочным шагом направляются к Пятой авеню. С безоблачных голубых небес на них льётся солнечный свет. Птицы стройным хором выводят весёлые трели. В наружных ящичках под каждым окном цветёт ослепительно красивая красная и розовая герань. При виде карамельной мисс Кэти с безупречно гладким личиком швейцары в ливреях приподнимают шляпы, сверкая золотыми косичками, а та словно плывёт над тротуаром, почти не перебирая ногами.

Закадровый голос:

— «Вероятно, для Кэтрин вся жизнь представляла собой нечто вроде тюрьмы, откуда её так и тянуло сбежать. Должно быть, кинозвезде всегда любопытно взглянуть на диких животных, выставленных напоказ в любом зоосаде мира...»

Камера следует за любовниками, бредущими по извилистым тропам парка. Вот позади остаётся пруд с морскими львами. Возле колонии императорских пингвинов слащавый Уэбстер идёт вразвалку, пятками внутрь, передразнивая неуклюжих птиц. Слащавая мисс Кэти смеётся, сияя зубами и выгнув лебединую шею. Потом вдруг порывисто бросается вперёд, вон из кадра.

— «Среди последних ласковых слов, которые расточала мне Кэтрин, было её заверение о том, что я обладаю самым искусным и опытным мужским орудием, которое только было известно в истории человечества...»

Закадровый голос несколько запинается и продолжает:

— «Это какие же презренные грубияны должны были прежде меня выжечь своё позорное клеймо на её театральной кассе...»

Мисс Кэти замедленно мчится по дороге, разметав по ветру золотисто-каштановые волосы, а мы слышим, как Терренс Терри читает:

— «Задыхаясь от невысказанной нежности, я бросился догонять свою прославленную возлюбленную. Тогда мои руки сами собой раскинулись, дабы изловить и обнять в лице Кэтрин всех женщин, какими она была: Синдереллу, Гарриет Табмен, Мэри Кассат…»

В замедленной съёмке слегка размытый Уэбб несётся к ней с распростёртыми для объятий руками. В самый последний момент мисс

Кэти опрокидывается назад, выпадая из кадра.

Дальше, уже в реальном времени, мы видим, как сверкают острые зубы. Слышен утробный рык и хруст ломаемых костей. Раздаётся ужасный визг.

— «В то мгновение, — продолжает закадровый голос, — моё всё, мой смысл жизни, кумир миллионов, Кэтрин Кентон утратила равновесие и рухнула за ограду к медведям гризли…»

Дочитывая главу из книги «Слуга любви», Терренс Терри произносит: — «Конец».

Акт II, сцена пятая

Хотя по профессии я не частный сыщик и не телохранитель, в настоящее время в мои прямые обязанности включён ежедневный обыск одного из чемоданов Уэбба в поисках новейшего варианта «Слуги любви». Потом я должна вновь спрятать рукопись в тайник, среди постиранных трусов и рубашек, чтобы самец по кличке Уэбстер ни в коем случае не заподозрил, что мы в курсе его непрерывно меняющихся и развивающихся козней.

Фантастическая сцена убийства уходит в затемнение, и действие переносится в настоящее время. Перед нами танцзал гостиницы, переполненный всё теми же элегантно одетыми гостями, которых мы уже видели во время церемонии награждения и торжественной речи сенатора. Разве что повод переменился: сегодня моя мисс Кэти удостаивается почётной степени от профессоров Вассер-колледжа. На возвышении у микрофона стоит безупречно красивый мужчина в смокинге. Поначалу камера, как в девятой сцене первого акта, проносится над столиками, где расселись гости праздника; мало-помалу движение замедляется.

Этот повтор эффекта вызывает у зрителя ощущение штампа и таким образом намекает на скуку, которой находится место даже во внешне блистательной жизни мисс Кэти. Оказывается, и неумолчные похвалы могут со временем опостылеть. И опять на стене-экране в глубине сцены сменяют друг друга чёрно-белые отрывки из фильмов, где моя мисс Кэти играет миссис Цезарь Август, миссис Наполеон Бонапарт, миссис Александр Македонский. Величайшие роли в её блестящей карьере. Даже монтаж до подробностей совпадает с тем, что мы видели. И те же кадры, взятые крупным планом, превращают прославленные черты лица уже не в черты лица, принадлежащего живому человеку, а в отвлечённый знак, логотип, торговую марку. Символическую, мифическую, как полная луна в небесах.

Ведущий говорит в микрофон:

— Покинув школу после шестого класса, Кэтрин Кентон сумела стать магистром по жизни... — Тут он поворачивает голову, смотрит куда-то вправо. — Да, она профессор на полную ставку, потому что учила весь мир любви, целеустремлённости, вере...

Проследив за его взглядом, камера показывает меня и мисс Кэти. Мы стоим в тени за кулисами, по правую руку от сцены. Мисс Кэти застыла,

как статуя, в мерцающем платье с бисером. Я покрываю пудрой её лицо, зону декольте и подбородок. Вокруг моих ног на полу лежат сумки, пакеты, термосы — в них всё, что нужно для подготовки к приближающейся минуте. Шиньоны, косметика, прописанные врачами лекарства.

В своё время журнал «Фотоплей» опубликовал на шести страницах снимки особняка мисс Кэти. Так вот, это моими руками по-больничному строго уложены покрывала на каждой кровати. Правда, на одном из фото хозяйка в переднике стоит на коленях и драит кухонный пол, но она прикоснулась к нему не раньше, чем я отмыла и до блеска натёрла воском каждую плитку. Моим талантом созданы её скулы, глаза. Я выщипываю и дорисовываю карандашом знаменитые брови. То, что вы видите — плод сотрудничества. Только вдвоём, только вместе, я и мисс Кэти являем собой исключительную, незаурядную личность. Её внешние данные плюс мой разум.

— Истинный учитель, — бубнит ведущий, — Кэтрин Кентон преподала бесчисленным ученикам уроки терпения и трудолюбия...

Во время этой занудной речи наплывом начинается очередной флешбэк. Недавний солнечный день в парке. Как и в последней полуразмытой фантазии убийцы, мисс Кэти с Уэбстером Карлтоном Уэствордом Третьим шагают рука в руке по направлению к зоосаду. Снятые средним планом, они приближаются к перилам, ограждающим яму, которой расхаживают гризли. на дне Мисс Кэти впивается металлическую ограду побелевшими от напряжения пальцами. угрожающей близости от медведей её лицо застывает, как маска, и только на шее предательски бьётся-подёргивается от ужаса жилка. Где-то поют детишки. Рычат львы и тигры. Хохочут гиены. Тропическая птица, а может быть, обезьяна-ревун то и дело напоминает о себе, издавая визгливую тарабарщину. Весь наш мир вечно борется против молчания и темноты, присущих смерти.

Чирик, ооо, иа... Джордж Гобел.

Мууу, мяу, хрюк... Гарольд Ллойд.

В отличие от прошлых полуразмытых флешбэков, сейчас изображение подаётся с «зерном», а звук — с лёгким эхом, в стиле cinema verite^[23]. Единственный источник света — послеполуденное солнце — полыхает прямо в объектив, окатывая сцену короткими резкими вспышками. Внизу, среди острых камней, бродят и громко рычат гризли. Где-то за кадром визжит павлин; у него голос истерички, которую режут ножами до смерти.

Сквозь крики животных по-прежнему пробивается еле слышная речь ведущего:

— Эту почётную степень доктора гуманитарных наук мы присваиваем ей не за усвоенные за книгами знания, а в благодарность (и поверьте, самую искреннюю благодарность) за то, чему Кэтрин Кентон успела нас научить...

Саундтрек зоосада набирает громкость, и мы начинаем смутно различать звуки сердцебиения. Размеренное тук-тук, тук-тук совпадает по ритму с набуханием жилки на шее мисс Кэти, чуть пониже подбородка. Вопли зверей вперемешку с человеческой болтовней становятся тише и тише, а сердце стучит всё громче. И громче. И торопливее. О внутреннем ужасе, овладевшем мисс Кэти, можно судить по раздувшимся сухожилиям на её шее. И на тыльных сторонах ладоней, вцепившихся в ограду медвежьей ямы.

Особь по кличке Уэбстер становится рядом. Затем поднимает руку, чтобы обнять свою спутницу. Звуки сердцебиения ускоряются. Где-то визжит павлин. Почувствовав прикосновение к своему плечу, мисс Кэти немедленно отпускает перила. Хватает обеими руками ладонь, промелькнувшую возле лица, резко дёргает вниз и, словно на уроке дзюдо, броском отправляет Уэбстера через спину. Через перила. В яму.

Возвращаясь наплывом в настоящее время, в закулисье, мы успеваем услышать рёв медведя и слабый мужской вскрик. Мисс Кэти окружена тусклым ореолом света, отражённого ведущим. На её гладкой шее не бьётся ни единой жилки. Лишь на лице шевелится помада:

— Ну что, нашла ты новую рукопись?

Между тем на экране её показывают в роли миссис Леонардо да Винчи, миссис Стивен Фостер, миссис Роберт Фултон.

Каждое интервью, да что там — любая рекламная кампания очень похожа на свидание вслепую, когда вы строите незнакомцу глазки, а сами только и думаете, как бы не дать себя поиметь.

Вот уж правда: успех человека определяется тем, как часто он может повторить слово «да», слыша слово «нет». Теми бесчисленными случаями, когда он продолжает упорно шагать вперёд, невзирая на все преграды.

Как я говорила, декорации и массовка в точности воспроизводят уже пережитую нами сцену, таким образом намекая, что все церемонии награждения — это привлекательные ловушки, наживкой в которых служит посеребрённый кусок осязаемой похвалы. Смертельные капканы, внутри которых — аплодисменты.

Я наклоняюсь и откручиваю крышку очередного термоса. Не того, где налит чёрный кофе; не того, который наполнен холодной водкой, и не того, что гремит таблетками валиума подобно маракасам в руках Кармен

Миранды. Нет, из этого термоса я извлекаю тонкую стопку плотно скрученных в трубку листов бумаги. На каждом из них стоит заголовок: «Слуга любви». Третья версия. Протягиваю страницы мисс Кэти.

Она щурится на печатные буквы, трясёт головой:

— Без очков ни черта не понятно. — И протягивает бумагу обратно: — Прочти сама. Хочу знать, какая смерть меня ждёт...

Зал неожиданно взрывается громом рукоплесканий.

Акт II, сцена шестая

— «В день, когда ей предстояло изжариться насмерть в ужасных мучениях, — читает мой голос за кадром, — обворожительная Кэтрин Кентон решила принять роскошную ароматную ванну».

Как и в случае с прошлыми вариантами последней главы книги «Слуга любви», мы видим сквозь лёгкую дымку помолодевших приторных Уэбба и мисс Кэти, резвящихся на постели в её будуаре. Спустя некоторое время парочка прекращает свои занятия и медленно, точно в трансе, передвигая длинные ноги, шествует в примыкающую к спальне комнату.

— «Как обычно, — читает мой голос, — после напряжённой оральной близости с моим романтическим жезлом Кэтрин прополоскала нежное нёбо горстью одеколона и приложила кусочки блестящего льда к своей стройной затекшей шее.

Я открыл краны, добавил особого масла, и в глубокой ванне из розоватого мрамора выросли благоуханные пенные горы. В ожидании восхитительного ритуала омовения моя дражайшая Кэтрин произнесла: "Уэбстер, любимый, те пинты любовной эссенции, которые ты извергаешь на пике оральной страсти, опьяняют чувства сильнее, нежели самый насыщенный шоколад из Европы... — Здесь моя милая скромно срыгнула в кулак и проговорила: — Хотела бы я, чтобы всем женщинам довелось насладиться вкусом твоих выделений"».

Полуразмытая придуманная мисс Кэти прикрывает фиалковые глаза и облизывает губы.

Поцеловавшись, вымышленные любовники размыкают объятия.

— «С нескончаемой осторожностью опуская шелковистые чувственные ноги, — читает за кадром мой голос, — Кэтрин погрузила в горячие радужно-белые облака забрызганные мной бёдра и несравненный лобок. Обжигающая вода сперва заплескалась под атласными ягодицами, потом захлестнула шелковистую грудь. Пар поднимался вихрящимися клубами, наполняя благоуханием просоленный воздух ванной.

На дворе стоял тот год, когда по радио через раз крутили песню "Атчисон, Топика и Санта-Фе" в исполнении Митци Гейнора, и большой радиоприёмник "Ар-си-эй", настроенный таким образом, чтобы проигрывать романтические баллады, удобно пристроился на краю розоватой мраморной ванны. Его жёсткий электрический шнур был протянут к удобно расположенной стенной розетке».

Короткий кадр-вставка: пресловутый радиоприёмник примостился у самого краешка ванной; на запотевших стенках деревянного корпуса оседают первые капли.

— «Кроме того, — продолжает мой голос, — вдоль борта выстроились в ряд электрические светильники с лампочками, окрашенными в розовый цвет, и бисерными абажурами, создававшими обольстительную игру теней и бликов».

Камера медленно пробирается через лес пресловутых светильников на коротких и длинных ножках, беспечно расставленных по широкому краю огромной ванны. По направлению к россыпи круглых розеток длинным змеиным клубком протянулись чёрные толстые провода, казалось бы, в любую минуту готовые заискриться от переполняющей их энергии.

— «Опустившись по шею в пахучие мыльные пузырьки, — вещает закадровый голос, — Кэтрин издала стон удовольствия. И в это мгновение нашего неописуемого счастья, под нежные звуки шопеновского "Большого бриллиантового вальса", приёмник вдруг соскользнул с насиженного места. По странному совпадению следом за ним в манящую глубину опрокинулись разом и все светильники, сварив мою милую заживо, словно терзаемое, перепуганное, визжащее яйцо в мешочек...»

На экране бурлят и пенятся пузырьки, закрывая от зрительских глаз подробности этой смертельной сцены.

— «Конец», — читает мой голос.

Акт II, сцена седьмая

Резкая смена кадра: мы в зале великолепного театра на Бродвее, где только что осколками после взрыва японской бомбы накрыло Юла Бриннера в роли Дуайта Д. Эйзенхауэра. Военный корабль США «Аризона» кренится на правый борт, угрожая придавить собой Веру-Эллен, которая исполняет партию Элеоноры Рузвельт. Военный корабль США «Вест Вирджиния» опрокидывается на Невилла Чемберлена и Лигу Наций.

Пока японские палубные истребители атакуют Айвора Новелло, моя мисс Кэти под перекрёстным огнём зенитных орудий Лайонела Этвилла взбирается на фок-мачту линкора, зажав зубами ручную гранату. Мотнув головой, мисс Кэти выдирает чеку и размахивается... немного сильнее, чем нужно. Чугунный ананас пролетает над головой Хирохито и вместо него попадает в Романи Романи, скрипача в оркестровой яме.

Со стороны зрительного зала, с пятого ряда, доносится крик.

— Стойте, чтоб вам всем!.. — Лилиан Хеллман встаёт и принимается рубить воздух свёрнутой в трубку партитурой. — Да стойте же! — вопит она. — Вы пособники врага!

Вся императорская армия со скрежетом останавливается. Мёртвые моряки, чьими телами усеяна палуба военного корабля США «Теннесси», поднимаются и крутят головами, чтобы размять затекшие шеи. Джо Тауссиг возвращает судно «Невада» в порт, а тем временем Лилиан Хеллман взбирается на подмостки и брызжет слюной, блестящей при свете рампы.

— *Фуэте ан турнан*, когда будешь бросать гранату, корова глупая! — Чтобы продемонстрировать, она поднимается на носок и крутится, брыкаясь поднятой ногой. И крутится, и брыкается, и визжит: — *Полный* оборот, а не половинка...

Камера разворачивается на сто восемьдесят градусов: в глубине зала сидим я и Терренс Терри. Вокруг нас — груды сумок-чехлов с одеждой, шляпных коробок и нежеланных младенцев. Все остальные места пустуют. По мнению Терри, мисс Кэти нарочно портит игру. В прошлый раз ручная граната попала в Барбару Бел Геддес. А до этого стукнула по голове Хьюма Кронина. Если Уэбстер намерен убить мисс Кэти на взлёте сценического успеха, поясняет Терри, вряд ли это вдохновляет ее на подвиги в борьбе со злобным императором Сёвой. Восхищённые отзывы критиков о премьере лишь подольют масла в огонь.

Между тем на сцене Лилиан Хеллман безошибочно исполняет па-дебуре и одновременно всаживает Бадди Эбсену пулю между глаз. После чего отдаёт пистолет мисс Кэти.

— На, теперь ты попробуй...

Промах. Убит Джек Илэм. Новый выстрел. Пуля отскакивает от борта военного корабля США «Нью-Джерси» и рикошетом ранит Сид Чарисс.

Я, склонив голову, что-то пишу в разложенной на коленях тетради. Под ней припрятана последняя версия книги «Слуга любви», вернее, четвёртый набросок заключительной главы, который родился после дорожной аварии, ямы с медведями гризли и короткого замыкания в ароматной ванне.

На сцене Лилиан Хеллман исполняет несколько $jet\acute{e}s^{\hbox{\scriptsize [24]}}$ подряд, одновременно целясь из огнемёта.

Мы с Терри сидим по разные стороны прохода. На тетрадку, разложенную у меня на коленях, падает тусклый свет. Царапая бумагу пером, выводя на ней целые предложения, я вслух рассуждаю о том, что всякое воспоминание — не более чем результат личного выбора. Причём совершенно осознанного. Думая об ушедшем — друге, родителе или супруге — лучше, чем те, возможно, были на самом деле, человек создаёт себе идеал, к которому можно стремиться. А выставляя кого-нибудь пьяницей, драчуном, лжецом, — всего лишь оправдывает собственные неблаговидные поступки.

Продолжая писать, я замечаю: то же самое можно сказать о читателях подобной литературы. Хорошие люди будут искать себе достойный пример для подражания, вроде образа Кэтрин Кентон, на сотворение которого я потратила всю свою жизнь. А прочие купятся на историю о беспутной шлюхе, изображённой в книжонке Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего, лишь бы успокоиться и продолжать свои беспутные, никчёмные жизни.

Так уж устроены люди: каждый либо ищет повод, чтобы стать лучше, либо оправдание, чтобы сделаться ещё хуже.

Думаете, я завзятая снобка? Послушали бы вы Мэри Пикфорд!

На сцене Лили дважды хлопает в ладоши:

— Ладно, начнём с того места, когда капитана Мервина Бенниона накрыло осколками.

В нагрянувшей тишине все собравшиеся, включая Рикардо Кортеза и Хоуп Лаэнг, страстно молятся о том, чтобы пережить мисс Хеллман; никто не желает посмертно стать частью её омерзительной автомифологии. Её разглагольствований, пронизанных синдромом Туретта и положенных в основу либретто Отто А. Харбаха. В присутствии Лилиан Хеллман не может быть атеистов.

- Кэтрин! вопит она.
- Хэйзи! вопит мисс Кэти.

Шшш, иа, гав... Господи Иисусе.

Каждому нужно какое-то имя, чтобы в случае чего свалить всю вину.

На самом деле причина плохой игры мисс Кэти заключена в другом. В любую секунду её жизнь может оборвать шрапнель. Или автоматная очередь. Кэтрин Кентон боится, что пропустила появление нового варианта «Слуги любви» и теперь обязательно будет убита. Поблизости взорвётся военный корабль. Из-под потолка внезапно рухнет прожектор. Какойнибудь гнущийся бутафорский кинжал в руке ничего не подозревающего японского рядового или Алана Двана окажется настоящим клинком. Пока мы находимся в зале, Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий может закладывать бомбу или накачивать ядовитый газ в гримёрку мисс Кэти. Разумеется, при таких обстоятельствах ей не просто сосредоточиться на исполнении па-де-де.

Терри спрашивает:

— Почему ты до сих пор рядом с ней? И с какой стати была рядом с ней столько лет?

Потому, отвечаю я, что жизнь Кэтрин Кентон — пока ещё незавершённое произведение. Миссис лорд Байрон, миссис папа римский Иннокентий Шестой, миссис кайзер фон Гинденбург — возможно, это её самые удачные роли, но сама она — мой шедевр. Не переставая писать, не прекращая царапать пером тетрадку, я повторяю: мисс Кэти — моё неоконченное творение, а художник не бросит холст из-за того, что полотно вдруг связалось с неподходящим парнем. Моя профессия — не нянька, не ангел-хранитель, но мне приходится исполнять обязанности и той, и другого. Уолтер Уинчелл назвал бы меня круглосуточной «сиделкой для знаменитости». Эльза Максвелл — «хранительницей звезды».

Достаю самый свежий экземпляр чувственных разоблачительных мемуаров Уэбстера и протягиваю его через проход.

— А как, — осведомляется Терри, не двинувшись с места, — ей удалось избежать короткого замыкания?

Мисс Кэти не мылась несколько дней, поясняю я.

Теперь она «издаёт аромат любви», как выразилась бы Луэлла Парсонс.

Терри тянется через проход, чтобы взять из моей руки пачку бумаги, смотрит на верхний лист и начинает читать:

— «Никто не мог и предположить, что по окончании этого дня моя дражайшая Кэтрин переломает все, все до единой, косточки своего

соблазнительного тела и оросит половину манхэттенского Мидтауна прославленной голливудской кровью...»

Акт II, сцена восьмая

В качестве звуковой перемычки голос Терренса Терри продолжает читать: «...моя дражайшая Кэтрин переломает все, все до единой, косточки своего соблазнительного тела и оросит половину манхэттенского Мидтауна прославленной голливудской кровью...». Наплывом — очередная фантазия. Постройневшие приторные Уэбстер и мисс Кэти предаются утехам на открытой террасе на восемьдесят шестом этаже небоскрёба Эмпайр-стейтбилдинг.

Закадровый голос Терри:

— «Дабы отпраздновать полугодовой юбилей нашей первой встречи, я снял уединённое гнёздышко под самыми небесами над легендарным островом Манна-хата. Здесь я велел накрыть на двоих романтический ужин, доставленный за три тысячи миль от Перино».

Мизансцена включает столик, застеленный белой скатертью. Хрустальные рюмки, фарфор, серебряные приборы. Джулиан Элтиндж бренчит по клавишам гигантского пианино, поднятого на небоскрёб с помощью лебёдки. Джуди Холлидей исполняет программу из песен Марка Блицштейна и Марка Коннелли в сопровождении Мирны Лой и «Роял балет симфониа». Повсюду блещут огнями небоскрёбы Нью-Йорка.

Терренс Терри читает дальше:

— «Нас обслуживали лучшие из лучших официантов и эстрадных артистов, у каждого из которых были плотно завязаны глаза, как в шедевре Эриха фон Штрогейма "Свадебный марш", чтобы Кэтрин и я могли без стеснения набрасываться друг на друга».

Заметно, что это у них уже в энный раз: грациозные полуразмытые Уэбстер и мисс Кэти совокупляются с безразличным видом, не глядя друг на друга. Закатив глаза, свесив кончики языков наружу, по-звериному часто дыша, мужчина и женщина меняют позиции без разговоров. Влажное чмоканье их гениталий угрожает заглушить «живую» музыку.

— «Мы занимались любовью под миллиардами звёзд, а под нами сияли десять миллионов электрических огней. Здесь, между землёй и небом, временно ослеплённые официанты опрокидывали бутылки "Моэ и Шандон" прямо в наши жадно раскрытые рты, проливая искристые капли на упоительные груди Кэтрин, между тем как я продолжал услаждать её ненасытное лоно, а ничего не ведавшие слуги поочерёдно клали сырых охлаждённых устриц прямо в скользкий лоток её королевского горла...»

Бесстыжая парочка без устали предаётся сношениям. Джимми Дюранте в наглазной повязке выходит к микрофону и поёт «Сентиментальное путешествие».

— «Вослед моим страстным излияниям, — не умолкает голос Терренса Терри, — в минуту petit mort [25], когда Кэтрин изгибалась и впивалась в меня ногтями, вниз по её скульптурным бёдрам заструились тёплые ручейки женственных соков, и вот после напряжённейшего крещендо страсти некая невидимая рука включила прожекторы, омывающие светом вершину торговой башни. Обжигающее сияние, рухнувшее на нас, в этот вечер было не привычного белого цвета; скорее оно точь-в-точь напоминало оттенок шальных фиалковых глаз моей Кэтрин…»

Любовники отлепляются друг от друга и рассеянно вытирают хлюпающие гениталии столовыми салфетками, которые тут же мнут и бросают. Затем, усыпав ими всю крышу, используют свисающие края белой скатерти.

- «Но вот, читает Терри, мы расторгли телесную связь и пару мгновений спустя, безупречно одетые, вкушали элегантно поданную на лиможском фарфоре благоухающую трапезу, состоявшую из жареных голубков с отварной морковью и чесноком, фаршированного печёного картофеля, небольшого салатика с острой приправой "ранчо", и плова на выбор.
- Уэбстер, сказала Кэтрин, ты невероятный и грозный зверь; только эта величественная башня на всём белом свете и может сравниться с твоим изумительным фаллосом. А затем прибавила с похотливой ухмылкой: Я с радостью преодолею сто миллионов ступенек, лишь бы оказаться наверху...».

По контрасту со сдержанным закадровым голосом, вымышленная засахаренная парочка алчно поглощает еду и лакает вино, стуча приборами по тарелкам, при этом так громко сглатывая, что музыки почти не слышно. Уэбстер и Кэтрин Кентон обгладывают крошечные скелеты голубей, хватая их жирными пальцами, а косточки сплёвывают на улицы далеко внизу. Вокруг, спотыкаясь, бродят официанты в наглазных повязках.

Терренс Терри невозмутимо продолжает читать:

— «Мы с Кэтрин встали из-за стола и приблизились к парапету, готовясь поднять бокалы шампанского за самый блистательный город в мире. Вдалеке под нашими ногами суетились толпы смертных, не представляя себе, какая благодать простирается в высоте над их головами. Где-то там обитали Элиа Казан, Артур Тричер и Энн Бакстер, каждый в

своём ограниченном мирке. Внизу перемещались Уильям Кениг, Руди Вэлли, Грейси Аллен, без сомнения, воображая себя чуть ли не королями жизни. Будь Мери Майлз Минтер, Лесли Говард и Билли Битцер настолько мудры и осведомлены, они оказались бы в эту минуту на нашем месте...»

Приторные мужчина и женщина отпихивают от себя стулья и, взяв напитки, нетвёрдо шагают к самому краю здания.

— «Оглядываясь на прошлое, — читает закадровый голос, — я думаю: вероятно, мы были ослеплены своим сверхчеловеческим счастьем. "О, Кэтрин, — как сейчас помню, вырвалось у меня, — я так люблю, люблю, люблю тебя!"

Мне хотелось выразить своё чувство не только при помощи своей твёрдой чувственной трубки, но и при помощи рта. Если позволите — в каждый мой вздох, в каждое произносимое слово вплеталось послевкусие сладкого лона...».

Расплывчатая подделка под мисс Кэти опрокидывает в рот последние капли шампанского и протягивает пустой бокал фальшивому Уэбстеру. Тот косится на дорогие наручные часы и прикрывает ладонью протяжный зевок. Между тем музыканты в наглазных повязках всё продолжают пиликать по струнам.

— «В этот ослепительно фиалковый миг нашего взаимного обожания Кэтрин оступилась элегантно обутой ножкой на салфетке, хранящей следы нашей страсти. И сиятельная звезда человечества полетела вниз с высоты, подобно сверкающей и визжащей комете Галлея, и рухнула на кишащий прохожими тротуар Западной Тридцать четвёртой улицы».

Вымышленная мисс Кэти досадливо пожимает безупречно красивыми плечами, скидывает свои туфли на шпильках, забирается на перила и ныряет ласточкой в бездну. Проследив глазами её полёт, приторный Уэбстер наклоняется подобрать забытые туфли, чтобы с размаху бросить их с небоскрёба.

— «Конец», — объявляет закадровый голос.

Акт II, сцена девятая

Прошу прощения: тут мне ещё раз придётся сломать четвёртую стену. Понимаете, в то время пока Кэтрин Кентон сражается за свою жизнь, на моих глазах происходит как бы обратное превращение. Близость мучительной смерти держит тело актрисы в отличном тонусе. Боязнь отравиться обуздала — если не умертвила — её аппетит, а необходимость постоянно быть начеку притупила влечение к таблеткам и алкоголю. Под беспрестанным давлением обстоятельств осанка стала прямой и решительной. С расправленными плечами и впалым животом Кэтрин Кентон держится, точно храбрый солдат, идущий на поле брани. Неотвязно витающее в воздухе присутствие смерти пробудило в ней страстную жажду жить. На щеках расцветают розы, а фиалковые глаза возбуждённо сверкают, выискивая источник предполагаемой опасности.

Ни один хирург, никакая косметика не смогли бы с такой полнотой вернуть ей цветущую юность, как это сделала угроза гибели.

Что же до Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего, ещё недавно холёного и безупречного красавца — он притих, осунулся, приобрёл немало шрамов. Миловидное лицо покрыто сетью морщинок... царапин... швов. Самец ежедневно теряет клочья некогда крепких, густых волос. Получая отпор на каждом шагу, он сделался похож на трусливую собаку, привыкшую к вечным побоям.

И всё же, трудно сказать почему, Уэбб продолжает встречаться с моей мисс Кэти. Скучать ей теперь не приходится: всегда есть возможность, что мы пропустили очередной план покушения. Однажды ради перестраховки она столкнула молодого Уэбстера с лестницы у фонтана Бетесда; юноша до сих пор прихрамывает — не успел свыкнуться со стальным штифтом, вживлённым в раздробленную лодыжку. В другой раз, в роскошном ньюйоркском ресторане «Русская чайная», неверно расценив торопливый жест своего спутника, в целях самозащиты мисс Кэти проткнула его волосатую руку столовым ножом. И вдобавок спихнула его с платформы в метро. Американское во всех отношениях лицо Уэбстера побледнело и распухло из-за ожогов, оставленных порцией горячего десерта «Банана Фостер». потускнели, покраснели Ясные карие очи да ещё И после профилактического знакомства с газовым баллончиком.

Вот вам и обратное превращение: мисс Кэти свежа и полна сил, а самец по кличке Уэбстер износился и одряхлел. Постороннему человеку

при встрече с ними на улице пришлось бы ещё погадать, кто из этих двоих моложе. На лице знаменитой актрисы застыло надменное выражение; трудно определить, что её больше отталкивает — коварные замыслы молодого убийцы или же угасание внешних признаков его мужественности.

С каждым шрамом, ожогом, царапиной Уэбстер всё сильнее напоминает чудовище, от которого я предостерегала мисс Кэти.

А теперь мы внезапно перенесёмся обратно, в день последней костюмированной репетиции нового бродвейского представления, в тот момент, когда музыка достигает апогея; поёт вся труппа. Мисс Кэти при поддержке Джека Уэбба и Акима Тамирова водружает американский флаг над островом Иводзима. Кордебалет Фло Зигфелда, состоящий сплошь из красоток Мака Сеннета, изображающих солдат японской императорской армии в костюмах с глубокими декольте и прорезями от «Эдит Хэд», сцепившись локтями, вскидывает ноги к потолку; фашистские задницы так и сверкают. Сцена показана средним планом. Экран переполнен движением, светом и музыкой. Камера отъезжает, показывая — уже во второй раз — почти безлюдный зал.

Луиза Райнер слегка фальшивит, исполняя «Уничтожение Нанкина», запорол несколько Фейдт танцевальных па «Коррехидорского марша смерти», но в целом первый акт, похоже, отыгран неплохо. Посередине пятого ряда, над креслом Лилиан Хеллман растёт непрерывный столб, вернее даже облако-гриб сигаретного дыма. По бокам от неё сидят Майкл Кёртис и Синклер Льюис. На Западной Сорок седьмой вывешена большая афиша: лица Кэтрин Кентон и Джорджа Зукко под надписью «Безоговорочная капитуляция». Музыка Джерома Дэвида Керна, слова «Вуди» Гатри. У служебного входа в театр разгружают машину с глянцевыми программками. За кулисами Элай Хершел Уоллак в роли Говарда Хьюза занимается бизнесом, не выходя из кабины «Елового гуся» — разумеется, это всего лишь модель самолёта, исполненная в натуральную величину из бальзового дерева.

После первого акта занавес падает, и девушки опрометью бросаются переодеваться в расшитые бисером наряды акул, поскольку в начале второго акта военному кораблю США «Индианополис» предстоит погрузиться на дно. Рэй Болджер готовится умереть от застойной сердечной недостаточности: сегодня он Франклин Делано Рузвельт. Джонни Мак Браун повторяет слова, которые должен произнести при вступлении в должность в качестве Гарри Трумэна, когда рядом с ним в эпизодической роли-камео появится Маргарет Трумэн (Энн Сотерн).

Посреди моря пустых кресел, по центру двадцатого ряда, расположились мы с Терренсом Терри. Нас окружают пакеты, сумки из «Блумингдейл», разные термосы. По правую руку от сцены, в двенадцатом ряду, одиноко сидит Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий и не сводит сияющих карих очей с фигуры мисс Кэти. Широкие плечи подались вперёд, локти упёрты в колени, чисто американское лицо поворачивается вслед за её сиянием.

Между тем уже с пятнадцатого ряда заметно, что крашеные волосы Кэтрин Кентон напоминают жёстко торчащую проволоку. Движения — пугливые, напряжённые, тело как будто ссохлось от переживаний; «напомаженная фигурка из палочек», — фыркнула бы Луэлла Парсонс. Даже под угрозой смерти мисс Кэти отказывается вмешивать в это дело полицию, ведь иначе У. Эйч. Моринг из «Фильм Уикли» или Хэйл Хортон из «Фотоплей» ославят её как увядающую сумасбродку, одураченную коварным жиголо. Вот и приходится выбирать из двух зол: не то быть убитой Уэббом и униженной им же в письменной форме, не то остаться в живых и снести позор от руки Донована Педелти или Мириам Гибсон из журнала «Скрин Бук».

Пока рабочие сцены заменяют гипсовые скалы острова Иводзима на брезентовый корпус обречённого «Индианополиса», я потихоньку строчу в тетради. Шариковая ручка выводит строчку за строчкой, а в моей голове выстраиваются замыслы, посвящённые спасению мисс Кэти.

Покосившись на романтически-мужественный американский профиль самца по кличке Уэбб, Терри осведомляется, не попался ли нам на глаза новый план убийства.

Ещё не дослушав его вопрос, продолжая писать, я швыряю ему на колени очередную версию книги «Слуга любви». Объясняю, что нашла её в чемодане Уэбстера нынче утром.

Терри интересуется, позаботилась ли я об охране в день премьеры. Если нет, он мог бы забрать меня из особняка по дороге в театр. А потом, пробегая глазами отпечатанные строчки, спрашивает, ознакомилась ли мисс Кэти со свежим рассказом о собственной кончине.

Да, отвечаю я, перевернув страницу тетради и продолжая писать; вот почему её голос звучит как *вибрато*.

Терри с прищуром заглядывает ко мне в тетрадь поверх отпечатанного листа и любопытствует, чем это я занята.

Пожимаю плечами. Нужно ещё заполнить налоговую декларацию. Ответить на письма поклонников мисс Кэти. Проверить её контракты и инвестиционные планы. В общем, ничего такого. Ничего особенного.

Тогда Терри начинает вслух читать новый финал биографии:

— «Кэтрин Кентон и не догадывалась от том, что японские якудза давно и по праву заслужили в мире недобрую славу не знающих жалости, кровожадных убийц...»

Акт II, сцена десятая

— «Якудза, — читает закадровый голос Терренса Терри, — способен убить человека за каких-нибудь три секунды...».

Наплывом: полуразмытая сценка на улице. Вымышленные мисс Кэти и Уэбстер неспешно прогуливаются вдоль витрин по безлюдным городским тротуарам. Их силуэты окаймлены позолоченной дымкой — на небе то ли встаёт, то ли, наоборот, садится солнце, трудно сказать наверняка. Стройная парочка всё чаще задерживается возле ювелирных магазинов. Мисс Кэти пристально всматривается в развешанные напоказ ослепительные колье и браслеты, густо усеянные сияющими гроздьями рубинов и бриллиантов, а Уэбстер не отрывает глаз от лица своей спутницы; похоже, он очарован её красотой не меньше, чем Кэтрин — великолепием драгоценных переливающихся камней.

Закадровый голос:

— «Обычная практика для убийцы — подкрасться к цели со спины...».

Камера возвращается на несколько шагов назад, и мы замечаем фигуру, одетую во всё чёрное. На руки натянуты иссиня-чёрные перчатки, лицо скрыто под чёрной же лыжной маской.

— «Думаю, произошедшее так навсегда и останется одной из извечных загадок мира кино. Ни единой душе не удалось докопаться, кем было оплачено это ужасное нападение, — не умолкает Терри, — однако все признаки профессионального заказного убийства налицо...».

Довольные любовники безмятежно гуляют, не замечая ничего, кроме блестящих камешков и собственного счастья. Снятые в замедленном режиме, они словно плывут в пузыре из нечеловеческого блаженства.

— «Орудием стал заурядный пестик для колки льда», — сообщает Терри.

Фигура в маске вытаскивает из кармана пиджака острый, точно игла, стальной предмет.

— «Японскому мафиози достаточно приблизиться к человеку сзади…» — читает закадровый голос.

Незнакомец в чёрном в то же мгновение оказывается за спиной мисс Кэти. Пройдя за ней пару шагов, он тянется к гибкой шее поблескивающим пестиком.

— «Затем опытный убийца выбрасывает руку через плечо жертвы и

всаживает стальное оружие глубоко в мягкую плоть над ключицей, — не унимается Терри. — Быстро чиркнув туда-сюда остриём, он ловко рассекает подключичную артерию и диафрагмальный нерв, что за одну секунду приводит к летальному обескровливанию и вызывает удушье...»

Да, да, да, всё это происходит и на экране. И вот уже обагрилась ближайшая витрина, заполненная искрящимися, блистательными сапфирами и бриллиантами. Кровавые капли и сгустки ещё стекают по безупречно вытертому стеклу, а незнакомец в маске уже удирает по элегантной Пятой авеню. Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий стоит на коленях в ярко-алой луже, растекающейся вокруг мисс Кэти, и нежно сжимает огромными мужскими ладонями прославленное лицо. Отблески света в её фиалковых глазах стремительно гаснут, гаснут, гаснут.

— «Испуская последний вздох, — читает закадровый голос, — моя горячо любимая Кэтрин промолвила: "Уэбб, обещай мне, пожалуйста... Если только тебе дорога моя память, — сказала она, — осчастливь своим невероятно талантливым пенисом самых красивых, хотя и менее удачливых женщин этого мира"».

И приторная двойница мисс Кэти, обмякнув, беспомощно повисает на руках своего полуразмытого спутника. По его лицу стекают потоки слёз.

— Клянусь, — отвечает он. И, яростно потрясая над головой окровавленным кулаком, кричит: — О моя горячо любимая Кэтрин, я клянусь, что любой ценой исполню твою предсмертную волю!

Сапфиры бриллианты бросают холодные СКВО3Ь Их бесчисленные покрасневшее стекло. сверкающие грани умножают и погибающую мисс Кэти, бесконечности объятого Уэбстера. Изумруды, рубины... Бесстрастные, нестерпимым горем непреходящие, свидетели глупых человеческих вечные совершающихся под солнцем. Тут персонаж-Уэбстер опускает взгляд, замечает кровь на своём «Ролексе», поспешно вытирает циферблат о платье мисс Кэти и прикладывает часы к уху: тикают или нет?

— «Конец», — произносит закадровый голос Терри.

Акт II, сцена одиннадцатая

Профессиональная сплетница Эльза Максвелл однажды сказала: «Все биографии состоят из нагромождения лжи. — И, подумав, добавила: — Все автобиографии тоже».

Критики были готовы простить Лилиан Хеллман некоторые фактические неточности в отношении событий Второй мировой войны. Как-никак, перед ними предстала сама история, только в улучшенном виде. Возможно, это не настоящая война, но именно такую нам и хотелось бы выиграть — блистательную, насыщенную увлекательными событиями, да ещё с участием Марии Монтес, перерезающей горло Луи Костелло. После чего Боб Хоуп исполняет фирменную чечётку на участке, усыпанном ещё не взорвавшимися минами.

Ни один из американских солдат не корчился в окопах, не трясся внутри боевого танка с таким же страхом, который наполнил сердце мисс Кэти, шагнувшей на театральную сцену в ночь премьеры. Танцуя и напевая, она чувствовала себя чересчур удобной мишенью для публики. Её могли застрелить с любого кресла. Каждая нота, каждое па легко могли стать последними, а кто бы это заметил посреди оглушительного шквала поддельных пуль и шрапнели? Коварный убийца мог преспокойно скрыться после рокового выстрела, пока театралы рукоплескали бы умирающей Кэтрин Кентон, ошибочно принимая разверстую грудь или взорванный череп за восхитительный спецэффект, а живописную гибель на публике — за любопытный поворот в эпической саге Лили Хеллман.

Тем временем мисс Кэти танцевала. Она металась между декорациями так, словно от этого зависела её жизнь, старалась ни на секунду не оставаться одна, то и дело взбиралась на нос корабля, ныряла в тёплые волны Тихого океана и, пробулькав из-под воды строчку из песни Артура Фрида, появлялась над лазурной поверхностью с нотой Гарольда Арлена на устах.

Ужас наполнил её игру такой силой, такой выразительностью, какими актриса не радовала публику уже несколько десятилетий. Этот вечер зрители будут вспоминать до скончания дней. Я и забыла, когда мисс Кэти в последний раз вот так кипела от преизбытка жизненной энергии.

Приглядевшись к залу, мы можем заметить сенатора Фелпса Рассела Уорнера с очередной половинкой. Пако Эспозито в обществе индустриальной секс-бомбы Аниты Пейдж. Меня рядом с Терренсом

Терри. На самом деле в театре осталось единственное пустое кресло: осунувшийся Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий нарочно купил два билета, чтобы было куда положить гигантскую охапку красных роз, которые он, без сомнения, намерен подарить мисс Кэти, когда актрису вызовут на поклон. В таком букете легко припрятать и пистолет-пулемёт, и винтовку. Любую «пушку» с глушителем, хотя подобная мера предосторожности ни к чему в то время, пока японские истребители-камикадзе с пикирования бомбят американские военные корабли в заливе Перл-Харбор.

Сегодняшнее представление — не что иное, как битва за собственную личность. Беспрестанное самосотворение. Эти завывания и ходульные движения свидетельствовали о страстном желании задержаться в мире, не дать заменить себя новой версией; так переваривается пища в желудке, так мёртвый остов дерева превращается в топливо или мебель. Выполняя разнообразные па, мисс Кэти кричала миру о том, что она — живой человек. Хрупкое существо, которое во что бы то ни стало силится произвести впечатление на окружающих и тем самым отсрочить свою кончину, насколько это возможно.

Под лучами прожекторов перед нами явился младенец, воплями требующий материнскую грудь. Визжащая зебра, напуганный кролик, угодивший в зубы стае голодных волков.

Обыкновенное пение, танцы? Ну нет, это был скорее отчаянный, оглушительный вой твари, заглянувшей в пустые глазницы Смерти. И уж точно не заурядное повторение предыдущих ролей мисс Кэти, таких как миссис Ганга Дин, миссис Горбун Ноттердамский, миссис Последний из могикан.

Только я и Терри заметили холодную испарину, проступившую на её лбу. Только мы обратили внимание на то, как тревожно мечется её взгляд, обшаривая балкон и оркестровую яму. Впервые за долгие годы Кэтрин Кентон отбросила страх перед критиками. Она не боялась ни Фрэнка С. Наджента из «Нью-Йорк таймс», ни Говарда Барнса из «Нью-Йорк геральд трибюн», ни Роберта Гарланда из «Нью-Йорк америкэн».

Между тем Джек Грант («Скрин бук»), Глэдис Хэлл и Кэтерин Альберт (журнал «Модерн скрин»), Гаррисон Кэрролл («Лос-Анджелес геральд экспресс») и весь легион театральных критиков напропалую строчили в блокнотах, напрягая извилины в поисках дополнительных наречий в превосходной степени. Даже обозреватели Шейла Грэхем и Эрл Уилсон, в любое другое время и на любом другом представлении составлявшие, по выражению Дороти Килгаллен, «жюри присяжных зубоскалов», даже они — аспид с ехидной — готовились рассыпаться в искренних похвалах.

Тем временем я набрасываю собственные заметки. Радость сегодняшнего триумфа принадлежит не только мисс Кэти и Лилиан Хеллман; это и моя личная победа. Такое ощущение, словно родное дитякалека наконец научилось ходить.

Подтолкнув меня локтем, Терри шепчет: уже позвонил Дик Кастл, забрасывал удочку насчёт прав на экранизацию. Потом пристально смотрит, как я постукиваю туфлями в такт музыке, и с улыбкой интересуется:

— В тебе, случайно, не умерла знаменитая танцовщица Элеонор Торри Пауэлл?

Хотя сам то и дело дрожащими пальцами загребает «иорданский миндаль» из пакета, чтобы забросить в рот ещё одну горсть.

А на сцене моя мисс Кэти горланит очередной стопроцентный хит, заворачиваясь в дымящийся и хлопающий на ветру флаг корабля «Аризона». При этом кидаясь то вправо, то влево, как обезумевший от ужаса зверь, которого загоняют в ловушку. Как бабочка, залетевшая в сеть паука. Сверкают блёстки, сияют ярко обведённые глаза. Волосы выкрашены и уложены так, как не приснилось бы даже павлину под кайфом. Челюсти широко раздвинуты, зубы оскалены в ярости, ротовое отверстие судорожно дёргается на свету, изображая улыбку. С выпученными от натужного воодушевления глазами моя мисс Кэти буквально пробивается сквозь каждый свой музыкальный номер, неистово, бешено отвергая угрозу нависшей гибели.

Каждым жестом она словно хочет остановить невидимого убийцу. Мисс Кэти то примерзает к месту, то вдруг почти припадает к полу, то медленно движется, то скользит, будто по льду — тогда как на самом деле она сражается, уклоняется, бежит от судьбы. Стуча каблуками по доскам сцены, актриса крутится и визжит пронзительным голосом, подобно безумному дервишу, который вымаливает себе лишний час жизни. Мисс Кэти на подъёме, возбуждена, вся кипит — в лицо ей дышит близкая смерть.

За кулисами, в ожидании непременного вызова на бис, сценарист Дор Шери уже замышляет бомбить Нагасаки. Для второго и третьего вызова он выбрал Токио и Йокогаму.

По словам Уолтера Уинчелла, вся Вторая мировая война — это Первая, только повторенная на бис.

Маньчжурия падает. Поколеблены Гонконг и Малайзия. Микки Руни в роли Хо Ши Мина поднимает Вьетминь^[26] на битву. Участники рейда

Дулитла^[27] поливают огнём Нору Байс.

А рядом со мной, в соседнем кресле, Терренс Терри хватается обеими руками за горло и уже мёртвый сползает на пол.

Акт III, сцена первая

Следующая сцена начинается гулким, рокочущим аккордом органа. Немного продлившись, он плавно вливается в мелодию «Свадебного марша» Феликса Мендельсона. Затемнение рассеивается, и перед нами возникает моя мисс Кэти, облачённая в подвенечное платье, в маленькой комнатке с большим витражом. Дверь открыта; за ней можно различить высокие своды собора и длинные скамьи, заполненные людьми.

Вокруг актрисы кружит маленькое созвездие из стилистов. Сидни Гилларов и М. Ла Барбе убирают случайно выбившиеся волосы, похлопывая и приглаживая ладонями безупречную причёску. Макс Фактор наносит последние штрихи макияжа. По профессии я не подружка невесты и уж точно не девочка, которой доверили бы нести корзинку цветов. Формально я вообще не участвую в церемонии, однако именно мне приходится встряхнуть и красиво расправить длинный шлейф платья.

— Улыбнись, — прошу я и, просунув палец между губами мисс Кэти, стираю пятнышко от помады на верхнем резце. Потом опускаю вуаль и спрашиваю: может быть, она передумала?

Сквозь дымку вуали на меня смотрят сияющие фиалковые глаза. Побледнев, как цветы, прибитые первым инеем, невеста отвечает:

— *Се ля ви*. В переводе с русского, — уточняет мисс Кэти, — значит: «Я это сделаю».

Неожиданно для самой себя я вдруг поднимаю вуаль, наклоняюсь и нежно касаюсь губами напудренной щеки. Во рту появляется привкус парфюма «Мицуоко» и талька. Нагибаюсь, отворачиваюсь, чихаю. А моя дорогая мисс Кэти произносит:

— *Ich liebe dich*^[28]. — И прибавляет: — Это значит «Будь здоров» пофранцузски.

Рядом с нами — Лилиан Хеллман в сизой визитке, щёлк-щёлк-щёлкает пальцами, мотнув головой в направлении длинных скамеек, заполненных гостями. Подхватывает невесту под локоток и уводит от меня к алтарю. Руки моей мисс Кэти, затянутые в длинные перчатки, сжимают букет из белых роз, фрезий и подснежников. Венский хор мальчиков исполняет «Однажды чудным вечером». Мариан Андерсон поёт «Я — просто девчонка и "нет" не скажу...». Оркестр под управлением Сэмми Кайе выводит «Зелёные рукава». Складки сияющего атласа и белого кружева медленно, шагом, уплывают прочь. Рука об руку с Лилиан Хеллман мисс

Кэти приближается к алтарю, где её дожидается Фанни Брайс, замужняя подружка невесты. Руководит церемонией Луис Барт Майер. Над ними высится арка, в которую вплетено огромное количество желтых лилий и розовых роз «Нэнси Рейган». Между цветами виднеются камеры и микрофоны.

Мисс Кэти преодолевает, по выражению Уолтера Уинчелла, «невестину милю» в «ну очень почти что белом», как охарактеризовала бы этот оттенок Шейла Грэхем, воплощая собой то, что Хэдда Хоппер называет «красиво завуалированной угрозой».

«Что-нибудь старое, что-нибудь новое, что-нибудь взятое в долг, — написала бы Луэлла Парсонс в своей колонке, — и что-нибудь жутко подозрительное».

Пожалуй, мисс Кэти и впрямь чересчур охотно дала «посадить себя под супружий арест», как говорит Эльза Максвелл.

У алтаря прохлаждается шафер Лон Маккалистер, а возле него поблёскивают карие очи. Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий — загнанный, измождённый, покрытый шрамами женишок текущего года. Среди гостей на скамейках со стороны невесты можно заметить Кэй Фрэнсис и Дональда О'Коннора, Дину Дурбин и Милдред Коулз, Джорджа Бэнкрофта и Бониту Грэнвилл, а еще Альфреда Хичкока, Франшо Тоуна и Грету Гарбо — словом, всех, кто не смог или не пожелал явиться на похороны малыша Казановы.

Как выражаются в «Метро-Голдвин-Майер», «Тут звёзд больше, чем на небе...»

По пути к алтарю мисс Кэти бросает взгляды и воздушные поцелуи Кэрри Гранту и Теде Баре. Ладонью в белой перчатке машет Артуру Миллеру, Деборе Керр и Денни Кей. Улыбается сквозь вуаль Джонни Уокеру, Лоуренсу Оливье, Рэндольфу Скотту и Фредди Бартоломью, Бадди Пепперу, Билли Халопу, Джеки Куперу и малютке Сандре Ди. При виде знакомых усов опускает ресницы со вздохом:

— Граучо!

Именно сквозь вуаль моя дорогая мисс Кэти больше всего похожа на себя настоящую. Такую девушку вы замечаете из окна поезда или по ту сторону оживлённой дороги, кишащей полуразмытыми от скорости экипажами, и едва увидев её лицо — гармоничное, безмятежное, — воображаете вашу свадьбу, а потом — «жили долго и счастливо до конца своих дней». Она вся — воплощенное обещание. Ответ на любую печаль, на любое несовершенство. Просто поймать на себе взгляд фиалковых глаз — уже счастье.

В подземной части этого самого собора, в усыпальнице, где хранятся останки «отбывшего» мужа Оливера «Ред» Дрейка, эсквайра, рядом с пеплом Лотарио, Ромео и Казановы, среди «павших солдат», они же — пустые бутыли из-под шампанского, там внизу ожидает зеркало, которому хорошо известны её сокровенные тайны. С каждым годом, по мере того как мир убивает мисс Кэти, на обезображенном стекле всё отчётливее проступает маска смерти. Сеть из шрамов, процарапанных бриллиантом «Гарри Уинстон», тем самым, который самец по кличке Уэбстер теперь надевает невесте на палец.

Но здесь и сейчас, окутанная вуалью из кружев, моя мисс Кэти — это вечное обещание нового будущего. Между цветами сверкают всполохи фотовспышек. Розы и лилии вянут, коробятся от иссушающей жары. В воздухе висит запах сладкого дыма.

Надо сказать, Уэбб ухитряется показать себя в этой сцене превосходным актёром. Обняв мисс Кэти, он наклоняет её, беспомощную, назад, а потом наклоняет ещё сильнее, чтобы поцеловать. В карих очах мерцают искры. На губах играет ослепительная мечтательная улыбка.

Невеста бросает букет в толпу подружек, среди которых — и Люсиль Болл, и Джанет Гейнор, и Кора Уизерспун, и Марджори Мэйн, и Мари Дресслер. Джун Эллисон, Джоан Фонтейн и Маргарет О'Брайен устраивают настоящую свалку. Наконец из кучи-малы выныривает, сжимая цветы в руках, потрёпанная Энн Рутерфорд, и все мы бросаемся рисом.

Сей Зу Питтс разрезает свадебный торт. Мэй Мюррей ведёт книгу отзывов.

Дождавшись минуты, когда мисс Кэти выходит переодеться, я подхожу к жениху. И в качестве свадебного подарка вручаю ему отпечатанные листы бумаги.

Пробежав помутневшими карими глазами заголовок — «Слуга любви», — юноша осведомляется:

— Что это?

Я говорю, что попросту возвращаю законному владельцу вещь, украденную из его чемодана. А попутно поправляю красивую бутоньерку и приглаживаю лацканы пиджака.

Этот самец Уэбб читает с верхней страницы:

— «Никто никогда не узнает, зачем Кэтрин Кентон решила покончить с собой в такой, казалось бы, радостный день...»

Поднимает на меня свои ясные карие очи, вновь опускает их и продолжает читать.

Акт III, сцена вторая

В качестве звуковой перемычки звучит голос Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего, продолжающего читать:

— «...Кэтрин Кентон решила покончить с собой в такой, казалось бы, радостный день».

Моя мисс Кэти — вернее, прекрасный и совершенный, будто бы снятый сквозь марлю двойник — сидит за кулисами, у себя в гримёрке за туалетным столиком. Наклоняется к зеркалу, поправляет последние пятна крови, шрамы и багровые струпья: вскоре ей предстоит знаменитая битва за Гуадалканал. Из-за запертой двери доносится предупреждение:

— Две минуты, мисс Кентон.

Закадровый голос читает:

— «Давно уже бродят слухи, будто бы Оливер Дрейк, эсквайр, наложил на себя руки: после его внезапной кончины были обнаружены следы цианида. Хотя предсмертной записки так и не нашли, а следствие не сумело прийти к внятным выводам, Дрейк был нередко подвержен жестоким приступам уныния, если верить словам Хэйзи Куган, домработницы Кэтрин...»

На туалетном столике мисс Кэти, между кистями и банками с гримом, лежит бумажный пакетик; его края закатаны, так что можно разглядеть содержимое: пёструю россыпь «иорданского миндаля». Прославленная стройная рука подносит ко рту конфеты — одну за другой, то красную, то белую, то зелёную, орех за орехом. Между тем фиолетовые глаза ни на секунду не отрываются от отражения в зеркале. Рядом с пакетом стоит пузырёк с броской этикеткой: «ЦИАНИД». Горлышко обнажено, пробки нет.

Закадровый голос Уэбба:

— «Похоже, моя обожаемая Кэтрин страшилась утратить счастье, добытое в долгой и изнурительной борьбе».

Приторная стройная версия мисс Кэти поднимается и оправляет военную форму, глядя на себя в зеркало над туалетным столиком.

Уэбб продолжает читать:

— «После стольких лет моя ненаглядная Кэтрин вернула себе былую славу, исполнив главную роль в бродвейском хите. Перечеркнула декады переедания и баловства наркотиками. А главное, познала сексуальное удовлетворение, о каком не могла и мечтать».

Вымышленная Кэтрин Кентон берёт помаду, полностью выкручивает её, тянется к зеркалу. И пишет поверх своего красивого отражения: «Чудесный гигантский пенис Уэбстера — единственная радость, которой мне будет не хватать на том свете. Как говорят французы, — выводит она, — адью».

Смахивает слезу и, круто развернувшись, покидает гримёрку.

Камера движется следом. Пока мисс Кэти проворно лавирует между забытыми декорациями, горами реквизита и скучающими рабочими сцены, закадровый голос читает:

— «Согласно уверениям мисс Хэйзи, Оливер "Ред" Дрейк, эсквайр, часто поднимал в узком кругу тему самоубийства. Вопреки всеобщему публичному мнению, будто бы он и Кэтрин глубоко и преданно любили друг друга, мисс Хэйзи свидетельствует о том, что его втайне одолевало мрачное уныние. Возможно, то же самое чувство в конце концов заставило мою дражайшую Кэтрин принять ядовитые сласти за считанные минуты перед финалом прославленного бродвейского шоу».

На сцене падают и взрываются японские бомбы. Под грохочущим смертоносным ливнем двойница мисс Кэти запрыгивает на ходящую ходуном палубу корабля «Аризона». Её лицо уже побледнело под слоем грима.

Голос за кадром читает:

— «В этот величайший момент величайшей карьеры величайшей актрисы, когда-либо жившей на свете, когда переливчатые роковые сласти зелёного, красного, белого цвета ещё нежно таяли на её соблазнительных губах…»

Застыв на верхней точке обречённого судна, мисс Кэти вытягивается по стойке «смирно» и салютует публике.

— «В этот момент романтического самоубийства (в чём нет и не может быть никаких сомнений), — продолжает закадровый голос, — моя дражайшая Кэтрин, величайшая любовь моей жизни, послала мне, сидящему в шестом ряду, воздушный поцелуй на прощание... и преставилась. Конец», — дочитывает Уэбб.

Акт III, сцена третья

Под отчётливый «выстрел» бутылки шампанского экран показывает наплыв на фамильную усыпальницу. Я стою рядом с мисс Кэти. Держу в руках два пыльных бокала, куда она торопливо, капая белой пеной на каменный пол, разливает вино. Здесь, в недрах земли под собором, в котором совсем недавно состоялось её венчание, мисс Кэти пьёт за очередную урну, получившую место на каменной полке подле праха Оливера «Ред» Дрейка, эск., Казановы, Лотарио. Её давно почивших возлюбленных.

На блестящем, отполированном серебре темнеет гравировка «Терренс Терри» и смазанный поцелуй; похожие пятна помады багряного — почти чёрного — оттенка присохшей крови красуются и на старых сосудах, помутневших и ржавых от времени.

Мисс Кэти поднимает бокал в честь новенькой урны и произносит:

— Bonne nuit [29], Терренс. — A потом, отхлебнув шампанского, прибавляет: — В переводе с русского — bon voyage [30].

Несколько свечек, мерцая среди пустых бутылей, пытаются осветить холодную пыльную усыпальницу. В грязных бокалах скрючились мёртвые пауки; каждый трупик похож на костлявый кулак. Из позабытых пепельниц торчат окурки, по которым можно было бы проследить историю макияжа мисс Кэти. Чем желтее окурок, тем ближе от красного к розовому. Прах и пепел. Зеркало, а точнее, истинное лицо Кэтрин Кентон, испещрённое шрамами прошлого, лежит ниц между воспоминаниями о потерях и жертвах. Между упаковками с туиналом и дексамилом. Нембутал, секонал, демерол...

Залпом выпив бокал и наливая себе ещё, мисс Кэти произносит:

— Думаю, этот день стоит сохранить в памяти, ты согласна?

Иными словами, настало время мне поднять зеркало, а ей — занять место на крестике, нарисованном на полу помадой. Мисс Кэти протягивает левую руку, чуть растопырив пальцы, так чтобы я могла снять бриллиант «Гарри Уинстон». Когда на её глаза идеально накладываются куриные лапки морщин, на щеках появляются процарапанные провалы, а линия подбородка начинает вдруг провисать, когда Кэтрин Кентон по-настоящему настраивается запечатлеть свой сегодняшний образ для будущего... только тогда я беру бриллиант и рисую.

В ночь премьеры «Безоговорочной капитуляции», по её словам, Терри

заскочил за кулисы, в гримёрку, ещё перед первым занавесом. В хаосе из телеграмм и цветов ему ничего не стоило покрутить в руках пакетик отравленных сладостей и, пожелав актрисе удачи, нечаянно прихватить «иорданский миндаль» с собой. А тем самым спасти её жизнь. Бедняга. Случайный мученик.

Пока она так рассуждает, я царапаю бриллиантом податливое стекло, добавляю озабоченные морщины к нашей совместной записи.

Теперь, продолжает мисс Кэти, она сама перерыла багаж Уэбстера. Пропустить очередной план убийства было бы слишком опасно. И действительно, в чемодане нашёлся седьмой вариант финала «Слуги любви».

— Похоже, на этот раз меня застрелит грабитель, — сообщает актриса. — Когда я обнаружу его в своём доме и попытаюсь остановить.

Но в конце концов ей пришёл на ум ответный ход: мисс Кэти переслала заключительную главу своему адвокату в запечатанном виде с просьбой вскрыть манильский конверт и прочесть содержимое в случае её внезапной и подозрительной кончины. А потом уже известила об этом Уэбстера. Разумеется, он горячо отрицал всякий заговор со своей стороны, божился и клялся, будто бы не писал никаких мемуаров. Он якобы любит свою жену и даже не думал причинять ей боль.

— Впрочем, от этого негодяя, — вздыхает мисс Кэти, — я ничего другого и не ждала.

Если вдруг она угодит под омнибус, искупается вместе с приёмником, отправится на корм медведям гризли, упадёт с высокого здания, получит удар холодным оружием либо переварит цианид, — в каждом из этих случаев Уэбстеру Карлтону Уэстворду Третьему нипочём не удастся выпустить в свет свою мерзкую «бла-бла-графию». Адвокат Кэтрин Кентон сразу же разоблачит его преступный умысел, и вместо того чтобы замелькать в списках самых продаваемых авторов, Уэбстер сядет на электрический стул.

Тем временем я процарапываю остриём бриллианта на зеркале новые седые волосы. Стучу по стеклу, обозначая россыпь печёночных пятен.

Мисс Кэти поднимает бокал шампанского и обращается к своему отражению:

— Я заставила его на себе жениться. Это самая страшная кара...

Теперь неудачник-убийца действительно станет слугой любви — на полную ставку, пожизненно.

Кареглазый красавчик будет забирать из химчистки одежду, работать личным шофёром и мальчиком на побегушках, драить ванную комнату,

мыть посуду, массировать ноги и доставлять мисс Кэти оральногенитальное удовольствие любого рода, когда она сочтёт нужным, покуда смерть не разлучит их. Причём лучше пусть это будет *его* смерть, иначе Уэбстеру ничего не стоит быстренько загреметь за решётку.

— Ну и на всякий пожарный случай... — говорит Кэтрин Кентон.

И тянется взять кое-что с холодной каменной полки. Нащупывает искомое между пузырьками, просроченной косметикой и противозачаточными средствами.

— На всякий случай... — повторяет она, убирая слегка порыжевший от ржавчины, синий от смазки предмет в карман своей шубы.

Это револьвер.

Акт III, сцена четвёртая

И тут наплывом начинается очередной флешбэк. Давайте заглянем в офис по кастингу «Монограмм пикчерс» или «Зелиг студиос», что на Говер-стрит, которую все называют «тропой нищебродов», а может быть, в старые Центральные кастинговые офисы на бульваре Сансет, где целыми днями шатаются начинающие актрисы, не разжимая скрещенных пальцев. Красивейшие девчонки со всего света, заслужившие титулы вроде «королева маиса», «принцесса цветущей вишни», «ангел зимнего карнавала», «мисс удачное рыболовство», «лучшая джазовая танцовщица», мигрируют сюда, в пантеон мифических богинь во плоти, жаждущих ещё большей славы и популярности. Двое девушек сразу же привлекают наше внимание в этой толпе. У одной из них — слишком близко посаженные глаза, нос чересчур велик по сравнению с подбородком, а голова нахлобучена сразу на плечи, без намёка на шею.

Вторая девушка тоже ждёт своей очереди, маясь бездельем в офисе по кастингу. Её глаза напоминают ярчайшие пурпурные аметисты. Их фиалковый цвет чуть ли не сверхъестественен.

В этом флешбэке мы наблюдаем за молодой дурнушкой, которая наблюдает за красавицей. Уродина сильно сутулится, на её костлявых пальцах под корень обгрызены ногти, и она жадно шпионит за юной прелестницей с фиалковыми глазами. Вернее за тем, как на неё реагируют окружающие. Похоже, все остальные не менее поражены этим чарующим взглядом. Стоит красавице улыбнуться, как на лицах расцветают улыбки. Любой, кто посмотрит на неё хоть пару мгновений, втягивает живот и начинает казаться чуть выше ростом. Все эти королевы, мисс, леди, ангелы перестают суетиться и с достоинством расправляют плечи. Они даже дышат легче, подражая очаровательной девушке. Любая красавица рядом с ней похожа на жалкую копию восхитительного единственно верного оригинала.

Между тем уродина готова лишиться надежды. Искусству её обучали Констанс Колье, Гутри Макклинтик и Маргарет Уэбстер, однако работы всё нет как нет. Это пугало от природы необычайно сообразительно, схватывает всё на лету; жесты продуманы и выверены до мелочей. Даже играя ниже своих возможностей, она бесподобна и безупречна. Наблюдая за тем, как люди невольно копируют манеры красавицы, дурнушка вынашивает любопытный замысел. Раз уж она не смогла стать актрисой,

пожалуй, куда интереснее будет объединить свой талант и ум с чужой миловидной внешностью. Что, если вдвоём они создадут бессмертную кинозвезду?

Уродина будет по-настоящему заботиться о красотке, подыскивать для неё беспроигрышные роли, защищать от соблазнов как в бизнесе, так и в личной жизни. Она не может похвастаться ни губами бантиком, ни точёными скулами; зато за её заурядным лицом скрывается гибкий, живой, находчивый ум.

И напротив, яркая внешность, которая растапливает сердца и распахивает все двери, не всегда сочетается с мозгами.

Перед Уэбстером появился Пако, а перед ним — сенатор. А прежде был голубой хорист, а до него — сталелитейный магнат-самоубийца, однако отсчёт начался даже не с него. Первый в цепочке «отбывших» — Алан, любовь со школьной скамьи. *Кто попало*. Точнее, никто. Следом за ним засветился придурок фотограф, сделавший снимок мисс Кэти и лично доставивший его директору по кастингу; хорошо, что быстро свалил. Ему на смену пришёл честолюбивый актёр, ныне — торговец недвижимостью. Никто из этих троих не представлял угрозы.

Хотя я никогда не занимала позиции мужа, супруга или партнёра, всё это время моё положение было гораздо значительнее и выше.

А вот Оливер Дрейк, эск., — совсем другое дело. Основатель сталелитейной империи и впрямь обладал возможностями обеспечить мисс Кэти безбедную жизнь в четырёх стенах, в окружении бесчисленного потомства, унизив её до примитивной, в духе Джин Тирни, hausfrau^[31]... что в переводе с итальянского означает: «падчерица судьбы». Сталь могла выкупить её у огромного мира, как в своё время семья Гримальди купила Грейс Келли; тогда мне оставалось лишь вылететь на обочину, так и не пожав плоды собственного труда.

Каждый прежний муж был шагом вперёд по карьерной лестнице, и только Оливер Дрейк означал новую ступень в отношении личной жизни. Ко времени нашей встречи мисс Кэти уже не переносила ролей инженю (в переводе с испанского — потаскушек). Что её ожидало в будущем? Безнадёжная борьба за яркие роли. Полутёмные эпизоды, снятые на натуре. Призванная воплотить бессмертные образы миссис Маленький Лорд Фонтлерой или миссис Волшебник из Оз, мисс Кэти могла прозябать на третьем плане, играя мать капитана Ахава и старую деву из рода Иоанна Крестителя.

Оказавшись перед столь трудным выбором, она предпочла самый лёгкий путь.

Какой чудовищный эгоизм! Пьедестал, который она бездумно решила покинуть, создавался трудом сценаристов, режиссёров и пресс-агентов. На кону стояли куда более важные вещи, нежели покой и любовь. Независимый образец поведения, первопроходец для миллионов собирался уйти со сцены. Легенда вознамерилась отправиться на пенсию. В общем, смерть сталелитейного магната, наступившая в результате мнимого самоубийства, спасла бы культовую икону.

Было несложно подговорить нескольких режиссёров и крупных шишек из киномира засвидетельствовать якобы депрессивное состояние мистера Дрейка. Некоторые голливудские знаменитости поклялись, будто бы он частенько заикался, что хочет покончить с собой при помощи цианида. Таким образом, община киношников сохранила одну из своих ярчайших святынь.

Флешбэк продолжается. Мы видим, как дурнушка окольными путями, словно невзначай, подбирается ближе к прелестнице. И рассчитанным, отрепетированным притворно-неловким движением задевает её. Толкает и говорит:

— Чёрт, прости...

Вокруг суетится толпа заурядных красоток. Королева Соломенных Снопов. Принцесса Сладкая Луковица. Приятные незапоминающиеся лица. Такие рождаются, чтобы пофлиртовать, потрахаться и подохнуть.

В этот момент, много-много лет назад, красавица озаряет комнату лучезарной улыбкой и произносит:

— Меня зовут Кэти. Точнее, — поправляется она, — Кэтрин. Кэтрин Кентон.

Каждая знаменитость находится у кого-нибудь в рабстве.

Даже у хозяев есть свои господа.

Чудовище, словно в знак дружеского расположения, протягивает ладонь:

— Приятно познакомиться. Я — Хэйзи Куган.

И девушки пожимают руки.

Акт III, сцена пятая

Наплыв — и мы медленно возвращаемся в настоящее время. Мизансцена следующая: день, кухня в особняке мисс Кэти. Вдоль задника расположились: электрическая плита, холодильник, дверь в переулок, а в ней — запылившееся окошко. Узкая лестница ведёт на второй этаж. На стекле в двери до сих пор можно различить сердце, процарапанное в день появления Казановы-щенка... много-много сцен тому назад.

На переднем плане — я. Восседаю на кухонном стуле, покрашенном в белый цвет. Скрещенные в лодыжках ноги лежат на крашеном белом столе. Руки переворачивают страницы очередного сценария, раскрытого на коленях. Сценария Лилиан Хеллман про Лилиан Хеллман, главная героиня — Лилиан Хеллман.

На верхней ступеньке показываются ноги мисс Кэти в розовых тапочках. Края розового халата подрагивают, обнажается гладко выбритое бедро. И вот уже появляются руки. Одна сжимает стопку бумаги, другая — чёрную тряпку. Лица ещё нет, но голос взывает:

— Xэйзи...

Голос почти кричит:

— Мне только что позвонили из ветеринарной клиники.

В тексте сценария Лилиан Хеллман мчится быстрее летящей пули. Она сильнее локомотива и может прыжком преодолевать высотные здания.

Застыв на пороге, мисс Кэти заявляет:

— Казанова умер не от конфет... — И бросает чёрную тряпку на кухонный стол.

Та остаётся валяться, превратившись в лицо с пустыми глазницами и разинутым ртом. Это лыжная маска наподобие той, что описана в книге «Слуга любви». Такая была на убийце якудза, когда он замахнулся заточенным пестиком для колки льда.

— Врач был очень любезен, — сообщает мисс Кэти. — Он сказал, что Казанова отравлен цианидом.

Как и многие в наши дни.

На следующей странице Лили Хеллман раздвигает волны Красного моря и воскрешает Лазаря из мёртвых.

— После этого, — продолжает мисс Кэти, — я позвонила Граучо Марксу. Он говорит, ты не приглашала его на похороны. — Её фиалковые глаза сверкают. — Как и Джоан Фонтейн, Стерлинга Хэйдена или Фрэнка

Борзеджа. — Сладкозвучный голос набирает силу и громкость. — Ты пригласила лишь Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего.

Зажав отпечатанные листы в кулаке, мисс Кэти колотит по чёрной тряпке, так что кухонный стол подпрыгивает, и громко визжит:

— Я нашла эту маску — спрятанной — у тебя в комнате!

Неслыханное обвинение. По словам актрисы, я отравила её пекинеса, после чего пригласила ясноокого Уэбстера присоединиться к нам в усыпальнице, чтобы он появился с цветами в тот день, когда мисс Кэти сильнее всего нуждалась в эмоциональной поддержке. В течение последующих месяцев, притворяясь, будто пытаюсь предостеречь её от нежелательной связи, на самом деле я, видите ли, помогала юноше и всячески содействовала его планам. Даже, дескать, подсказывала, когда и как лучше добиваться её расположения. А потом, вступив с Уэбстером в тайный сговор, нечаянно отравила Терри. Якобы мы вдвоём задумали покончить с ней.

Гав, га, ко-ко-ко... преступный умысел.

Хрю, иа, чирик... коварство.

Му, мяу, уи... самое мерзкое из предательств.

По сценарию Лили Хеллман сотворяет вино из воды. Исцеляет болящих и прокажённых. Превращает грязную солому в чистейшее золото.

Как только моя мисс Кэти замолкает, чтобы набрать в грудь воздуха, я прошу её не говорить больше глупостей. Конечно, она заблуждается. Мне и в голову не приходило сговориться с Уэбстером, чтобы убить её.

— Тогда объясни вот это! — Она протягивает отпечатанные листы.

По верхнему краю каждого из них — заголовок. «Парагон Автобиография Кэтрин Кентон, лично продиктованная Хэйзи Куган».

Мисс Кэти трясёт головой:

— Я такого не сочиняла. И нашла это у тебя под матрацем...

История её жизни. Написанная от её имени. Кем-то ещё.

Перевернув титульный лист, Кэтрин Кентон поднимает на меня фиалковые глаза, вновь смотрит на рукопись и опять на меня. Розовый халатик подрагивает. Пустая лыжная маска пялится со стола в потолок.

— «Глава первая, — читает мисс Кэти. — Жизнь моя началась, в самом полном и настоящем смысле этого слова, в тот благословенный день, когда я впервые встретила свою закадычную подругу, Хэйзи Куган...»

Акт III, сцена шестая

В качестве звуковой перемычки до нас доносится голос Кэтрин Кентон, читающей рукопись «Парагона»:

— «...в тот благословенный день, когда я впервые встретила свою закадычную подругу, Хэйзи Куган...»

И снова мы видим двух девушек из офиса по кастингу. Картинка немного смазана. Следует быстрая нарезка из кадров: дурнушка расчёсывает длинные золотисто-каштановые волосы красавицы. Подпиливает ей ногти, покрывает их розовым лаком и дует на них так старательно, точно хочет поцеловать каждый палец.

Прославленный голос мисс Кэти читает за кадром:

— «...Мы жили, играли и забавлялись вместе, наслаждаясь вниманием и обожанием наших поклонников...»

В то же время мы видим, как девушка с мелкими глазками и большим заострённым носом выщипывает брови над фиалковыми очами. Встав на колени, дурнушка соскабливает кусочком пемзы мёртвую кожу с пяток своей «подруги». Словно уборщица, раскачиваясь вперед и назад, усердно втирает в обнажённую спину красавицы морскую соль.

Мисс Кэти читает дальше:

— «Так, резвясь и играя, посвящая работе долгие, если не сказать бесконечные, часы, мы с Хэйзи всегда поддерживали друг друга, подталкивая к новым свершениям на этом удивительном празднике, называемом жизнью...»

И дальше: «Совсем как родные сёстры, мы делились одеждой и обувью, мы даже брали без спроса бельё, ни о чём не задумываясь...»

Монтаж продолжается. Вот дурнушка потеет над гладильной доской, разглаживая кружева и оборки на кофточке, которую подаёт красавице. Вот наклоняется, чтобы намылить и чисто побрить её длинную ножку, что высунулась из ванны, переполненной радужными пенными пузырьками.

— «Бывало, то я потру ей спинку, — читает мисс Кэти, — то Хэйзи мне...».

Между тем на экране уродина подаёт красавице завтрак прямо в постель.

— «Мы нарочно старались баловать друг друга...» — произносит закадровый голос.

Ироническая нарезка продолжается: красотка вставляет в рот сигарету

- уродина наклоняется к ней с зажигалкой. Красотка роняет на пол грязное полотенце уродина подбирает его и кладёт в машинку. Красотка читает сценарий, устроившись в мягком кресле, уродина пылесосит вокруг неё ковёр.
- «И когда наши усилия начали приносить плоды, читает мисс Кэти, мы сообща упивались успехом и славой…»

В следующих кадрах мы видим, как юная замухрышка взрослеет и превращается в женщину, столь же неинтересную, только в возрасте, с лишним весом и сединой, тогда как красавица сохраняет и стройность, и чистую кожу, и богатый золотисто-каштановый цвет волос.

Картинка сменяется всё быстрее. Красотка выходит замуж, снова выходит замуж, и снова выходит замуж, и ещё; дурнушка попросту держится рядом, вечно нагруженная пакетами, сумками, багажом.

Закадровый голос читает:

— «Всем, во что я превратилась, всем, что приобрела и чего достигла, я обязана Хэйзи Куган, и только ей одной...»

Дурнушка стареет, зато её прелестная партнёрша заливается радостным смехом в кругу репортёров с радиомикрофонами и фотографов с яркими вспышками. Уродка всегда оказывается за границей света от прожекторов, за кулисами, выпадает из кадра, стоит в тени с мягкой шубой красавицы на руках.

Мисс Кэти читает рукопись дальше:

— «Мы делили все злоключения и слёзы. Страхи и величайшие радости. Сносили одни и те же тяжести, под которые каждая из нас готова была подставить плечо, лишь бы продлить блаженную молодость подруги...»

Нарезка: толпа обожателей, среди которых — Калвин Кулидж, Джозеф Пулитцер, Джоан Болнделл, Рудольфо Валентино и Ф. Скотт Фицджеральд, наблюдает за тем, как уродина ставит перед красавицей торт со свечками. В следующем кадре появляется уже новый торт (очевидно, прошёл целый год). А потом третий, под пение и рукоплескания Лилиан Гиш, Джона Форда и Кларка Гейбла. С каждым тортом дурнушка становится старше. Красавица — нет. На каждом пылает по двадцать пять свечек.

Чтение продолжается:

— «Не секретарша и не репетитор по профессии, Хэйзи Куган тем не менее заслуживает похвал за все мои лучшие достижения. Не брахман и не духовная наставница, она давала мне самые лучшие и ценные советы, каких только можно желать».

Возвысив голос, мисс Кэти произносит:

— «И если грядущие поколения найдут в моих фильмах некую ценность, человечеству придётся сказать слова благодарного восхищения также и Хэйзи Куган, величайшей, одарённейшей подруге, о какой только может мечтать простая актриса».

В эту минуту красавица набирает в грудь воздуха. Вокруг неё сияют счастливые лица, озарённые мерцающим светом от свечек на торте. Наклонившись вперёд, она задувает их. Праздничная сцена погружается в кромешную, непроглядную темноту. Пустую, безмолвную, чёрную.

— «Конец», — дочитывает мисс Кэти.

Акт III, сцена седьмая

Труд моей жизни закончен.

В последний раз мы открываем дверь усыпальницы под собором, куда одинокая леди с вуалью на голове вносит ещё один металлический сосуд. Ставит урну рядом с прахом Терренса Терри, Оливера «Ред» Дрейка, эск., и Казановы. А затем, подняв чёрное кружево, обнажает лицо.

Эта женщина в траурном одеянии — я сама, Хэйзи Куган. Одна, без сопровождения.

Мисс Кэти принадлежала мне. Я изобретала её, причём постоянно. И в итоге спасла.

Зажигаю свечу, открываю шампанское. Наполняю игристым напитком пыльный, молочно-мутный, затянутый паутиной стакан.

Да, это любовь. Я спасла ту, какой она была в прошлом и кем станет в будущем. Кэтрин Кентон не суждено превратиться в забывчивую каргу, доживающую свои дни в благотворительной больничной палате. Ни в одном таблоиде не появится снимок беспомощной дряхлой старухи — вроде тех фотографий, что унижали достоинство Бетт Дэвис и Джоан Кроуфорд. Кэтрин Кентон не впадёт в буйное безумие подобно Вивьен Ли, Джин Тирни, Рите Хейворт или Фрэнсис Фармер. Её кончина вызовет горячее сочувствие. Она не растворит свой разум в наркотиках, не докатится до беспорядочных связей с юнцами, как Джуди Гарленд. Мою мисс Кэти не обнаружат однажды в уборной мотеля.

Ей не грозит унылое угасание, похожее на остановку ржавого механизма. О нет, легендарная звезда требовала эпического финала. Чегонибудь славного, пафосного. Теперь её никогда не забудут. Это мой подарок.

Эффектный уход со сцены после прекрасно сыгранного третьего акта. Поднимая бокал, я произношу:

— $Gesundheit^{\boxed{32}}$.

И, выпив, наливаю себе ещё.

Прошу вас, позвольте мне устранить всякие сомнения. Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий и в самом деле её обожал. С той самой минуты, когда их глаза повстречались поверх стола на давно минувшем торжественном ужине. Молодой человек не писал ни слова из книги «Слуга любви», хотя рукопись и лежала в его багаже. Все эти главы — моя работа. Я отпечатала их и спрятала под его рубашками, где мисс Кэти,

раздираемая любовью и страхом, попросту не могла их не обнаружить. Оставалось лишь подождать, пока она перешлёт запечатанную копию адвокату или агенту, чтобы потом с удобством свалить вину на Уэбстера.

Вы уж простите меня за бахвальство, но это и вправду был идеальный замысел.

Глазам полицейских предстало живописное зрелище. Мисс Кэти застрелена из пистолета, на котором ещё сомкнуты пальцы Уэбстера. Очень похоже, что в будуаре, среди цветов и свечей, произошла жестокая драка. Неудавшаяся попытка ограбления. Рядом лежит мёртвый мистер Ясные карие очи, в чёрной лыжной маске. Убит из старого револьвера мисс Кэти, того заржавленного ствола, который она взяла в усыпальнице. Левая рука Уэбстера сжимает наволочку, переполненную чужой ворованной славой — посеребрёнными, позолоченными наградами и трофеями. Символические ключи от городов, расположенных где-то на Среднем Западе. Таблички с обозначением почётных степеней, вручённых мисс Кэти за то, что она нигде не училась. Если таким образом любовь способна пережить смерть, тогда считайте, что у этой истории, безусловно, хороший конец. Парень встречает девушку. Добивается девушки. А «долго и счастливо» или нет — какая разница?

В качестве сэмюел-голдвиновского штриха, неуместного, как финальный выстрел в «Грозовом перевале», позволим себе ещё один флешбэк. Совсем коротенький — исключительно чтобы показать, как я застрелила воркующих голубков прямо в спальне, а потом обставила сцену с очевидным намёком на неудавшееся проникновение со взломом, описанное в «Слуге любви». Любопытная развязка романа: я оказалась не лучшей подругой, не горничной, а злодейкой. Хэйзи Куган сыграла роль убийцы. В последний миг фиалковые глаза мисс Кэти озарились неожиданным пониманием: надо же, всё это время её дурачили.

постепенно, наплывом, меняется: МЫ возвращаемся усыпальницу. Я поднимаю зеркало и отступаю на крестообразную метку, так, чтобы соединить наши лица — моё и подлинное мисс Кэти. Жизнь, запечатлённая виде морщин шрамов, страдания все несправедливости, которые Кэтрин Кентон пришлось перенести, на минуту становятся и моими. Само зеркало прогибается под тяжестью ошибок и тайн актрисы.

На мне — её шуба, её траурная вуаль. Опустив руку в щель кармана, я достаю кольцо с бриллиантом «Гарри Уинстон». Прикасаюсь к нему губами, дую на ладонь, словно хочу послать камню воздушный поцелуй, и, покачав кулаком, бросаю. Бриллиант описывает сверкающую дугу и

разбивает исковерканное отражение.

То, что было подлинной историей жизни, разлетается миллионами сверкающих осколков. Единое цельное изображение распадается на множество обманчивых перспектив. Бесценный камень теряется в куче ослепительных презренных стекляшек.

Кэтрин Кентон будет жить вечно, ей суждено сохраниться в людской памяти неизменной, как легенды киноиндустрии граф Оксфорд и Хаус Питерс. Бессмертной, словно Трикси Фриганза. Её лицо будет не менее знакомо грядущим поколениям, чем сияющий культовый лик Талли Маршалл. Мисс Кэти ждёт вечное поклонение, подобно тому как рукоплещущая публика всегда будет обожать Роя Дарси, Брукса Бенедикта и Евлалию Дженсен.

Всякое подлинное воспоминание о моей мисс Кэти вместе с зеркалом раскололось на блистательные обломки. Над ними поблёскивает последняя урна. Камера приближается, и мы читаем на серебре гравировку: Кэтрин Эллен Кентон.

За это стоит поднять бокал.

Акт III, сцена восьмая

В начале восьмой сцены третьего акта Лилиан Хеллман врывается в роскошный будуар Кэтрин Кентон, проносится пулей и всем телом наваливается на вооружённую руку Уэбстера Карлтона Уэстворда Третьего. Лили с Уэббом дерутся не на жизнь, а на смерть, шумно катаясь по спальне, сбивая кресла, торшеры и разные безделушки. Элегантные руки силятся удавить врага. Громко хлопают полы разорванной ночной рубашки в стиле Лили Сент Кир. Чулки «Валентино» пришли в негодность. Безупречные белые зубы впиваются глубоко в коварную, вероломную шею Уэбба. В пылу сражения противники давят упавшую шляпку марки «Эльза Скиапарелли», в то время как Кэтрин остаётся лишь малодушно вопить от ужаса.

Как и в первой сцене книги, на экране наплывом возникает длинный торжественный стол, за которым восседает Лилиан Хеллман. На этот раз она потчует прочих гостей историей своей битвы. Пылают свечи, стены покрыты резными панелями, лакеи стоят навытяжку. Лилиан умолкает ровно настолько, чтобы как следует затянуться сигаретой, и, обдав струйкой дыма половину собравшихся, продолжает:

— Не займись я диетой именно в ту неделю… — пепел сыплется на тарелку для хлеба, — ...моя великолепная, ослепительная Кэтрин была бы жива...

С первыми же словами болтовня мисс Хеллман превращается в джунглевый саундтрек, из тех, что звучат фоновым шумом в любой из серий «Тарзана»: трели тропических птиц и рёв обезьян. *Гав*, чирик, мяу... Кэтрин Кентон.

Хрю, му, скрип... Уэбстер Карлтон Уэстворд Третий. Мужчина, виноватый лишь в том, что сумел горячо влюбиться — страстно влюбиться, — обречён играть роль злодея отныне и до скончания этого глупого кинофильма под названием «История человечества».

Прославленное тело едва успело остыть, а мисс Кэти уже стала частью мифологии Хеллман, мисс Лили, с головы до ног больной синдромом Туретта — той особой формой, когда через слово вставляют громкие имена.

Пока лакеи подливают гостям вина и убирают десертные блюдца, руки Лилиан плавно порхают в воздухе, сигарета вычерчивает замысловатые дымные каракули, ногти впиваются в невидимого грабителя. В

сегодняшней истории на ночь Лили продолжает спарринг с вооружённым мужчиной в маске. Вот они по очереди хватают пистолет... Раздаётся выстрел. Хеллман с размаху хлопает ладонью по столу, так что на скатерти подпрыгивают бокалы и позвякивает серебро.

Я сижу далеко за солонкой и молча слушаю, как Лили ухитряется с лёгкостью переплавить чистейшее золото чужой непридуманной жизни на собственные звонкие медяки.

Качая на коленях пухлое жизнерадостное дитя, одну из сироток, побывавших на кастинге в особняке мисс Кэти, я беззвучно прошу небеса о том, чтобы покинуть сей бренный мир после Лили. Слева и справа, от одного конца длинного стола до другого, все гости — Ева Ле Галлинн, Напиер Алингтон, Бланш Бейтс, Джинн Иглс — все молятся об одном. Джордж Жан Натан из журнала «Смарт Сет» лезет в нагрудный карман за авторучкой и начинает писать на салфетке. Эдвин Шэллерт («Лос-Анджелес таймс») косится на него и делает в блокноте пометку о том, как пишет Натан. Бертрам Блок торопливо строчит о пометках Шэллерта о том, как пишет Натан.

Всех пугает возможность умереть раньше Лилиан Хеллман... Скончаться — и неизбежно пойти на корм ненасытной Лили. Так, чтобы вся твоя жизнь и доброе имя тут же скукожились до размеров голема, франкенштейновского чудовища, которого оживит и заставит плясать под свою дудку мисс Хеллман. Что может быть хуже смерти? Только вечность на поводке у Лили Хеллман, в виде ручного зомби, которого воскрешают во время торжественных ужинов, радиоинтервью или в автобиографических книжках.

«После ужина с Хеллман, — заметил однажды Уолтер Уинчелл, — человек жаждет вовсе не кофе с десертом. Ему нужно лишь одно — хорошее противоядие».

Даже самое известное имя, стоит носившему его человеку провести определённое время в могиле, превращается в неосмысленные звуки природы. *Хрюк*, гав, иа... Форд Мэдокс Форд... Мириам Хопкинс... Рэндл Эйртон.

Чарли Маккарти (он сидит справа) поздравляет меня с успехом вышедшей книги. Вот уже двадцать восемь недель «Парагон» занимает первое место в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

Мэдлин Кэрролл (её посадили напротив) с подчёркнутым британским акцентом интересуется именем крошки, сидящей у меня на коленях.

В ответ я рассказываю, как мисс Кэти решила удочерить сиротку, которая по закону досталась мне как официальному опекуну. Моим

наследством стал особняк, все инвестиции, авторские права на книгу «Парагон» и эта девочка, неземной белокурый ангел, умеющий пока что лишь улыбаться и лопотать. А зовут её — Норма Джин Бейкер.

Все мы слишком мало похожи на реальных людей.

Любой человек на свете — попросту второстепенный персонаж в чьей-то жизни.

Истине, драгоценному факту суждено затеряться в куче осколков чужой фантазии.

По моему знаку лакей приближается и подливает вина. В мыслях я уже сочиняю историю, где Лилиан Хеллман суетится и мечется, изображая скучающую самовлюблённую идиотку. Она играет злодейку, подобно тому как Уэбстер сыграл злодея.

В этой истории на ночь, на этом ужине я буду невозмутима, спокойна, во всём права. Вот вам и безупречный ответ. Сегодня роль героини достанется мне.

Только чур уговор: это $HE \ \mathcal{A}$ вам сказала.

Кадр обрывается. Идут титры.

(Конец).

n	Λ	t	Δ	c
	"		r	•

Примечания

Синдром Туретта — расстройство центральной нервной системы, при котором наряду с двигательными тиками проявляются звуковые симптомы: произнесение отдельных звуков и нечленораздельных слов. В некоторых случаях может отмечаться навязчивое повторение слов, слогов или звуков. В половине случаев возможны вокальные тики с неприличными ругательными словами, а также неприличные жесты.

Журналист, радиоведущий, придумавший в своё время отдел светской хроники (буквально — колонку сплетен).

Писательница и журналистка, ведущая отдела светской хроники.

Приём, нередко используемый в театре, кино и мультипликации: персонаж вдруг обращается к зрителю напрямую, как бы уничтожая условную «четвёртую» стену между ними.

Журналистка, ведущая светскую хронику.

Мастер по изготовлению париков, накладных усов и пр.

«Дорогая, ты просто гений!» (нем.)

Джулиус Генри «Граучо» Маркс — американский актёр, комик, представитель квинтета «Братья Маркс».

«Приятного аппетита» (*нем.*).

Гибсоновская девушка — образ идеальной американки, чистой, цельной, симпатичной девушки 90-х гг. XIX в., созданный в рисунках ньюйоркского художника-иллюстратора Ч. Гибсона: полногрудая девушка с тонкой талией и пышной прической. Моделью Гибсона была его жена — Айрин Лэнгхорн, известная модница тех лет. Детали ее одежды не выходили из моды вплоть до 1920-х годов, когда в общественном сознании сложился новый идеал — «девушка эпохи джаза».

Семиэтажное здание в г. Далласе, штат Техас, с верхнего этажа которого, согласно официальной версии, стрелял предполагаемый убийца президента Дж. Кеннеди.

Произведения Лилиан Хеллман.

Помощница (по хозяйству, по занятиям с ребенком). Живущая в семье (или приходящая) иностранка, помогающая по хозяйству, заботящаяся о ребенке и обучающая его своему языку в обмен на содержание и возможность общения на английском языке. Услугами такой помощницы в США пользуются обычно состоятельные семьи.

«Пожалуйста» (ит.).

Самое лучшее, главная достопримечательность (коллекции и др.) $(\phi p.)$.

Уютность (нем.).

Чудесно (нем.).

Как хорошо (исп.).

Будь что будет (исп.).

Шахматный термин, точный перевод: «Поправляю» (ϕp .).

тотчас, сейчас, немедленно (ϕp .).

поворот в воздухе (ϕp .).

«Правдивое кино» (ϕp .).

Жете (ϕp . jeté, от jeter — бросать), одно из основных прыжковых па в классическом танце, при котором во время танцевального шага тяжесть корпуса танцовщика переносится с одной ноги на другую.

Маленькая смерть (ϕp .).

Вьетминь («Лига независимости Вьетнама») — организация, созданная Хо Ши Мином для борьбы за независимость Вьетнама от Франции и Японии.

Рейд Дулитла — эпизод Второй мировой войны, в котором 16 средних бомбардировщиков под командованием подполковника Джеймса Дулитла, взлетев с американского авианосца, впервые атаковали территорию Японии. Налёт имел малое военное, но большое политическое значение. По сути, это был первый серьёзный укол не знавшей до этого поражений японской империи.

«Я люблю тебя» (*нем*.).

«Доброй ночи» (ϕp .).

«Приятного путешествия» (ϕp .).

домохозяйка (нем.).

«(Ваше) здоровье» (нем.).